СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 5.

ЛЕКЦІИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ПАРИЖѢ

ВЪ 1862 ГОДУ

С. П. ШЕВЫРЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1884 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Покойный С. П. Шевыревъ, оставивъ Московскій университетъ въ 1857 году, жилъ послѣ того за границей и умеръ въ Парижѣ 8-го мая 1864. Несмотря на болѣзнь, онъ не могъ оставаться празднымъ, и въ 1862 году, зимою, читалъ тамъ для кружка своихъ соотечественниковъ публичныя лекціи о русской литературѣ. Недавно наслѣдники его предоставили въ распоряженіе Академіи Наукъ рукопись этихъ лекцій. Отдѣленіе русскаго языка и словесности нашло, что при малочисленности трудовъ этого рода въ нашей литературѣ, такое общедоступное и оживленное изложеніе судебъ ея, хотя и прерывающееся на Карамзинѣ, не можетъ быть лишнимъ, и опредѣлило напечатать эти лекціи. Издавая ихъ нынѣ въ свѣтъ, Отдѣленіе считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою благодарность Екатеринѣ Степановнѣ Арсеньевой за сообщеніе послѣдняго труда одного изъ членовъ его, заслугамъ котораго оно отдаетъ полную справедливость. Оцѣнка дѣятельности Шевырева была сдѣлана въ отчетѣ Отдѣленія за 1864 годъ [1]). Вскорѣ послѣ его кончины,

[1]) См. Отчеты Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. II, также изданіе: Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1864 года.

П. А. Плетневъ, въ то время также находившійся въ Парижѣ и также смертельно больной, сообщая князю Вяземскому извѣстіе объ этой утратѣ, такъ выражался: „Я только здѣсь началъ съ нимъ сближаться. Онъ удивлялъ меня основательнымъ знаніемъ древнихъ и столькихъ новыхъ языковъ, начитанностію своею и разнообразіемъ предметовъ, о которыхъ судилъ съ знаніемъ дѣла. Даже Французы, которые у меня съ нимъ разговаривали, послѣ отзывались о немъ съ уваженіемъ". На это князь Вяземскій отвѣчалъ: „Я очень любилъ и уважалъ Шевырева, и высоко цѣнилъ его способности и дарованія. Едва ли онъ не одинъ былъ между нами настоящій homme de lettres, по разнообразнымъ своимъ свѣдѣніямъ, по прилежности и постоянству его въ литературныхъ трудахъ и вообще по всей жизни, которую онъ исключительно посвятилъ литературѣ".

Я. Гротъ.

Январь 1884.

СОДЕРЖАНІЕ ЛЕКЦІЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

СТР.

ЛЕКЦІЯ 1-я. — Вступленіе: Русскій языкъ — выраженіе духа и характера Русскаго народа. Три періода развитія русскаго слова..... 1

ЛЕКЦІЯ 2-я. — Религіозный періодъ русской словесности. Перенесеніе изъ Болгаріи Священнаго Писанія, богослужебныхъ книгъ и твореній отцовъ церкви. — Исповѣданіе вѣры Владиміра. — Иларіонъ. — Кириллъ Туровскій. — Серапіонъ. — Кириллъ Бѣлозерскій. — Кипріанъ. — Григорій (Цамблакъ). — Ересп. — Іос. Волоцкій. — Нилъ Сорскій. — Митр. Даніилъ. — Митр. Макарій. — Максимъ Грекъ. — Борьба въ русской церкви. — Кіевскія школы. — Димитрій Ростовскій. — Поэтическія религіозныя произведенія народа..... 19

ЛЕКЦІЯ 3-я. — Развитіе элемента личнаго человѣческаго. — Святославъ. — Св. Владиміръ. — Ярославъ: Русская Правда. — Владиміръ Мономахъ: Поученіе. — Іоаннъ Грозный: Переписка съ Курбскимъ. — Посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. — Духовное завѣщаніе. — Царь Алексѣй Михайловичъ: Урядникъ или Новое уложеніе и устроеніе сокольничья пути. — Книга Мѣрило Праведное. — Патр. Гермогенъ и его воззванія. — Лѣтопись Нестора и другія. — Житія святыхъ. 45

ЛЕКЦІЯ 4-я. — Развитіе элемента народнаго. — Слово о полку Игоревѣ, какъ гражданскій подвигъ и поэтическое созданіе. — Пословицы — выраженіе разума. — Поговорки. — Сказка — выраженіе фантазіи. — Пѣсня — выраженіе чувства. — Пѣсни общественныя, семейныя и личныя 71

стр.

ЛЕКЦІЯ 5-я. — Петръ Великій — первый представитель періода развитія личности. — Петръ въ дѣлѣ религіи, народности, языка и словесности. — Языкъ Петра, устный и письменный. — Черты личности Петра въ развитіи русскаго ума и слова..... 111

ЛЕКЦІЯ 6-я. — Новый періодъ русской словесности. — Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ переходъ отъ духовной литературы къ свѣтской. — Иванъ Посошковъ: «О скудости и богатствѣ». — Тредьяковскій. — Кантемиръ. — Общая характеристика писателей новаго періода. — Три отдѣла этого періода: лжеклассическій, романтическій и художественно-національный..... 125

ЛЕКЦІЯ 7-я. — Ломоносовъ. Свѣдѣнія о жизни его. — Ломоносовъ и наука. — Взглядъ Ломоносова на отношеніе науки къ вѣрѣ, государству и народной жизни и на отношеніе наукъ между собою. — Ломоносовъ какъ словесникъ и поэтъ..... 145

ЛЕКЦІЯ 8-я. — Сумароковъ — подражатель иностраннымъ писателямъ, основатель русскаго театра и первый русскій публицистъ. — Трагедіи Сумарокова, оды, сатиры, комедіи, притчи и басни. — Петровъ. Переводы его съ иностранныхъ языковъ, оды и посланія. — Державинъ. Его жизнь. Главныя черты Екатерининa вѣка изъ его произведеній. Державинъ-поэтъ..... 173

ЛЕКЦІЯ 9-я. — Лирическіе поэты, развивающіе данное Державинымъ направленіе въ разныхъ видахъ: Костровъ, Капнистъ: «Ябеда», Нелединскій-Мелецкій, Херасковъ, Николевъ, князь Долгорукій, Богдановичъ: «Душенька», Фонвизинъ: «Бригадиръ» и «Недоросль», Аблесимовъ, Княжнинъ..... 225

ЛЕКЦІЯ 10-я. — Дмитріевъ. — Карамзинъ. Свѣдѣнія о жизни. Новиковъ, какъ пособникъ въ образованіи Карамзина. — Пребываніе Карамзина за границей. — Литературная дѣятельность. — Покровительство Муравьева. — Исторія Государства Россійскаго..... 255

ЛЕКЦІЯ 1.

Позвольте мнѣ отнести привѣтъ, которымъ вы меня встрѣчаете, не ко мнѣ лично, а къ той мысли, которая меня привела сюда. Эта мысль близка намъ всѣмъ — мысль о нашемъ родномъ русскомъ словѣ. Тамъ, на пространствѣ шестой части обитаемой планеты, отъ рѣки Буга до Амура и Камчатки, отъ льдовъ полярныхъ до подошвъ Кавказа и Арарата, звучитъ наше слово, благозвучное и могучее; оно имѣетъ уже и тысячелѣтнюю свою исторію, если начать ее съ изобрѣтенія славянской грамоты въ 862 году. Я намѣренъ передать вамъ вкратцѣ его исторію, связавъ всѣ ея событія въ одно живое цѣлое. Предпринимаю это въ Парижѣ — городѣ, который издавна славился своимъ общежитіемъ и хранитъ воспоминанія, дорогія для насъ, въ исторіи нашего умственнаго и литературнаго развитія. Здѣсь, еще въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, изучалъ древнюю филологію славяно-русскій писатель Максимъ Грекъ, который учился у знаменитаго Ласкариса. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ славитъ общежитіе Французовъ и благодаритъ ихъ за то, что они превратили Парижъ въ центръ европейскаго просвѣщенія и дали въ немъ средства всякому молодому ученому изучать науки. Здѣсь Петръ Великій былъ принятъ членомъ въ академію наукъ,

и отсюда хотѣлъ проложить для знанія пути въ наше отечество, желая, чтобы науки, вращаясь по всей Европѣ, чрезъ Россію возвратились въ ихъ первоначальную колыбель — Грецію. Здѣсь князь Кантемиръ, будучи посланникомъ Россіи, бесѣдовалъ съ Монтескьё и другими великими умами тогдашней Франціи, переводилъ Фонтенеля и сочинялъ сатиры, съ которыхъ начинается наша новая литература. Здѣсь Фонвизинъ предчувствовалъ начало французской революціи. Здѣсь Карамзинъ знакомился съ Бартельми и Мармонтелемъ и выражался такъ объ общежитіи Французовъ: «Кажется, Французъ выдумалъ общежитіе, или оно было выдумано для него». Отсюда А. И. Тургеневъ, постоянный собесѣдникъ Шатобріана и Рекамье, передавалъ Пушкину въ его Современникъ умственное и литературное движеніе въ Парижѣ и Франціи. Здѣсь соплеменникъ нашъ Мицкевичъ открылъ первую каѳедру сравнительной исторіи славянскихъ литературъ, и говоря съ сочувствіемъ о нашей, призывалъ всѣхъ Славянъ къ миролюбивому единенію.

Могу ли умолчать о современномъ? Здѣсь наши духовные развиваютъ высокія идеи духовнаго міра, добытыя нашею церковью, и вступаютъ въ скромную полемику съ представителями римско-католической и протестантской церквей. Здѣсь наши ученые стоятъ на стражѣ новыхъ изобрѣтеній и открытій, и передаютъ ихъ въ отечество. Наши писатели, начиная съ Гоголя, находили въ шумномъ Парижѣ пустынное убѣжище и предавались въ немъ своимъ поэтическимъ вдохновеніямъ.

Чутка земля подъ Парижемъ! Французы сумѣли провести отсюда гремящіе токи во всѣ концы образованнаго и необразованнаго міра. Они подняли на такую высоту центръ общественной жизни, что отсюда виднѣе всякая мысль, слышнѣе всякое слово. Если и не водворена здѣсь еще желанная терпимость убѣжденій, то по крайней мѣрѣ на все обращено просвѣщенное вниманіе. Къ этому-то вниманію, въ лицѣ вашемъ, обращаюсь я. Позвольте мнѣ на него надѣяться. Оно ободритъ меня въ трудѣ и подкрѣпитъ мои силы. Въ этой надеждѣ я начинаю.

Идеи управляютъ міромъ: это выраженіе вошло въ пословицу. Но изъ всѣхъ идей современныхъ, самая живая — идея народности. Ей Италія обязана своимъ возрожденіемъ. Италіянскій философъ Вико говоритъ, что каждый народъ призванъ вложить свою частицу въ человѣческую мудрость, которая слагается изъ здравыхъ смысловъ каждой народной личности. Слѣдовательно, по Вико мудрость человѣческая до тѣхъ поръ не будетъ полна, пока всѣ народы не внесутъ въ нее своихъ вкладовъ.

Были народы, которые уже вложили дары свои въ общую сокровищницу и сошли съ лица земли. Есть другіе, которые продолжаютъ свои приношенія и стоятъ во главѣ европейскаго образованія. Есть наконецъ третьи, которые, хотя отчасти и сказали уже свое слово, но оно не было еще услышано другими, и дѣйствія ихъ принадлежатъ болѣе будущему, нежели прошедшему. Къ третьей категоріи принадлежимъ и мы.

Что̀ есть народное? Оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ идей, которыя болѣе чувствуются сердцемъ, нежели опредѣляются мыслію: таковы идеи прекраснаго и поэзіи. Перенеситесь воображеніемъ на родину: предъ вами разстилается широкая степь, покрытая снѣгомъ; промчится по ней ухорская тройка, зазвенитъ подъ дугой колокольчикъ, разольется по степи унылая пѣсня и защемитъ ваше сердце чувствомъ родины,—и вы ощущаете въ немъ силу народную....

Но ни въ чемъ такъ не сказывается эта сила, какъ въ языкѣ. Языкъ есть невидимый образъ всего народа, его физіономія. У насъ довольно изучали грамматику языка и словарь его; но почти нисколько не обратили вниманія на то, какъ въ русскомъ языкѣ выражаются духъ и характеръ русскаго народа. Вотъ задача, которую я предлагаю передъ началомъ моихъ бесѣдъ. Не берусь рѣшить ее вполнѣ, но постараюсь предложить нѣсколько новыхъ намековъ на ея рѣшеніе.

Русскій языкъ, вмѣстѣ съ языками ему соплеменными, принадлежитъ къ числу языковъ первобытныхъ, каковы санскрит-

скій, зендскій, греческій, латинскій, кельтскій, готскій, нѣмецкій и леттскій. Онъ имѣетъ одни и тѣ же корни, какіе и санскритскій, что было доказано здѣшнимъ же ученымъ Эйхгофомъ въ его книгѣ: «*Parallèle des langues de l'Europe et de l'Inde*». У насъ свои ученые: Петровъ, Коссовичъ, Гильфердингъ разработали этотъ предметъ и разъяснили дѣло. Относительно языковъ соплеменныхъ, русскій, какъ доказано, занимаетъ средину между двумя отраслями славянскихъ нарѣчій, показанными у Добровскаго. Наши предки жили нѣкогда на берегахъ Дуная и были оттуда двинуты Галлами на сѣверъ. Между тѣмъ какъ другіе народы двигались отъ сѣвера къ югу, ища лучшаго климата, наши предки напротивъ шли къ сѣверу, не боясь борьбы съ природою. Только въ русскомъ и польскомъ языкахъ сохранились коренные признаки древняго славянскаго произношенія. Прочія же племена, покорившись другимъ народамъ, утратили эти признаки по вліянію чужихъ языковъ.

Въ звуковомъ отношеніи русскій языкъ отличается между всѣми европейскими разнообразнымъ богатствомъ звуковъ. Наши гласные звуки дѣлятся на два разряда: на гласные твердые, произносимые всею широтою устъ, какъ напримѣръ звукъ *ла*, и на гласные мягкіе, какъ звукъ *ля*, сходный съ испанскимъ *lla*. Согласные, разсѣянные по другимъ языкамъ, у насъ сходятся вмѣстѣ. Нѣмецъ не различитъ *ж* отъ *ш*, *д* отъ *т*, *б* отъ *п*, *в* отъ *ф*, *с* отъ *з*. У Француза нѣтъ ни *ч*, ни *х*. У Италіянца нѣтъ чистаго *ж*. Въ этомъ звуковомъ богатствѣ заключается тайна нашей способности говорить на всѣхъ почти языкахъ, за что насъ славятъ другіе народы и въ чемъ намъ сочувствуютъ. Этому дарованію въ будущемъ предлежитъ еще большее развитіе. Но если такъ, то правы ли мы передъ своими дѣтьми, когда слишкомъ рано, вмѣсто природнаго языка, влагаемъ имъ языкъ чуждый, лишенный нашей народной способности? Замѣчу, что, конечно, не даромъ Провидѣніе поставило на рубежѣ Европы народъ, одаренный такимъ многоязычіемъ. Намъ суждено усвоить и соединить всѣ результаты европейскаго образованія, для чего

языки служатъ лучшимъ орудіемъ. Рѣчь, которою мы говоримъ и пишемъ, сложилась изъ двухъ стихій: языка славяно-церковнаго и устнаго народнаго, которые издревле между собою различались. Теперь они такъ слиты въ нашемъ языкѣ, что раздѣлить ихъ невозможно. Славяно-церковный языкъ имѣлъ у насъ свою исторію, но теперь формы его уже навсегда отвердѣли и грамматика не терпитъ уже никакихъ измѣненій. Послѣдній образецъ его является намъ въ языкѣ твореній Дмитрія Ростовскаго. Языкъ же народный, устный, не подчиненъ никакимъ оковамъ грамматики: всякое правило подвергается въ немъ множеству исключеній. Не выражается ли и въ этомъ рѣзкая черта народнаго характера?

Языкъ нашъ не имѣетъ члена, и тѣмъ показываетъ, что онъ болѣе созданъ для рѣчи живой, нежели письменной, и въ этомъ сходенъ съ языкомъ латинскимъ. Служебные слоги, изъ которыхъ образуются наши слова, очень длинны. Это составляетъ одну изъ трудностей въ управленіи нашимъ языкомъ. Наша рѣчь широкая, размашистая, какъ и народный характеръ. Два противоположныя свойства соединяются въ русскомъ человѣкѣ: необыкновенная сила и необыкновенная мягкость. Силу мы видѣли и въ звукахъ языка. Она же отражается и въ именахъ увеличительныхъ и уменьшительныхъ. Эта сила, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, переходитъ въ наспліе и въ грубость, мягкость же дѣлаетъ человѣка русскаго кроткимъ и христіанскисмиреннымъ, но иногда, при тѣхъ же обстоятельствахъ, перерождается въ униженіе. Имена увеличительныя обнаруживаютъ большую силу, переходящую въ грубость. Необыкновенно прелестны наши уменьшительныя ласкательныя, они особенно милы въ нашемъ семейномъ быту *). На какой языкъ можно перевести слова: *душенька, душка?* Италіянцы употребляютъ слово

*) Русскій простой народъ страсть уменьшать слова простираетъ и на другія части рѣчи. Онъ говоритъ: нынечко, теперичка, оченько, спатеньки и проч.

animetta, но не въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ наше. За то наши унизительныя имена не дѣлаютъ чести ни языку, ни народу. Польки, Мишки, Ѳедьки, Прошки слишкомъ долго унижали у насъ человѣческое достоинство, искажая то имя, которое давала Русскому при рожденіи православная церковь.

Глаголъ въ русскомъ языкѣ представляетъ систему, совершенно отличную отъ глагола въ другихъ языкахъ, и трудности, неодолимыя для иностранцевъ. Особенно сильно развито въ немъ повелительное наклоненіе: русскій языкъ употребляетъ наклоненіе неопредѣленное: *молчать! быть по сему!* Есть еще особенный способъ отдавать приказаніе посредствомъ прошедшаго совершеннаго: русскій человѣкъ говоритъ: *пошелъ!* Его воля такъ сильно выражается, что онъ желалъ бы, чтобы приказаніе его перешло въ прошедшее въ тотъ самый мигъ, какъ онъ отдаетъ его.

Замѣтно, напротивъ, въ нашемъ языкѣ отсутствіе наклоненія сослагательнаго, которое составляется у насъ искусственно, посредствомъ условной частицы *бы*, но не имѣетъ особенныхъ формъ, такъ сильно и богато развитыхъ въ языкѣ латинскомъ. Въ разнообразныхъ оттѣнкахъ сослагательныхъ формъ этого послѣдняго, вы видите народъ, который изобрѣлъ римское право и въ немъ особенно развилъ систему *договоровъ* со всѣми ея утонченностями.

Русскій народъ, напротивъ, договоровъ не любитъ, и особенно боится писанныхъ, зная чутьемъ, какому злоупотребленію они могутъ быть подвергнуты. Хотя онъ и говоритъ въ пословицѣ: «уговоръ лучше денегъ», но подъ уговоромъ разумѣетъ живое слово, основанное на взаимной вѣрѣ другъ въ друга, а не мертвое писанное, подъ которое можно поддѣлаться. Не въ этомъ ли заключается одна изъ причинъ, почему такъ затруднительны у насъ теперь уставныя грамоты, или письменные договоры между помѣщиками и крестьянами?

Есть еще нѣжный оттѣнокъ въ употребленіи женскаго рода въ прошедшихъ временахъ глагола. Во французскомъ языкѣ

нельзя замѣтить, пишетъ ли записку женщина или мужчина. Укоряли нашъ народъ въ томъ, что онъ будто бы грубо обращался съ женскимъ поломъ; но языкъ однако того не показываетъ и, напротивъ, болѣе къ нему внимателенъ, чѣмъ другіе языки. Эти прошедшія женскаго рода придаютъ много женственной прелести стихамъ нашихъ писательницъ, и особенно графини Ростопчиной.

Нашъ глаголъ имѣетъ виды; они трудны не только для иностранцевъ, но и для Русскихъ и даже для самихъ грамматиковъ, которые до сихъ поръ не совершенно опредѣлили ихъ значеніе. Виды выражаютъ возможность или сократить дѣйствіе въ одну секунду времени, или растянуть его на самое большое пространство, или наконецъ выразить его несовершенно и совершенно. Чтобы выразить наше: *я кольнулъ*, Французъ долженъ сказать: *j'ai piqué une fois*; чтобы сказать: *я калывалъ — j'ai piqué plusieurs fois*; выразить несовершенно: *я кололъ — je piquais*, совершенно: *я укололъ — je piquai*.

Не выражается ли въ этой возможности сокращать и растягивать дѣйствіе времени то свойство русскаго народа, по которому онъ сокращаетъ иногда вѣка въ десятки лѣтъ, годы въ мѣсяцы, мѣсяцы и дни въ мгновенія; лѣнится и растягиваетъ время свое не дорожа имъ, а потомъ пробуждается вдругъ и дѣйствуетъ; сидитъ сиднемъ 30 лѣтъ какъ Илья Муромецъ, и внезапно встаетъ богатыремъ, готовымъ на всякое славное дѣло?

Виды глагола даютъ основную норму для его правильнаго спряженія. Чтобы проспрягать русскій глаголъ правильно по всѣмъ временамъ, надобно прежде опредѣлить всѣ его виды въ неопредѣленномъ наклоненіи. Тогда спряженіе будетъ вполнѣ разгадано и совершится правильно. Такого рода упражненія могли бы быть особенно полезны для молодыхъ Русскихъ, занимающихся своимъ языкомъ за границею. Я готовъ бы былъ передать мысли мои о томъ гг. преподавателямъ, но, конечно, не

здѣсь, гдѣ я и безъ того боюсь наскучить грамматическими подробностями *).

Есть еще свойство въ русскомъ глаголѣ, дающее самые разнообразные оттѣнки дѣйствію: это — сочетаніе съ глаголами предлоговъ. Возьмемъ прежній примѣръ и пріурочимъ къ глаголу *кололъ* разные предлоги; получимъ: *укололь*, *закололь*, *откололь*, *прикололь*, *покололь*, *надкололь*, *накололь*, *раскололь*, *искололь*, *скололь*, *перекололь*, *докололь* и проч. Какое безконечное разнообразіе оттѣнковъ получило одно и то же дѣйствіе! Это свойство въ русскомъ языкѣ одинаково съ свойствомъ языковъ греческаго и латинскаго, но его нѣтъ уже въ языкахъ производныхъ; есть оно также и въ языкѣ нѣмецкомъ, но Нѣмцы откидываютъ предлоги отъ глаголовъ, ставя въ концѣ періода dar, ab, или zu. Упражненія въ этомъ сочетаніи предлоговъ съ глаголами также весьма полезны для изученія духа русскаго языка **).

Нарѣчія въ русскомъ языкѣ, по своему образованію, пре́дставляютъ слѣды глубокой древности, свидѣтельствующіе о его

---

*) Какъ въ латинскомъ языкѣ для правильнаго спряженія глагола нужно знать формы его настоящаго, прошедшаго, совершеннаго, супинумъ и неопредѣленное наклоненіе, такъ въ русскомъ необходимо знать всѣ виды неопредѣленнаго наклоненія. Пока не явится полный словарь русскихъ глаголовъ, съ обозначеніемъ всякаго глагола во всѣхъ его видахъ и съ прибавленіемъ къ нему предлоговъ, измѣняющихъ также оттѣнки временъ, до тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть матеріаловъ для полной системы русскаго спряженія.

**) Въ живой рѣчи времена глаголовъ употребляются нерѣдко безразлично: настоящее вмѣсто прошедшаго и будущаго, прошедшее вмѣсто будущаго и настоящаго, и будущее вмѣсто настоящаго и прошедшаго. Это заставило покойнаго К. С. Аксакова принять за общее правило, что русскій языкъ не допускаетъ въ глаголѣ временъ кромѣ настоящаго. Въ самомъ дѣлѣ, прошедшее и будущее у насъ составляются сложнымъ словомъ посредствомъ подразумѣваемыхъ вспомогательныхъ: *есмь*, *еси*, *есть* и проч. — для прошедшаго, *буду* и проч.—для будущаго. Одно лишь настоящее имѣетъ свою собственную форму. Это—свойство языка живаго, не отвлеченнаго, языка конкретнаго, а не абстрактнаго, языка жизни дѣйствительной, потому что въ дѣйствительности существуетъ только настоящее, а прошедшаго и будущаго нѣтъ; мы признаемъ ихъ только въ отвлеченномъ. Совершенно противоположное тому представляетъ, напр., еврейскій языкъ, имѣющій прошедшее и будущее и лишенный настоящаго, можетъ быть потому, что какъ только мы произнесли его, оно ускользнуло и уже сдѣлалось прошедшимъ.

первобытности, и указываютъ на формы древнихъ падежей и на обороты синтаксиса не менѣе древніе. Междометія также сильно развиты въ русскомъ языкѣ, чѣмъ онъ отчасти сходствуетъ съ языкомъ греческимъ. Это показываетъ, что живое чувство входитъ сильно въ нашу рѣчь. Такое свойство еще ярче замѣтно въ употребленіи глаголовъ въ видѣ междометій, чѣмъ особенно отличается рѣчь простаго народа и басня Крылова, наприм.: *хвать*, *щелкъ*, *прыгъ*, *скокъ*, *хлопъ*, *цапъ*, *цапъ-царапъ*, *глядь*, *черкъ*, *шасть*, *вильвиль* и проч. Жуковскій въ своихъ басняхъ, подражая Крылову, любилъ до излишества подобныя выраженія.

Перейдемъ къ синтаксису. Онъ въ живой русской рѣчи отличается необыкновенною силою и краткостью. Эти свойства особенно видны въ отсутствіи существительнаго глагола, соединяющаго въ другихъ языкахъ подлежащее со сказуемымъ. Русская рѣчь не любитъ періода особенно длиннаго, и подразумѣваетъ союзы, соединяющіе предложенія. Періодъ былъ наложенъ на нашъ языкъ славяно-церковнымъ, а имъ принятъ отъ языка греческаго. Этотъ художественный языкъ, черезъ славянскій, имѣлъ значительное вліяніе и на нашъ. Ему мы обязаны сложными прилагательными, которыми въ нашемъ языкѣ такъ изящно переводятся пластическіе эпитеты Гомера; ему же мы обязаны сильнымъ развитіемъ причастій, которыхъ русскій народный языкъ не любитъ.

Ломоносовъ облекъ нашъ языкъ въ величавую римскую тогу, выкроивъ синтаксисъ по латинскому періоду, и эта тога къ нему пристала, но не удержалась на немъ. Карамзинъ, подражая тѣмъ народамъ, которые согласуютъ рѣчь разговорную съ письменною и пишутъ какъ говорятъ, а говорятъ какъ пишутъ, упростилъ нашу рѣчь и создалъ языкъ литературный. Онъ очинилъ перо для всѣхъ русскихъ писателей, перо, которое теперь еще въ ходу. Но все будущее русскаго языка заключается въ большемъ сближеніи его съ народною устною молвою. Къ ней стремятся и ее изучаютъ всѣ лучшіе наши писатели. Мы

тѣмъ отличаемся отъ другихъ народовъ, что у насъ простой народъ говоритъ не какимъ-нибудь грубымъ патуа, а лучшею избранною рѣчью. Еще Пушкинъ замѣтилъ, что русскому литератору надобно прислушиваться къ говору московскихъ просвиренъ и искать выраженій русскихъ на народныхъ съѣздахъ. Много матеріаловъ готовится теперь для этого у насъ. Укажу на Сборникъ, русскихъ пословицъ, недавно изданный Далемъ, на его же Словарь, издаваемый Обществомъ любителей россійской словесности, и на Народныя русскія пѣсни, изданныя Рыбниковымъ и собранныя въ одной только Олонецкой губерніи.

Перейдемъ къ словарю. Въ словахъ можно изучать первоначальную философію народа и исторію его сношеній съ другими народами. Философія народа открывается намъ въ производствѣ словъ отъ корней, чѣмъ объясняется ихъ первоначальное значеніе. Возьмемъ слово *мать:* оно имѣетъ корень въ санскритскомъ глаголѣ *ма*, что̀ значитъ: *имаю, емлю, обнимаю.* Какое высокое понятіе о значеніи матери открывается въ этомъ словѣ! — Возьмемъ слово *истина*: оно происходитъ отъ слова *есть.* Русскій человѣкъ признаетъ за истину то, что̀ дѣйствительно *есть.* — Вотъ еще слово *міръ*: оно означаетъ собраніе всѣхъ вещей видимыхъ, а вмѣстѣ согласіе и стройность, выражаемыя словомъ *міръ*, которое хотя пишется иначе, но есть одно и то же слово. Это понятіе о гармоніи міра физическаго русскій человѣкъ переноситъ и на міръ нравственный, разумѣя подъ нимъ собраніе людей, связанныхъ единодушіемъ воли. Слова *красный, прекрасный, красота* обозначили понятіе о красотѣ тѣмъ лучшимъ цвѣтомъ, который природа даетъ зарѣ, розѣ и цвѣту лица въ нашей юности; онъ есть и любимый цвѣтъ нашего народа *).

*) Есть еще замѣчательное производство словъ, имѣющихъ одинъ корень: *смерть, смрадъ, мразъ, мерзокъ, мракъ.* Достойно вниманія, что непріятныя ощущенія нашихъ чувствъ выражаются словами одного происхожденія съ самымъ непріятнымъ словомъ, выражающимъ понятіе о смерти. Но чувство слуха не имѣетъ на своей сторонѣ никакого слова къ выраженію непріятныхъ его ощущеній, потому что смерть для слуха есть безмолвіе, то-есть отсутствіе всякаго ощущенія.

Многіе народы, бывшіе съ нами въ сношеніяхъ, оставили слова свои въ русскомъ словарѣ. Отъ Финновъ, древнихъ насельниковъ той земли, куда пришло наше племя съ Дуная, осталось много названій урочищъ, каковы: *Москва, Ока, Шексна, Вокша, Мста, Ильмень* и другія. Отъ Варяговъ остались у насъ: *варягъ*, означающій ходока по Русской землѣ; *ябеда*, нами слишкомъ употребляемая во зло, *костеръ*, указывающій на языческій обычай нашихъ предковъ сожигать мертвыхъ, *кнутъ*, имѣющія въ др. скандинавскомъ языкѣ корень, и многія другія. По Руси проходили полчища разныхъ варварскихъ народовъ, напиравшихъ изъ Азіи на Европу. Мы назначены были отъ Провидѣнія служить оградою для европейскаго образованія. Оно могло развиться спокойно въ то время, какъ мы приносили ему собою великую жертву.

Счастливѣе насъ были въ этомъ отношеніи западные народы крайней Европы. Тамъ нападали на нее Арабы, народъ просвѣщенный, изобрѣтатель алгебры, переводчикъ Аристотеля и греческихъ поэтовъ, давшій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, риѳму и многія прелестныя формы европейской поэзіи. У насъ же кто были? Обры или Авары, отъ которыхъ въ лѣтописяхъ осталась одна только устная притча: «погибоша аки обри». Они запрягали дулѣбскихъ женъ въ свои телѣги. Около Кіева прокочевали, на Подолѣ Днѣпра, Угры или Мадьяры, отъ которыхъ, какъ думаетъ Шафарикъ, осталось у насъ въ языкѣ слово телѣга (taliga). За ними слѣдовали Печенѣги, пившіе кумысъ изъ черепа Святославова, Половцы и наконецъ Татары. Иго послѣднихъ въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ протяготило нашу землю.

Эти народы, проходя по Руси, оставляли за собою только груды костей человѣческихъ, да пепелища городовъ и селъ.

Наши враги распространяютъ ложное мнѣніе, будто бы Россія была монголизирована. Народъ нашъ, напротивъ, питалъ всегда отвращеніе къ Татарамъ. Свидѣтельствуетъ это пословица:

«незваный гость хуже Татарина». Мать, провожая сына на горькое житье, поетъ ему причеты:

«Ты Татарина назовешь роднымъ батюшкой,
«А Татарку родной матушкой».

Еще Карамзинъ замѣтилъ, что въ русскомъ языкѣ осталось не болѣе пятидесяти татарскихъ словъ. Изслѣдованія подтверждаютъ это: *казна*, *караулъ*, *аршинъ*, *ералашъ*, *кабакъ* — татарскія слова *). Ихъ не измѣнялъ народъ и не осмысливалъ по-своему, какъ онъ это дѣлаетъ съ другими словами иностранными. Такъ напримѣръ, слово *дилижансъ*, которое ему очень понравилось, онъ превратилъ въ *лежанку*, или *лежанецъ*, изъ *омнибуса* сдѣлалъ *обнимусь*. Съ свойственною ему ироніею, *ресторацію* превратилъ въ *растеряцію*, а изъ *мародера* сдѣлалъ *міродера*. Но ничто ему такъ не полюбилось изъ всѣхъ изобрѣтеній европейской цивилизаціи, какъ желѣзная дорога, которой онъ далъ имя свое и прекрасное: *чугунка*.

Нѣкоторыя слова въ древней Руси указываютъ на торговыя наши сношенія съ европейскими народами. Такъ, слово *шелковый* въ XIV вѣкѣ замѣняется словомъ *шидяный* — отъ нѣмецкаго слова *seide*, потому что тогда мы покупали шелкъ у Нѣмцевъ, а когда стали покупать его у Англичанъ, то заимствовали у нихъ слово silk (шелкъ).

Когда Россія отворила настежъ ворота европейскому образованію, тогда вмѣстѣ съ нимъ вторглись къ намъ безчисленныя слова иностранныя. Ломоносовъ называлъ это наводненіемъ и, какъ блюститель чистоты роднаго слова, поставилъ противъ него плотину въ языкѣ славяно-церковномъ. Но, несмотря на то,

*) Замѣчательно также, что названія лошадиныхъ мастей у насъ татарскія: *карій*, *чалый*, *буланый*. Видно, что Татары, какъ лихіе наѣздники и первые конокрады въ Россіи, имѣли вліяніе на торговлю у насъ лошадьми. Самое слово *лошадь*, какъ доказывалъ еще Сумароковъ, есть татарское, хотя и встрѣчается еще до Татаръ въ лѣтописи начала XII вѣка.

слова вторгались, и многія изъ нихъ остались. Словарь нашъ свидѣтельствуетъ о нашемъ гостепріимствѣ къ европейскому образованію. Возьмите одну букву *А*: въ ней весьма много иностранныхъ словъ и очень мало русскихъ. У Голландцевъ мы переняли всѣ термины мореплаванія, у Италіянцевъ — термины искусства, у Французовъ — слова, касающіяся домашняго и свѣтскаго общежитія; но то не хорошо, что мы даже въ семейный бытъ внесли изъ этого языка названія отца и матери (папà, мамà), передѣлавъ ихъ однако по-своему въ уменьшительныя, *папенька*, *маменька*.

Нѣмцы были для насъ менѣе полезны другихъ народовъ. Они дали намъ свою табель о рангахъ, со всѣми ихъ коллегіенъ-титулеръ-гофъ-штатсъ-ратами, которые при Екатеринѣ II переведены на русскій языкъ, чтобы еще болѣе привить ихъ къ чинолюбію русскихъ людей, и названы совѣтниками.

Характеризуя русскій языкъ чертами народнаго характера, въ заключеніе моей характеристики скажу, что, къ чести нашей, мы не создали искусства говорить на немъ много, не сказавъ ни одной мысли, и не выдумали искусства скрывать въ немъ мысль свою, извративъ его первоначальное назначеніе выражать ее открыто. Наше слово было, по большей части, искреннимъ и честнымъ.

Наше слово имѣетъ, какъ я сказалъ, свою тысячелѣтнюю исторію, если считать ее съ изобрѣтенія славянской грамоты и начала перевода Священнаго писанія, которые совершились, по изслѣдованіямъ ученыхъ, въ 862 году. Но слѣдуетъ вопросъ: имѣетъ ли эта исторія право на названіе науки? Выражаетъ ли она въ своихъ событіяхъ общій законъ развитія человѣчества, или есть только случайное сцѣпленіе литературныхъ фактовъ безъ всякаго участія мысли, которая развилась бы въ нихъ органически? Я отвѣчаю на этотъ вопросъ утвердительно: исторія русской словесности имѣетъ полное право быть наукою.

Три періода совершаетъ человѣчество вообще, и каждый народъ въ особенности, по тремъ элементамъ, которые участву-

ютъ въ его развитіи: Божественный, лично-человѣческій и народный. Эти три элемента, обозначающіе три періода, соотвѣтствуютъ троичному проявленію самого Божества. Если человѣкъ былъ созданъ по образу и по подобію Божію, то и исторія человѣчества должна носить на себѣ отраженіе троичности Божественной. Какъ ни помраченъ былъ образъ Божества въ человѣкѣ, но все-таки мы его въ немъ находимъ: такъ точно и въ исторіи человѣчества образъ Божественный сіяетъ своимъ троякимъ лучемъ, несмотря на густыя облака событій, его затмѣвающія. Отклоняю объясненіе по этому предмету, потому что оно завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Каждый народъ начинаетъ свое развитіе опредѣленіемъ своихъ отношеній къ Божеству. Италіянскій философъ Вико въ своей книгѣ: *Новая наука* говоритъ, что исторія не представила ни одного народа безбожника. Въ самомъ дѣлѣ, безуміе безбожія можетъ встрѣтиться въ одномъ человѣкѣ, но въ цѣлыхъ народахъ мы никогда его не видали. Чѣмъ народъ крѣпче и благонадежнѣе, тѣмъ глубже онъ задумывается о Божествѣ и тѣмъ долѣе живетъ въ религіозномъ періодѣ.

Но какъ всякое человѣческое развитіе имѣетъ свою немощь, то и религіозный періодъ имѣетъ свои недостатки, когда переходитъ въ излишество обряда, или въ господство ѳеократіи. Противъ этого является противодѣйствіемъ лично-человѣческое начало. Человѣческая личность тогда только имѣетъ значеніе, когда служитъ сосудомъ идей истины, добра и красоты. Безъ нихъ же она перерождается въ эгоизмъ.

Противъ этой слабой стороны нашей личности воздѣйствуетъ начало народное. Народъ даетъ личности человѣческой опору и цѣль; безъ него личность является праздно-отвлеченною. Но и народное, будучи взято въ отдѣльности, имѣетъ также свою слабую сторону, о чемъ мы скажемъ послѣ.

Примѣнимъ эти общія начала къ исторіи развитія всего человѣчества. Первый періодъ — религіозный является на Востокѣ. Здѣсь была колыбель религій всего міра. Здѣсь, на горахъ и въ

долинахъ Азіи, небо открывало свои тайны землѣ. Здѣсь были Хоривъ, Синай и Ѳаворъ. Отсюда взошелъ свѣтъ истинной вѣры, озарившій человѣчество. Но здѣсь же обрядъ и ѳеократія сковали личность человѣка: вмѣсто того, чтобы поклоняться Богу живому и истинному, который даруетъ свободу человѣку, человѣкъ создалъ самъ себѣ бога и отдалъ себя въ оковы своему же созданію.

За періодомъ восточнымъ слѣдуетъ греческо-римскій, въ которомъ развилась свободно, во всей красотѣ своей и силѣ, человѣческая личность. Лица Греціи и Рима — герои, въ которыхъ проявляются идеи истины, правды, добра и красоты. Героизмъ древнихъ переродился въ эгоизмъ въ лицѣ римскихъ Цезарей. Онъ сокрушился у подножія Креста, на которомъ искуплена была въ вѣчную свободу личность человѣческая и человѣчество причастилось Божества. Когда Распятый восклицалъ: «Боже мой, Боже мой, вскую мя оставилъ еси?» Онъ исповѣдалъ въ себѣ человѣчество. — Когда Онъ вопіялъ къ Отцу: «Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой», въ Немъ открылась тайна Божества.

Вскорѣ по Его вознесеніи и соединеніи съ Божествомъ, Духъ Святый въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на учениковъ Его и друзей, на просвѣтителей человѣчества. Что же значатъ эти огненные языки? Это — народы, члены великой семьи человѣческой. Всякая народность была здѣсь освящена, всякій народъ явился идеею Божіей, облеченною въ слово.

Только со времени христіанства народы стали признаваться другими народами. Греки называли всѣ другіе народы варварами, признавая за народъ только себя. Римляне уважали однихъ тѣхъ, которымъ давали право римскаго гражданства. Въ наше время народы становятся личностями, и каждый изъ нихъ себѣ цѣлью, а не средствомъ для другихъ. Право естественное отъ отдѣльныхъ лицъ переходитъ на цѣлые народы, и право международное должно торжествовать болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Законъ развитія, общій всему человѣчеству, отражается и въ каждомъ народѣ, равно и въ словѣ его, какъ выраженіи его жизни. Разсмотримъ, какъ онъ отражается въ исторіи русскаго слова.

Русскій народъ начинаетъ также періодомъ религіознымъ, въ которомъ, опредѣляя свои отношенія къ Божеству, остается семь вѣковъ съ половиною. Почему же такъ долго? Потому, что все великое, по закону самой природы, растетъ туго и медленно, какъ дубы и кедры. Въ это время словесность русская имѣетъ преимущественно религіозный характеръ и принадлежитъ болѣе церкви. Слабость дѣла человѣческаго отражается также въ обрядной сторонѣ, олицетворяемой расколомъ, и въ потемкахъ ѳеократіи при патріархѣ Никонѣ.

Этой слабой сторонѣ воздѣйствуетъ новый періодъ, въ которомъ развивается личность русскаго человѣка. Въ древнемъ періодѣ личность развивалась только въ двухъ видахъ: государя и инока. Съ Петра Великаго начинается собственно у насъ періодъ развитія личности, и можетъ быть названъ въ лучшихъ своихъ представителяхъ героическимъ.

Въ наше время реформа Петрова дожила до своихъ предѣловъ и вызываетъ необходимое воздѣйствіе. Вотъ почему многіе снимаютъ съ Петра его величіе и хотятъ отнять у него всякую заслугу. Но это невѣрно. Исторія должна ему возвратить ее,— и заслуга его состоитъ въ великой дѣятельной работѣ отечеству. Она выражена словами двухъ поэтовъ: Ломоносова и Пушкина. Первый справедливо сказалъ о немъ, что онъ *царствуя служилъ;* второй назвалъ его прекрасно *вѣчнымъ работникомъ на тронѣ.*

Со времени Петра идеи человѣческія совершенно правильно развились въ главныхъ представителяхъ русской словесности. Ломоносовъ является героемъ истины и всю свою жизнь до послѣдняго вздоха приноситъ въ жертву наукѣ.

Истина, переходя изъ науки въ жизнь, становится правдою. Героемъ правды является наслѣдникъ Ломоносова въ литера-

турѣ, Державинъ. Идея правды внушила ему его лучшія пѣснопѣнія. Онъ опредѣлялъ Бога такими словами:

«Онъ совѣсть внутрь, Онъ правда внѣ».

Вспомнимъ стихи, которыми онъ заключаетъ свою оду «Властителямъ и судіямъ», воспѣтую во имя правды:

Воскресни Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли!
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь одинъ Царемъ земли.

Идея добра осуществилась у насъ въ двухъ представителяхъ словесности, тѣсно связанныхъ родствомъ души: въ Карамзинѣ и Жуковскомъ. Карамзинъ воплощалъ идею добра въ соединенной любви къ отечеству и человѣчеству. Вся жизнь его дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой онъ изучалъ все то, что̀ прекраснаго есть въ человѣчествѣ, а въ другой принесъ плоды этого изученія на алтарь отечества, посвятивъ трудъ свой его монументальной исторіи. Жуковскій идею добра сліялъ въ душѣ своей съ идеею красоты. Облетая весь міръ своею прекрасною душою, онъ сочувствовалъ всѣмъ красотамъ поэзіи разныхъ народовъ міра и усвоилъ ихъ родному языку.

Пушкинъ, имя котораго не можетъ быть произнесено безъ чувства скорби при мысли о кровавой и преждевременной его утратѣ, является намъ героемъ красоты. Въ одномъ стихотвореніи: *Эхо* онъ выразилъ намъ свое назначеніе какъ поэта. Онъ отзывался на все прекрасное, что̀ встрѣчалъ въ жизни своей и своего отечества. Истинная, живая красота не можетъ быть не народною. Въ Пушкинѣ прекрасное сочеталось тѣсно съ народнымъ.

Въ періодъ развитія личности была также своя слабая сторона, которая сильно обнаруживается и теперь. Этотъ недугъ нашего времени есть эгоизмъ, противъ котораго спасеніе въ сильномъ развитіи народнаго начала.

Пушкинъ въ двухъ своихъ главныхъ произведеніяхъ: «Евгеніи Онѣгинѣ» и «Борисѣ Годуновѣ», созналъ: въ первомъ — болѣзнь своей эпохи, во второмъ — народное начало, которое можетъ быть отъ нея спасеніемъ. Отъ этихъ двухъ произведеній ведутъ свое начало всѣ замѣчательнѣйшія явленія словесности нашего времени. Они или изображаютъ отвлеченный эгоизмъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ развившійся въ русскомъ человѣкѣ, или пускаются въ глубины народнаго духа и изображаютъ его свѣтлыя и темныя стороны. Есть писатели, которые, какъ Геркулесъ, стоятъ на распутіи, служа поперемѣнно то тому, то другому элементу въ нашей жизни.

Великое событіе, совершившесся въ наше время, освобожденіе крестьянъ, есть также плодъ развитія народныхъ началъ въ нашей жизни. 20.000.000 безкровныхъ существъ возвращены человѣчеству. Сколько новыхъ силъ дано въ этомъ возобновленіи достоинства человѣческаго русскому народу! Правда, что отечество наше болѣетъ, страдаетъ, но безъ сильныхъ мукъ не родится ничто великое. Мы вполнѣ надѣемся, что оно переживетъ настоящій кризисъ со славою и разрѣшитъ вопросъ освобожденія къ полному счастію всѣхъ сословій народа. Мы имѣемъ всѣ задатки къ разрѣшенію этого вопроса, главнѣйшій изъ которыхъ заключается въ нашей землѣ, составляющей шестую часть обитаемой планеты. Россія имѣетъ 70.000.000 жителей, а на землѣ своей можетъ помѣстить ихъ 700.000 000. Вотъ въ чемъ заключается наша возможность разрѣшить вопросъ освобожденія безъ пролетаріата. А вспомнимъ, какъ страшенъ пролетаріатъ на Западѣ. Испугавшись его, Франція отказалась отъ большей части своей политической свободы. Моммзенъ говоритъ, что если бы пролетаріатъ восторжествовалъ въ Англіи, то отодвинулъ бы ее на двѣсти лѣтъ назадъ и отозвался бы отъ береговъ Массачузета въ Америкѣ черезъ всю Европу и Азію до Японіи. Въ Германіи страхъ пролетаріата лишаетъ простолюдина нѣмецкаго права заключать бракъ и вести семейную жизнь. Въ пролетаріатѣ заключается одно изъ препятствій политическому единству

Италіи;изъ пролетаріевъ Неаполя вербуются тѣ разбойники, которые опустошаютъ югъ Италіи. У насъ пролетаріатъ невозможенъ при надѣлѣ крестьянъ землею. Россія можетъ со временемъ представить Западу одно изъ самыхъ счастливыхъ государствъ на землѣ, въ которомъ не будетъ ни одного человѣка безъ участка земли. Зародышъ такого великаго явленія заключается въ освобожденіи крестьянъ. Къ чести нашей современной литературы должно сказать, что наши писатели, начиная съ Гоголя, Павловъ, Тургеневъ, Григоровичъ и другіе, много содѣйствовали словомъ этому славному дѣлу. Много залоговъ и надеждъ въ литературѣ того народа, гдѣ мысль и слово выражаются прекраснымъ дѣломъ жизни.

ЛЕКЦІЯ 2.

Въ прошедшій разъ мы старались рѣшить вопросъ: какъ характеръ русскаго человѣка отражался въ русскомъ языкѣ? Этотъ вопросъ совершенно новъ въ нашей наукѣ. Я не взялся рѣшить его вполнѣ, но задалъ его въ первый разъ и представилъ вамъ нѣкоторыя данныя для его рѣшенія.

Далѣе опредѣлена та основная мысль, которая пройдетъ черезъ всю науку и освѣтитъ всѣ ея событія, связавъ ихъ въ одно органическое цѣлое. Считаю нужнымъ прежде чѣмъ отправиться въ путь исторіи, обозначить еще разъ яркими чертами эту мысль, которая послужитъ намъ руководительною нитью.

Три элемента въ человѣкѣ, постепеннымъ своимъ развитіемъ, опредѣляютъ три періода въ жизни всего человѣчества и каждаго народа: элементъ божественный, лично-человѣческій и народный. Отъ правильнаго ихъ соотношенія зависитъ совершенство жизни человѣческой въ каждомъ народѣ. Къ этому идеалу ведетъ исто-

рія и въ этомъ пути заключается истинный прогрессъ каждаго народа и каждаго человѣка отдѣльно.

Народъ, какъ и человѣкъ, начинаетъ съ божественнаго. Если мы вѣруемъ въ Бога, какъ создателя человѣка, то необходимо должны признать вѣру откровенную. Мы не можемъ допустить нелѣпости, чтобы Богъ, создавъ человѣка, не далъ ему первой возможности стремиться къ Нему и не открылъ ему Себя. Иначе мы должны принять, что Богъ, при созданіи человѣка, завязалъ ему глаза и сказалъ ему: «ищи меня». Слѣды первоначальнаго откровенія видны во всѣхъ религіяхъ міра, какъ бы ни помрачена была въ нихъ истина Божества. Религіозный періодъ бываетъ вездѣ первоначальнымъ, и чѣмъ серьезнѣе, чѣмъ благонадежнѣе народъ, тѣмъ долѣе онъ обдумываетъ свою вѣру. Есть и своя слабая сторона въ этомъ періодѣ, когда религія переходитъ въ обрядность и въ ѳеократію. Такая участь постигла всѣ религіи Востока. Истинная же религія христіанская перешла изъ него въ Европу и двинула въ ней просвѣщеніе.

Противъ обрядности и ѳеократіи дѣйствуетъ лично-человѣческое начало, поскольку оно является сосудомъ истины и правды, добра и красоты. Но личность человѣческая, лишенная этихъ идей, впадаетъ въ эгоизмъ, который есть слабая сторона лично-человѣческаго элемента.

Противъ эгоизма воздѣйствуетъ элементъ народный. Человѣкъ безъ народа становится отрѣшенною единицею, ни на что не годною. Въ наше время, когда народный элементъ начинаетъ быть господствующимъ, весьма важно опредѣлить, какъ можно точнѣе, понятіе о народѣ. У Французовъ есть два слова для выраженія этого понятія. Недавно члены сената Франціи подняли было вопросъ о различіи этихъ двухъ понятій. Подъ именемъ peuple Французы разумѣютъ что́-то низшее, подъ именемъ nation — что́-то высшее. Peuple есть какъ бы стихія, изъ которой вырабатывается нація посредствомъ человѣческаго элемента, проникающаго каждую личность въ народѣ. Французы не назовутъ націею ни Калмыковъ, ни Киргизовъ, а даютъ

это имя только народамъ, причастнымъ образованію человѣческому.

Мы не имѣемъ двухъ словъ для выраженія одного понятія. У насъ есть одно только слово: *народъ*. Но употребляя его, мы нерѣдко относимъ это понятіе къ одному простому народу, и тѣмъ сами себя отъ него отторгаемъ. Это неправильно. Всѣ сословія въ народѣ необходимы, и всѣ вмѣстѣ должны составлять одно нераздѣльное органическое цѣлое.

Есть и въ народномъ элементѣ своя слабая сторона. На Западѣ она называется *массою*, а у насъ *чернью*. Это есть отсѣдъ отъ народа, отрѣшеніе неправильное отъ народной жизни, вредное благу общества и страшное государствамъ во время ихъ переворотовъ. Сюда входитъ все то, что̀ отрицаетъ божественное начало, что̀ коснѣетъ въ эгоизмѣ и что̀ отсѣдаетъ отъ народа, какъ органическаго цѣлаго.

Уяснивъ основную мысль нашу, мы бодрѣе приступимъ къ самой исторіи. Сегодня быстрымъ полетомъ мы обозримъ религіозную словесность древняго періода. Онъ объемлетъ семь съ половиною вѣковъ, кромѣ которыхъ ему предшествуетъ цѣлый вѣкъ религіозной словесности внѣ нашего отечества. Чтобы не потеряться въ этомъ лабиринтѣ, раздѣлимъ весь періодъ на три отдѣла. Къ первому относятся: вторая половина X-го, XI и XII вѣка; ихъ можно назвать вѣками яснаго и разумнаго пониманія истинъ вѣры. За тѣмъ слѣдуетъ второй отдѣлъ: вѣка скорби и туги народной — XIII, XIV и первая половина XV-го. Когда окрѣпла и сосредоточилась Русь въ одно государство, за вѣками скорби послѣдовали вѣка борьбы внутренней и внѣшней: вторая половина XV-го, XVI-й и XVII-й до конца его.

Чтобы сократить очеркъ, возьмемъ изъ всякаго вѣка по отголоску, и всѣ они сольются въ одинъ согласный хоръ, который выразитъ одну мысль отъ начала до конца.

Я сказалъ, что наша словесность начинается не у насъ, а въ соплеменномъ намъ народѣ — Болгарахъ. Для нихъ была изобрѣтена св. Кирилломъ славянская грамота, чему, по мнѣніямъ

ученыхъ, въ нынѣшнемъ году исполнится тысячелѣтіе. Для Болгаръ же первоначально переведены были Священное писаніе и богослужебныя книги тѣмъ же Кирилломъ и оконченъ переводъ въ Моравіи братомъ его, св. Меѳодіемъ. Въ Римѣ, на пути отъ Колизея къ церкви Святаго Іоанна Латеранскаго, на лѣвой рукѣ, стоитъ весьма древняя церковь св. Климента; въ ней покоятся мощи Кирилла, которому мы обязаны грамотою и христіанскимъ просвѣщеніемъ.

Когда за литургіею вы слышите чтеніе Евангелія, вспомните, что это были первыя слова, написанныя на славянскомъ языкѣ. Первыя слова Евангелія были: «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога». Самыя древнія рукописи Евангелія располагались по праздникамъ, а такъ какъ первый праздникъ христіанскій — Пасха, то съ этого Пасхальнаго Евангелія рукопись и начиналась. Когда вы слушаете Божественную литургію, вспомните, что это одинъ изъ первыхъ памятниковъ нашей христіанской словесности.

Не очень давно была открыта рукопись Евангелія съ предисловіемъ самого первоучителя Кирилла. Вотъ что̀ мы въ немъ читаемъ:

«Прогласъ Святого Евангелія: Христосъ грядетъ собрать народы: свѣтъ бо есть всему міру. Итакъ услышите Словяне всѣ: даръ сей данъ отъ Бога. . . . Слышите весь Словянскій народъ, слышите: слово отъ Бога пришло, слово, питающее души человѣческія, слово, укрѣпляющее сердца и умы, слово, уготовляющее къ Богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой души безсловесной, не видящей Божія законы. Душа безъ-духовная (безъ-грамотная) мертва является въ человѣкахъ. . . Кто на чужемъ языкѣ слышитъ слово, какъ будто мѣднаго звона голосъ ему слышится; ибо св. Павелъ сказалъ: «молитву свою воздавая Богу, хочу лучше пять словъ сказать разумныхъ, чтобы и прочіе разумѣли, нежели тьму словесъ неразумныхъ, которыхъ человѣкъ не понимаетъ. . . . Всякая душа отпадаетъ отъ жизни Божіей, когда

слова Божія не слышитъ . . . Наги всѣ языки безъ книгъ, безъ оружія сражаться не могутъ съ противникомъ душъ нашихъ, готовы въ плѣнъ мукѣ вѣчной». . .

Въ этомъ предисловіи разумно сознано дѣло, совершенное Кирилломъ. Безъ него мы не разумѣли бы ни Писанія, ни литургіи, а чрезъ него церковь сдѣлалась для насъ постояннымъ живымъ училищемъ, въ которомъ мы черезъ Богослуженіе на понятномъ языкѣ принимали истину вѣры.

Ученики Кирилла и Меѳодія продолжали ихъ дѣятельность въ Болгаріи. Десятый вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ болгарской словесности при царѣ Симеонѣ. Тогда переведены были на славянскій языкъ многія творенія отцовъ церкви и совершены новыя самими Болгарами; эти переводы и сочиненія пріобрѣла и сохранила Россія. Въ вѣка скорби мы еще увидимъ, сколько Болгарія оказала услугъ нашему отечеству.

Отъ X вѣка, вѣка крещенія Россіи, дошло до насъ Исповѣданіе вѣры Владиміромъ. Нельзя точнѣе и полнѣе изложить его и теперь.

Отъ XI вѣка мы имѣемъ сочиненія Иларіона, перваго митрополита, выбраннаго изъ Русскихъ. Изъ глубокихъ мыслей, проникающихъ его творенія, я приведу изображеніе двоякаго естества въ Спасителѣ: Божественнаго и человѣческаго: «Какъ человѣкъ, Онъ принялъ молоко Матери, и какъ Богъ, внушилъ Ангеламъ и пастухамъ пѣсню: «Слава въ вышнихъ Богу! . . . Какъ человѣкъ, лежалъ Онъ въ ясляхъ, и какъ Богъ, принялъ дары и поклоненіе отъ волхвовъ. Какъ человѣкъ, бѣжалъ въ Египетъ, и какъ Богу поклонились Ему рукотворенные кумиры Египетскіе. . . Какъ человѣкъ, обнаженный вошелъ въ воды Іордана, и какъ Богъ, получилъ отъ Отца свидѣтельство: «се Сынъ мой возлюбленный!» Какъ человѣкъ, постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ, побѣдилъ искушающаго. Какъ человѣкъ, пришелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ, воду въ вино преложилъ. . . Какъ человѣкъ, прослезился по Лазарѣ, и какъ Богъ, воскресилъ его изъ мертвыхъ. . . Какъ человѣкъ,

былъ распятъ, и какъ Богъ, Своею властью пропятаго съ Нимъ впустилъ въ рай. . . Какъ человѣкъ, запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ изшелъ, сохранивъ печати цѣлыми. Какъ человѣка, старались Іудеи утаить воскресеніе, подкупая стражей, но какъ Богъ былъ увѣданъ и познанъ всѣми концами земли».

Ясно, просто и глубоко слиты здѣсь оба естества въ Спасителѣ, которыя современный анализъ хочетъ разорвать пополамъ. Все Евангеліе такъ проникнуто тѣмъ и другимъ, что разорвать ихъ невозможно, не нарушивъ Евангельской жизни и истины. Хотятъ совлечь Божественность съ Христа и оставить въ Немъ только человѣка. Но на этомъ самомъ покушеніи безпрерывно совершается то, что́ совершилось разъ въ жизни Спасителя.

Дѣло въ томъ, что фактъ христіанства, разъ на землѣ исторически совершившійся, вѣченъ и повторяется безпрерывно въ каждую минуту бытія человѣческаго. Христосъ рождается, проповѣдуетъ, терпитъ муки, распинается на крестѣ, умираетъ, воскресаетъ и возносится на небо безпрерывно. Въ наше же время матеріальный анализъ совлекаетъ съ Него Божество, и вмѣстѣ съ Иродомъ и Пилатомъ, не познавши въ Немъ истины, гонитъ и преслѣдуетъ Его за имя сына Божія.

Въ XII вѣкѣ, недалеко отъ города Турова, при дорожномъ столбѣ, спасался инокъ; но добровольная тюрьма не отдѣляла его отъ народа. Напротивъ, онъ излагалъ ему Божественное писаніе и привлекалъ къ себѣ всѣхъ, которые въ страданіяхъ жизни искали врача душевнаго. Когда умеръ епископъ Туровскій, народъ и князь Турова обратились съ просьбою къ Кіевскому митрополиту поставить имъ въ епископы столпника (въ то время епископы назначались еще избраніемъ народнымъ и волею князя). Это былъ Кириллъ, епископъ Туровскій, котораго не даромъ называли русскимъ Златоустомъ или *Златословеснымъ* учителемъ.

Онъ сочинилъ повседневныя молитвы на всю недѣлю и оставилъ прекрасныя слова, разсѣянныя по древнимъ рукописямъ.

Можно утвердительно сказать, что западная литература не представила въ XII вѣкѣ проповѣдника, равнаго въ глубокомыслiи и краснорѣчiи нашему Кириллу. Его одушевляли древнiе отцы церкви и церковная пѣсня. Изъ многихъ его словъ я приведу два: первое *о разслабленномъ*.

У общей купели Спаситель видитъ разслабленнаго и спрашиваетъ: «Хочешь ли здоровъ быть?» Хотѣлъ бы, отвѣчаетъ разслабленный, да не имѣю человѣка, который ввергнулъ бы меня въ купель. — Тогда Спаситель отвѣчаетъ ему:

«Что глаголеши: человѣка не имаши? Азъ, тебе ради, человѣкъ быхъ, щедръ и милостивъ, не солгавъ обѣта моего вочеловѣченiя. . . Тебе ради, безплотенъ сый, обложился Я плотiю. Тебе ради, невидимый силамъ Ангельскимъ, явился всѣмъ человѣкамъ. Не хотѣлъ Я презрѣть образа лежащаго въ тлѣнiи, но хотѣлъ спасти его и въ разумъ истинный привести, и говоришь ты: человѣка не имашь? Азъ быхъ человѣкъ, да Богомъ человѣка сотворю».

Разслабленный представляетъ собою все ветхое человѣчество, искупленное Спасителемъ. Въ лицѣ его, Онъ говоритъ намъ всѣмъ, Онъ, пришедшiй на землю соединить всѣ *народы* въ имени *людей*.

Другое слово о Вознесенiи. На Элеонскую гору собрались праотцы, патрiархи, пророки, апостолы и всѣ вѣрные. — Небеса и земля готовятся къ торжеству вознесенiя. Все человѣчество въ лицѣ Христа возносится на небо и причащается Божественности. Ангелы, бывшiе на землѣ свидѣтелями страданiй Искупителя, сопровождаютъ Возносящагося. Въ небесахъ зачинается преніе между ними и небесными вратниками, которые говорятъ: «Се врата Господни: никто изъ земныхъ ими не проходитъ; такъ положилъ самъ Богъ: нынѣ дивимся, зря человѣка, сѣдящаго на Херувимскомъ престолѣ и хотящаго пройти чрезъ врата прежде Серафимовъ». Тогда раздается голосъ Христа: «Отверзите мнѣ врата правды, и, вшедъ въ нихъ, возвѣщу Отцу моему, что́ сдѣлалъ и какъ пострадалъ на землѣ». Небесные врат-

ники, услышавъ голосъ Божественный, отвѣчаютъ: «Если не видѣли, Владыко, Тебя сходящаго, то поклонимся Тебѣ восходящему въ славѣ».

Славится поэзія Данта своими небесными видѣніями, но видѣніе Кириллово своимъ значеніемъ превышаетъ всѣ. Будь оно извѣстно въ Италіи, уже давно бы кисть живописца изобразила его въ картинкѣ.

Перейдемъ къ вѣкамъ скорби. Я уже говорилъ о тѣхъ варварскихъ народахъ, которые Азія извергла на Россію. Чередныя смѣны ихъ окончились Татарами. Внезапно напали они на Русскую землю. Страхъ этой внезапности переданъ сильно современнымъ лѣтописцемъ. Страхъ нашествія поразилъ и всю Европу. Вспомнимъ, что императоры сзывали противъ нихъ крестовый походъ. Папа посылалъ къ нимъ пословъ-миссіонеровъ, которые подвергались въ ордѣ всѣмъ унизительнымъ условіямъ ханскаго обычая. И на югѣ, и на сѣверѣ Русская земля облилась кровью въ двухъ битвахъ при Калкѣ и при Сити. Татары, пируя послѣ кровавыхъ битвъ, клали князей нашихъ подъ доски, и сидя на нихъ, обѣдали. Всѣ прекрасные города наши сдѣлались добычею пламени; 60,000 Кіевлянъ погибло, не стало 10 богатырей. Городъ Владиміръ вознесъ къ небу въ своемъ соборномъ храмѣ жертву всесожженія, гдѣ сгорѣли святитель, семейство великаго князя и бояре съ женами и съ дѣтьми. Улицы Москвы обагрились кровію ея младенцевъ. Кромѣ лѣтописей, народныя пѣсни до сихъ поръ сохранили память страданій народа въ слѣдующихъ стихахъ:

Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Такъ народъ выразилъ тяжесть своихъ страданій и свое отвращеніе къ татарскому игу.

XIII вѣкъ является безплодною пустынею послѣ XII, столь изобильнаго памятниками словесности. Почти одиноко раздается слово Серапіона, епископа Владимірскаго. Оно начинается по случаю землетрясенія, бывшаго въ Кіевѣ: «Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, повелѣніемъ Божіимъ нынѣ движется, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего сносить не можетъ. Не послушали мы Евангелія, не послушали Апостола, не послушали Пророковъ, не послушали Святителей великихъ: Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и иныхъ Святителей Святыхъ, ими же вѣра утверждена, еретики прогнаны и Богъ познанъ всѣми языками». . .

«Тогда Господь навелъ на насъ народъ не милостивый, народъ лютый, не щадящій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. . . Разрушены Божественныя церкви; осквернены сосуды священные, потоплена святыня; святители мечу въ пищу достались; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ повержены на снѣдь; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ многая вода, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей и воеводъ; храбрые наши, исполненные страха, бѣжали полки. Большая часть братьевъ и дѣтей нашихъ отведена въ плѣнъ. Села наши поросли травою и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другимъ въ корысть досталось, трудъ нашъ поганые наслѣдовали. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; въ поношеніе стали мы живущимъ вскрай земли нашей, въ посмѣхъ врагамъ нашимъ».

«Вспомнимъ наибольшую заповѣдь: любить другъ друга. . . не воздавать зломъ за зло. Нѣтъ ничего ненавистнѣе Господу, какъ человѣкъ злопамятный. Какъ же мы скажемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наши; а сами не оставляемъ?»

Новгородцы, по грубому суевѣрію и фанатизму, сожгли волхвовъ. Грозно возсталъ противъ нихъ проповѣдникъ, обличая все ихъ неразуміе. Такъ дѣйствовала наша церковь въ то время,

когда западная учреждала инквизиціонные суды противъ волхвовъ, и самъ папа Іоаннъ XXII лично боялся чародѣйства и осуждалъ волшебниковъ на костры и висѣлицы.

Въ XIV вѣкѣ пустынножитель Сергій распространяетъ духовную жизнь около Москвы, а ученики его несутъ ее во всѣ концы до предѣловъ самаго отдаленнаго сѣвера. Стефанъ Пермскій просвѣщаетъ крещеніемъ Зырянъ, сочиняетъ для нихъ грамоту и переводитъ на ихъ языкъ литургію и Новый Завѣтъ.

Одинъ изъ учениковъ Сергія, Кириллъ Бѣлозерскій, дѣйствуетъ въ пользу братской любви во время междоусобій княжескихъ, возстаетъ противъ губительнаго корчемства и противъ внутреннихъ таможенъ еще въ XIV вѣкѣ, тогда какъ окончательное ихъ уничтоженіе послѣдовало незадолго до учрежденія Московскаго университета.

Вотъ отрывки изъ Кирилловыхъ посланій: «Господине, ни царство, ни княженіе, ни иная какая власть не можетъ насъ избавить отъ нелицемѣрнаго суда Божія, а еже, Господне, возлюбиши ближняго, какъ себя, и утѣшишь души скорбящія и озлобленныя, много поможешь на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ, понеже пишетъ Ап. Павелъ: «Аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ни что же польза ми есть».

«И ты, Господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако же, Господине, и мытовъ *) бы у тебя не было, понеже, господине, куны (деньги) неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дать труда ради».—

Утѣшительны были поученія къ паствѣ митрополитовъ Московскихъ Петра и Алексія, избранныхъ въ этотъ санъ волею не только одного князя, но и всей земли Русской. Когда Татары остановили все наше духовное просвѣщеніе, когда пожары, какъ

*) Мыто есть пошлина таможенная, откуда слово мытарь.

разсказываетъ лѣтописецъ, пожирали громады книгъ, собранныхъ въ храмахъ въ кучу отъ низу до верху, тогда единовѣрная и единоплеменная намъ Болгарія прислала въ Москву святителя Кипріана, уроженца ея столицы, города Тернова. Онъ возстановилъ у насъ грамоту и духовное просвѣщеніе, привезъ съ собою множество рукописей, уединялся около Москвы въ обитель, при сліяніи рѣкъ Сѣтуни и Рамени, и здѣсь самъ переводилъ и писалъ книги, заставляя и другихъ работать около себя. Онъ же, по всѣмъ вѣроятіямъ, побудилъ великаго князя Димитрія на подвигъ Донской битвы. Послѣ этого святителя осталось замѣчательное посланіе противъ стяжанія селъ монастырями. Передъ кончиною онъ написалъ прощальное слово къ князьямъ и къ народу, которое читалось въ Успенскомъ соборѣ при его гробѣ, и заканчивалось слѣдующими словами: «Множество человѣческое, все на землю пришедшее, общее естество наше оплачемъ. . . О, какъ же лучшее изъ Божіихъ созданій, по образу Его и подобію созданное, безъ дыханія зрится, и мертво, и полно червей нечистыхъ!. . . Какъ исчезло мудрованіе? какъ скрылось слово?. . . Увы, страсти! Нагъ вышелъ я на плачь младенцемъ, нагъ отойду снова! Что тружусь и смущаюсь всуе, вѣдая конецъ житія, видя его дѣйствіе, какъ всѣ мы равнымъ образомъ шествуемъ отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣта же во тьму, — отъ чрева матерняго съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ во гробъ. Начало и конецъ — плачь! что же въ серединѣ? сонъ, тѣнь, мечтаніе, красота житейская». Народъ рыданіемъ отвѣчалъ на эти слова, которыми оглашались своды храма. Вотъ яркое мгновеніе изъ древней жизни нашего отечества!

Въ XV вѣкѣ, когда всѣ бѣдствія обрушились на нашу землю, и Татары, и черная смерть, опустошавшая цѣлые города, и голодъ, морившій народъ, Греція послала къ намъ святителя Фотія. Онъ былъ свидѣтелемъ страданій народа Русскаго, самъ едва не погибъ отъ меча татарскаго и оставилъ намъ книгу поученій, въ которыхъ видно, какъ онъ самъ глубоко страдалъ вмѣ-

стѣ съ своею паствою. Ревнуя о нравственномъ просвѣщеніи народа и зная, что оно преимущественно находится въ рукахъ духовенства, онъ обращался къ священникамъ съ такими словами изъ Діонисія Ареопагита:»

«Достойно бо быти, рече, Господню священнику чисту яко свѣту,

свѣту быти — и тако просвѣщати,
чисту быти — и тако очищати,
святу быти — и тако освящати».

Вотъ какъ святитель Фотій изображаетъ голодъ и нравственную его причину:

«Земля, изсохши въ конецъ, измѣнилась въ своей красотѣ, неплодная, залядѣвшая; сохнетъ и разсѣдается, и въ глубину ея солнечное сіяніе входитъ. . . Земледѣльцы, сидя при бороздахъ и сплетши руки на колѣняхъ, стенаютъ надъ трудомъ рукъ своихъ, плачутся смотря на дѣтей своихъ, рыдаютъ взирая на женъ и изсохшую траву осязая руками. . . Всѣ окрестныя мѣста одождены, наши же не одождены. Перемѣшались времена года, зной и стужа. Нѣтъ ли въ насъ самихъ причины тому? Неужели же у Бога что́ отнялось отъ Его власти и силы? Оставимъ такое хуленіе. . . Нѣтъ, со всѣми дѣлами безмѣстнымп, мы и братолюбіе затворили: вотъ почему сухи бразды наши; любовь изсохла и гласъ молящихся всуе вопіетъ на воздухѣ, расходится ниже молящихся слышахомъ».

Въ другомъ словѣ пастырь сравниваетъ себя съ несчастнымъ кормчимъ, которому ввѣренъ корабль, волнуемый многоразличными бурями. «Не только всякій день, но и всякій часъ. онъ неусыпно рыдаетъ къ Богу, прилагая весь умъ къ заботамъ о ввѣренныхъ ему душахъ; свою же душу, единородную и безсмертную, въ сихъ превеликихъ волнахъ, однимъ лишь печальнымъ рыданіемъ временно утѣшаетъ».

Въ одно время съ Фотіемъ дѣйствовалъ на югѣ Григорій Цамблакъ, племянникъ Кипріана, святитель, котораго послала

въ Кіевъ та же Болгарія. Онъ дѣйствовалъ по слѣдамъ своего дяди и былъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Множество словъ его на всѣ праздники года дошло до насъ, и они извѣстны подъ именемъ словъ Григорія, архіепископа Россійскаго. — Приведу изъ нихъ два отрывка. Вотъ изображеніе руки милостиваго человѣка на страшномъ судѣ:

«Такую руку принявъ Владыка на страшномъ судѣ, покажетъ передъ всѣми, и предстоящимъ небеснымъ силамъ, и святымъ въ славѣ сущимъ, и грѣшнымъ, ожидающимъ муки, и скажетъ: сія рука напитала меня голоднаго, напоила жаждущаго, одѣла нагаго, обвязала струпы мнѣ больному, въ темницѣ послужила мнѣ, много разъ вводила меня странпаго и промышляла обо мнѣ, ей же и я воздамъ въ награду наслѣдіе моего царства».

Вотъ другой отрывокъ изъ слова на день Иліи пророка, гдѣ объясняется взятіе его на небо. Извѣстно, что Илія былъ суровъ къ своему народу и не снисходителенъ ни къ какимъ его слабостямъ, жилъ въ пустынѣ одинъ, и воронъ носилъ ему пищу:

«Если ты, Илія, такъ жестокъ, что не можешь терпѣть согрѣшеній Израиля и никакими человѣческими страстьми не преклоняешься, то не слѣдуетъ тебѣ жить съ человѣками, а взойди ты ко Мнѣ, да Я къ человѣкамъ сниду. Мѣна произойдетъ между нами: взойдетъ человѣкъ и снидетъ Богъ. Не одного Израиля, но и всѣхъ народовъ неправды и беззаконія видя и долготерпя о нихъ, Я понесу ихъ грѣхи и кромѣ грѣха, во всемъ имъ уподоблюсь... Взойди ты съ плотію, да сниду Я взять плоть, безплотный; взойди ко Мнѣ на колесницѣ огненной, да сниду Я какъ дождь на руно. Ты въ громѣ на небо, Я въ тишинѣ на землю»...

За вѣками скорби слѣдуютъ вѣка борьбы, начиная съ половины XV. Еще съ XIV-го въ Новгородѣ и Псковѣ, по вліянію Запада, возникла *стригольническая* ересь, противъ которой дѣйствовали патріархи Царьградскіе своими посланіями, писанными вѣроятно Діонисіемъ Суздальскимъ, который былъ въ Царьградѣ. Ересь эта была тогда подавлена; но въ XV вѣкѣ явилась новая, гораздо опаснѣе, извѣстная подъ именемъ Жидовской.

Въ Новгородъ зашла она изъ Литвы, а изъ Новгорода проникла въ Москву, гдѣ заразила духовенство, самого митрополита, бояръ, въ томъ числѣ славнаго дьяка Ѳедора Курицына, и наконецъ допущена была въ чертоги великаго князя и принята его невѣсткою. Ученіе еретиковъ имѣло начало свое, какъ полагаютъ, въ ученіи и посягало на всѣ основы — христіанства, отвергая Троицу и догматъ воплощенія. Тогда-то явился противникъ этой ереси, богато вооруженный богословскими познаніями, необходимыми для борьбы: это былъ Іосифъ Волоцкій, основатель Волоколамскаго монастыря. Онъ написалъ книгу въ 16 главахъ противъ этой ереси, извѣстную подъ именемъ Просвѣтителя и только недавно напечатанную ученымъ духовенствомъ Казани. Дѣйствуя противъ не признававшихъ Новаго Завѣта, онъ ссылался только на Ветхій и долженъ былъ приводить доводы разума. Такъ объясняетъ онъ догматъ пресвятой Троицы, выводя его изъ образа человѣка, созданнаго по образу Божію:

«Слушай, какъ человѣкъ былъ созданъ по образу Божію и по подобію: по образу — не о плоти говорится: плоть покрывало, создана и мертва и видима, а Богъ невидимъ. По образу говорится о невидимомъ въ человѣкѣ, а невидимое въ немъ есть душа, слово и духъ: по образу Божію въ человѣкѣ душа, она же называется и умомъ и подражателемъ бываетъ Богу... Душа умна и называется отецъ; слово же рождается отъ души и называется сынъ. И духъ исходитъ, имѣя общее сопребываніе, нераздѣльное съ душею и съ словомъ, и какъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святый безсмертенъ и безконеченъ, такъ и человѣкъ, по образу Божію созданный, носитъ въ себѣ Божіе подобіе, душу, слово и умъ.

«Еще по образу же разумѣется самовластное и обладательное въ человѣкѣ: какъ Бога никто не выше, такъ и на землѣ никто не выше человѣка: Богъ сотворилъ его обладающаго всѣмъ по подобію Божію, значитъ быть человѣку милостиву, щедру ко всѣмъ, паче же ко врагамъ, какъ Богъ сіяетъ солнцемъ Своимъ на злыхъ и на благихъ».

Въ XV вѣкѣ начала ослабѣвать у насъ монастырская жизнь. Причиною этого было то обстоятельство, что монастыри были окружены слишкомъ богатыми угодьями и обрядъ монастырской службы осиливалъ слишкомъ жизнь духовную. Этимъ недостаткамъ хотѣлъ пособить питомецъ Кирилло-Бѣлозерской обители Нилъ, прозванный Сорскимъ отъ протекавшей тамъ рѣки Сорки, при которой онъ основалъ свою обитель. Съ Аѳонской горы онъ перенесъ къ намъ житіе скитское и основалъ первый скитъ для возстановленія духовной жизни въ нашихъ обителяхъ. Онъ написалъ книгу объ осьми помыслахъ, подражая творцамъ подобнаго же сочиненія Св. Нилу и Кассіану. Въ этой книгѣ онъ предложилъ средства для духовной борьбы съ тѣми помыслами, отъ которыхъ рождаются всѣ страсти и пороки человѣка. Онъ изслѣдываетъ страсть въ ея зародышѣ и преслѣдуетъ ее черезъ пять ступеней до полнаго ея развитія, въ которомъ гибнетъ душа ей преданная. Въ этихъ изслѣдованіяхъ психологъ могъ бы найти превосходныя для себя указанія, а писатель, занятый анализомъ души, — вѣрное руководство. Эти глубокомысленныя созерцанія Нилъ Сорскій почерпнулъ въ тѣхъ самоуглубленіяхъ души своей, которыя онъ такъ описываетъ:

«Кій языкъ изречетъ? Кій же ли умъ скажетъ? Кое слово изглаголетъ? Страшно бо, воистинну страшно и паче слова. Зрю свѣтъ, его же міръ не имать, посредѣ келліи на одрѣ сѣдя; внутрь себе зрю Творца міру и бесѣдую, и люблю, и ямь, питаяся добрѣ единымъ Боговидѣніемъ, и соединився Ему, небеса превосхожду: и се вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ».

Замѣчательно, что Нилъ, говоря о другихъ помыслахъ, кромѣ *уныніе*, выражается или словами Писанія, или словами отцовъ церкви; когда же говоритъ о помыслѣ уныніе, то по большей части выражается собственными словами: не потому ли такъ, что этотъ помыселъ особенно сроденъ русскому человѣку, и что Нилъ наблюденія надъ нимъ могъ производить и въ самомъ себѣ, и въ близкихъ ему соотчичахъ. Извѣстно, до какихъ край-

ностей доводитъ русскаго человѣка этотъ помыселъ. Вотъ слова Нила:

«Не малъ нашъ подвигъ на духъ скорбный, понеже вметаетъ душу въ погибель и отчаяніе. Если скорбь отъ человѣковъ будетъ, подобаетъ благодушно претерпѣвать ее, и молиться за оскорбившихъ, зная, что не безъ Божія Промысла все съ нами случается и что все на пользу посылаетъ намъ Богъ... Полезна намъ можетъ быть одна только скорбь — о грѣхахъ нашихъ, и то съ надеждою и покаяніемъ. Скорбь же праздную надобно отметать отъ сердца, наравнѣ съ прочими злыми страстями, потому что она творитъ душу пустою и унылою, и некрѣпкою, и нетерпѣливою къ молитвѣ, и лѣнивою къ чтенію».

«Но если уныніе укрѣпится въ насъ, великій подвигъ предстоитъ душѣ: лютъ его духъ, самый тяжелый, сопряженный съ духомъ скорбнымъ. А тѣмъ, которые пребываютъ въ безмолвіи, рать на него належитъ великая. Когда жестокія его волны встаютъ на душу, въ тотъ часъ и не мнитъ человѣкъ, чтобъ можно ему было когда-нибудь отъ нихъ избавиться. Ему приходитъ на мысль, что и Богъ оставилъ его, и не печется о немъ болѣе, и что его одного только и оставилъ Онъ, и что съ другими того не бываетъ, что̀ съ нимъ, и тогда все благое кажется ему мерзкимъ».

Такъ въ XV вѣкѣ Іосифъ Волоцкій представляетъ борьбу съ ересью, а Нилъ Сорскій — борьбу со страстями; но между XV и XVI вѣками мы встрѣчаемъ дѣятельнаго и трудолюбиваго писателя, митрополита Даніила. Будучи рожденъ и воспитанъ для духовной и пустынной жизни, онъ не былъ способенъ къ жизни практической и, рано оставивъ престолъ митрополіи, удалился въ келію Волоколамскаго монастыря, гдѣ написалъ много книгъ, и теперь хранимыхъ въ его библіотекѣ. Изъ двухъ оставленныхъ имъ огромныхъ книгъ словъ и посланій, въ первой онъ занимался рѣшеніемъ многихъ догматическихъ вопросовъ православной церкви. Замѣчательный историческій методъ, имъ употребляемый при рѣшеніи этихъ вопросовъ, — методъ, изъ кото-

раго видна его огромная начитанность въ Писаніи и въ твореніяхъ св. отцовъ. Обыкновенно онъ ставитъ сначала положеніе, или истину, признанную церковью, и затѣмъ приводитъ все, что̀ къ ней относится, изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ богослужебныхъ книгъ, изъ каноновъ и правилъ церковныхъ, изо всѣхъ отцовъ церкви вселенской и русской, слѣдуя историческому порядку. — Въ заключеніе онъ уже собственными словами извлекаетъ сущность изъ всего сказаннаго, присоединяя къ тому иногда и свои доказательства. Такой методъ, конечно, долженъ бы быть принятъ въ любой наукѣ, ибо онъ со всей обширностью историческаго изученія вопроса соединяетъ и самостоятельную силу собственнаго изслѣдованія.

Такъ въ словѣ о двухъ существахъ въ Іисусѣ Христѣ, Божественномъ и человѣческомъ, Даніилъ приводитъ отрывокъ изъ извѣстнаго слова Иларіонова вмѣстѣ съ тѣми источниками, откуда оно было заимствовано; самъ же прибавляетъ къ прочимъ изслѣдованіямъ свое наблюденіе надъ двумя важными событіями изъ жизни Спасителя: Преображеніемъ и Геѳсиманіею. «На Ѳаворѣ, говоритъ Даніилъ, Іисусъ показалъ Божество свое во всемъ свѣтѣ и величіи славы; въ Геѳсиманіи — тугою и скорбію свое человѣчество, и при обоихъ событіяхъ свидѣтели были одни и тѣ же: апостолы Петръ, Іоаннъ и Іаковъ».

Посланія Даніиловы были написаны многимъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, ему современнымъ, и направлены противъ суеты свѣтской. Въ одномъ изъ этихъ посланій такъ изображаетъ онъ состояніе души въ пустынѣ: «Великую пользу приноситъ пустыня, утишая наши страсти: молчаніе есть начало очищенію души. Ни языкъ не говоритъ человѣческаго, ни очи не видятъ красоты тѣлесной, ни уши, слыша пѣсни, не измѣняютъ душевной силѣ; нѣтъ глаголовъ людей глумящихся и смѣшливыхъ, имѣющихъ обычай разрушать душевную крѣпость. Умъ, не разсыпаемый внѣшними чувствами, въ міръ не растекается, а восходитъ къ себѣ, черезъ себя же на помышленіе о Богѣ и тѣмъ осіянный и блистающій, пріемлетъ забвеніе самаго естества....

Ни пища, ни одежда, ничто земное его не тревожитъ . . . Все свое тщаніе устремляетъ онъ на стяжаніе Божественныхъ заповѣдей и вѣчныхъ благъ».

Несмотря однако на такое влеченіе къ пустынѣ, Даніилъ сознавалъ уже потребность эпохи новой и признавалъ необходимость заботъ объ обновленіи гражданскаго строя Россіи, но отклонялъ отъ себя всякое участіе въ этомъ. Въ посланіи къ *Мятежелюбцу* онъ такъ объ этомъ выражается: «И ты со мною, грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даніиломъ, совѣта о семъ не имѣй: еже бы высоту небесную увѣдѣти, и глубину морскую измѣрити, и концы земные обтицати и исчислити, и озерамъ и рѣкамъ каменныя стезя художьствовати, и весь міръ строити, и якожъ въ кругъ нѣкый вселенную всю объяти, и всѣхъ въ единъ нравъ привести и отъ всея поднебесныя неправду, и лукавство, и всякое зло хитрьство изгнати не навыклъ есмь: понеже безуменъ и окаяненъ есмь человѣкъ и недѣлатель ни которому благу; но точію божественныя писанія глаголю слышащимъ и пріемлющимъ и хотящимъ спастися. . .»

Одновременно съ митрополитомъ Даніиломъ дѣйствовалъ митрополитъ Макарій. Будучи еще архіепископомъ въ Новгородѣ, Макарій воспользовался славными его писцами, собралъ и переписалъ подъ своимъ руководствомъ Великія Четіи-Минеи, 12 огромныхъ фоліантовъ, содержащихъ въ себѣ полную энциклопедію богословскихъ и отеческихъ книгъ съ житіями святыхъ вселенской и русской церкви. При каждомъ житіи находится ежедневный прологъ, или поученіе, нравственное и душеполезное. Въ немъ благочестивый Русскій находилъ духовную насущную пищу. Это собраніе Макарій завѣщалъ новгородскому Софійскому собору. Другое подобное и еще болѣе умноженное переписалъ онъ руками тѣхъ же писцовъ и подъ своимъ собственнымъ пересмотромъ для московскаго Успенскаго собора. Это двоякое сокровище показываетъ, какъ богата была уже тогда наша церковь славянскими переводами всѣхъ твореній отцовъ церкви и оригинальными сочиненіями.

Въ XVI вѣкѣ начали вторгаться въ Россію: съ Запада — ученія иностранныхъ церквей и разныхъ еретическихъ сектъ, астрологическіе и другіе предразсудки, съ Востока — ученіе магометанское и разные обычаи, вредные для нравственности народной. Тогда явился у насъ воинъ, вооруженный для побѣдоносной борьбы со всѣми лжеученіями, вредившими православной вѣрѣ. То былъ Максимъ Грекъ, уроженецъ Албаніи, питомецъ университетовъ Парижскаго, Падуанскаго и другихъ. Въ Парижѣ онъ учился у славнаго филолога Ласкариса и воздаетъ Французамъ похвалу за учрежденіе у себя всемірнаго средоточія человѣческаго образованія. Въ Венеціи онъ зналъ знаменитаго типографщика Альда Мануція. Во Флоренціи онъ бывалъ на проповѣдяхъ Іеронима Савонаролы, отзывался о немъ съ большимъ сочувствіемъ, разсказывалъ о той чудесной перемѣнѣ, которую онъ совершилъ своимъ словомъ въ нравахъ народа, передавая такія подробности, которыя были неизвѣстны по западнымъ источникамъ. Максимъ предаетъ публичному позору папу Александра VI и его клевретовъ, которые осудили на казнь Савонаролу и двухъ его товарищей. Нашъ инокъ готовъ бы былъ признать ихъ святыми, если бы они не принадлежали Римской церкви.

Подвизаясь на поприщѣ полемическаго богословія, Максимъ оставилъ намъ огромный фоліантъ сочиненій подобнаго содержанія. Особенно замѣчательно то изъ нихъ, которое ратуетъ противъ астрологіи. Извѣстно, какъ этотъ предразсудокъ господствовалъ на Западѣ даже въ XVII и XVIII вѣкѣ, какъ величайшіе умы были имъ одержимы, какъ славный герой Тридцатилѣтней войны, Валленштейнъ, благодаря астрологіи, погубилъ свою славу. Позднѣе и у насъ астрологія появилась при дворѣ; но уже въ XVI вѣкѣ церковь, въ лицѣ Максима и другихъ, обличала это суевѣріе.

Превосходно Максимово слово противъ *нестроенія и безчинія царей и властелей послѣдняго вѣка сего*. Извѣстно, какъ Европа страдала повсюду отъ злоупотребленій державной власти, сосре-

доточившейся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Еще въ XV вѣкѣ Италію тиранили герцоги, Францію—Людовикъ XI, въ XVI вѣкѣ въ Англіи славился своею кровожадностію Генрихъ VIII, въ Даніи Христіернъ II. Максимъ направилъ сильное слово противъ тиранніи. Онъ воображаетъ себя путникомъ, встрѣчающимъ по дорогѣ величавую царственную жену, въ траурной одеждѣ, съ печальнымъ видомъ и со слезами на глазахъ. Онъ спрашиваетъ ее: кто она?—и долго, долго не можетъ получить отвѣта; но послѣ многихъ усилій и настояній слышитъ изъ устъ ея, что имя ей Василія, царская власть, что она дочь Всевышняго, и что трауръ и скорбь ея—по томъ позорѣ, какому предаютъ ее властители сего вѣка. «Какъ достойно всплакать объ нихъ, говоритъ она, которые больны такимъ безчувствіемъ и прогнѣвляютъ Вышняго Бога, сподобившаго ихъ столь великой чести и славы». Она указываетъ на чашу въ рукѣ Господа, полную вина нерастворенаго, то есть ярости нестерпимой и гнѣва,—чашу, изъ нея же пьютъ всѣ грѣшные земли, которые благочестивый царскій санъ растлѣваютъ и досаждаютъ Богу всякою своею неправдою и лихоимствомъ, чьи ноги скоры на пролитіе крови въ порывѣ неправеднаго гнѣва и звѣрской ярости.

Съ особенною скорбью вспоминаетъ она, что нѣтъ у нея теперь *обручниковъ* по ревности Божіей, какихъ имѣла древле. «Не имѣю, говоритъ она, Самуила, ополчившагося со дерзновеніемъ на Саула преслушника. Не имѣю Наѳана, избавившаго Давида отъ паденія. Не имѣю ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею, не побоявшихся царей Ассирійскихъ. Не имѣю Амвросія, чуднаго архіерея Божія, который не устрашился высоты царства Ѳеодосія Великаго. Не имѣю Василія Великаго, возсіявшаго въ святынѣ и во всякой премудрости и своими ученіями ужасившаго гонителя Валента. Не имѣю Іоанна Златаго языкомъ, изобличившаго сребролюбивую царицу Евдокію. Не вдовствующей ли женѣ подобная, сижу я при пустомъ пути окаяннаго вѣка нынѣшняго, лишенная такихъ поборниковъ и ревнителей? Участь моя, о путникъ, достойна рыданій многихъ».

Это слово, вѣроятно, написано Максимомъ еще въ то время, когда митрополитъ Филиппъ не претерпѣлъ мученія отъ Іоанна за смѣлое слово истины.

Жидовское ученіе, опровергнутое Іосифомъ Волоцкимъ и подавленное правительствомъ въ XVI вѣкѣ, возникло у насъ съ новою силою и посягало не только на основы вѣры, но даже на основы жизни общественной и семейной. Оно подкапывалось подъ зданіе государства и разрывало всѣ связи нравственныя, соединявшія дѣтей съ родителями. Это ученіе, извѣстное у насъ подъ именемъ ереси Ѳеодосія Косаго, проникло въ среду простаго народа и дѣйствовало тайно въ глубинѣ народной жизни. Тогда возсталъ противъ этого ученія инокъ Отенской пустыни Зиновій, ученикъ Максима Грека. Въ обличеніе ереси Зиновій написалъ 56 бесѣдъ между людьми простыми; не одни богословскіе доводы находимъ мы въ этомъ сочиненіи, но и логическія доказательства бытія Божія и Пресвятой Троицы. Еретикъ, между прочимъ, говорилъ, что разумъ въ первомъ человѣкѣ открылся со времени его паденія, когда онъ, вкусивъ отъ запрещеннаго древа, сталъ разумѣть добро и зло. Съ этимъ ученіемъ согласна философія Гегеля. Но Зиновій опровергалъ его, говоря, что Адамъ еще до паденія обнаружилъ великій разумъ и премудрость въ изобрѣтеніи языка при созерцаніи животныхъ и признаніи жены.

Въ XVII вѣкѣ борьба въ нашей церкви еще сильнѣе разрослась. Она имѣла два средоточія: одно на югѣ, другое — на сѣверѣ. Кіевъ и Москва подавали руку другъ другу въ соединенномъ дѣйствіи на противниковъ церкви. Еще въ концѣ XVI вѣка явилось въ Кіевѣ училище. Его возникновеніе окрѣпло въ политическихъ буряхъ южной Руси. Въ XVII вѣкѣ оно было обязано своимъ процвѣтаніемъ Петру Могилѣ, Волошскому князю, человѣку высокаго современнаго образованія, принесшему свои огромныя средства, и умственныя и матеріальныя, въ жертву православію. Кіевскія школы дѣятельно сносились съ Западомъ и образовали у насъ множество ученыхъ богослововъ, дѣйствовавшихъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Отсюда вышли: Дими-

трій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и другіе.

Кіевъ привлекалъ къ намъ и ученыхъ Запада во имя православія. Изъ Кёнигсберга вышелъ Пруссакъ Адамъ Черниковъ, и послѣ долгихъ странствій и разысканій по университетамъ и библіотекамъ Запада о догматѣ исхожденія Святаго Духа, явился къ намъ съ огромнымъ изслѣдованіемъ въ пользу истины, какъ ее исповѣдуетъ православная церковь.

Религіозной и нравственной силѣ кіевскихъ школъ мы обязаны присоединеніемъ къ намъ Малороссіи.

Москва строго и пристально слѣдила за кіевскою борьбою и устраняла то, что̀ могло быть противно истинѣ, по сродной человѣку возможности заражаться даже и тѣмъ, противъ чего онъ ведетъ борьбу. Но кромѣ того у Москвы было свое широкое поприще для полемической дѣятельности: она должна была бороться съ внутренними расколами, возникшими по случаю исправленія церковныхъ книгъ. Сюда относятся творенія патріарховъ русской церкви. Независимо отъ внутренней борьбы, Москва должна была вести еще борьбу внѣшнюю, съ римскимъ католичествомъ, которое въ лицѣ іезуитовъ вторгалось къ намъ и вносило свои ученія, волновавшія народъ. Таковъ былъ споръ при патріархѣ Іоакимѣ о времени пресуществленія Евхаристіи. Спорили даже простолюдины и женщины на рынкахъ московскихъ, — такъ сильна была религіозная дѣятельность въ русскомъ народѣ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ наши патріархи разумѣли связь между церковью и народомъ, приведемъ слова изъ творенія патріарха Іоакима *Цвѣтъ духовный*:

«Есть бо сія святая церковь, въ ней же едина вѣра во Христа Господа... Въ церкви есть видѣти общій смыслъ всего народа и государства, общій въ вѣрѣ святѣй разумъ, общее святыхъ Отецъ ученіе, и чинное въ обычаи преданія содержилище, единъ гласъ... аще ли единъ гласъ, и едино умствованіе».

Послѣднимъ представителемъ древней Руси въ религіозномъ отношеніи былъ святитель Ростовскій Димитрій. Онъ соединяетъ

древнюю Русь съ новою. Строгій обличитель и противникъ раскола въ его Розыскѣ о Брынской вѣрѣ, онъ вынесъ изъ древней Руси вѣру чистую и правую. Для народа русскаго онъ написалъ любимую его книгу, Четіи-Минеи или житія святыхъ вселенской церкви, гдѣ изобразилъ примѣры христіанской жизни для людей всякаго званія отъ царей до простолюдиновъ. Въ жизни своей онъ выражалъ большое сочувствіе къ искусству, особенно къ музыкѣ и пѣнію. По части драматической поэзіи онъ писалъ опыты мистерій, которыя положили основаніе нашему театру. Въ своемъ *Алфавитѣ духовномъ* Димитрій выразилъ полное сочувствіе къ наукѣ природы. Онъ говоритъ, что тотъ, кто хочетъ истинно познать Бога и себя и съ Нимъ любовію соединиться, долженъ прежде познать всю тварь видимую и разумѣваемую, такъ чтобы ни одна вещь отъ него не утаилась и не приводила его въ недоумѣніе. «Отъ дольняго должно восходить къ горнему. Богъ положилъ всю природу, какъ нѣкое училище, или зерцало, передъ очами нашими, чтобы мы учась восходили отъ земли къ небу. Если дольняго не познаемъ, то какъ уразумѣемъ горнее? Отъ разума и познанія рождается вѣра, отъ вѣры же заповѣдей Божіихъ храненіе. Поскольку процвѣтаетъ разумъ, постольку процвѣтаетъ и вѣра».

Такъ духовный учитель умѣлъ согласить духовное начало вѣры, развитое въ древней Руси, съ началомъ разума и науки, котораго требовала древняя Русь.

Обзоръ хода нашего слова въ древнемъ періодѣ показалъ намъ, какъ единая идея церкви проникала жизнь нашу и выражалась въ словѣ. У насъ спрашиваютъ иностранцы, а иногда и Русскіе: гдѣ ваши учрежденія, или институты? и не замѣчаютъ главнаго, самаго живительнаго для народа, которымъ приготовлено его духовное воспитаніе: это—Церковь.

Правда, въ древней нашей литературѣ есть и дурная сторона, или изнанка религіознаго періода, въ которой видны невѣжество, суевѣріе и предразсудки разнаго рода. Сюда особенно относятся произведенія раскола. Отсутствіе науки было одною изъ глав-

ныхъ причинъ, почему и вѣра впала въ заблужденіе. Въ нынѣшнее время наши молодые ученые наперерывъ печатаютъ и обличаютъ гласно всю эту подспудную литературу. Сюда относятся изданія Костомарова, Буслаева, Пыпина, Тихонравова и другихъ. Прежде правительство признавало необходимымъ употреблять строгія мѣры гоненія противъ раскола, чѣмъ нисколько не достигало цѣли, а напротивъ его усиливало. Теперь самая лучшая и дѣйствительная мѣра къ ослабленію и даже уничтоженію раскола есть обнародованіе его литературы. Печатная гласность одна только можетъ обличить все его неразуміе.

Есть, напротивъ, другія произведенія народа, изъ которыхъ видно, какіе глубокіе корни пустило христіанство въ его жизнь и какъ ясно разумѣетъ онъ свою вѣру. Изъ множества другихъ я выберу, для заключенія бесѣды, только три поэтическія представленія истинъ вѣры. Они находятся въ тѣхъ духовныхъ стихахъ, какіе поются самыми темными представителями русскаго народа, слѣпыми нищими, около храмовъ Божіихъ собирающими вокругъ себя толпы народа.

Вотъ какъ объясняетъ себѣ русскій простолюдинъ происхожденіе всѣхъ небесныхъ предметовъ міра и своего собственнаго разума отъ Христа:

Отъ чего у насъ бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Самого Христа Царя Небеснаго.
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа Царя Небеснаго.

Младъ, свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
Зори утренни отъ очей Господніихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
У насъ умъ-разумъ Самого Христа
Самого Христа Царя Небеснаго.

Въ этомъ народномъ сознаніи относительно ума слышенъ отголосокъ апостольскаго слова: *умъ Христовъ имамы.*

А вотъ какъ представляетъ себѣ русскій народъ послѣднія минуты жизни человѣческой, разлученіе души съ тѣломъ:

Солнышко на закатъ пошло,
Красное закатилося,
Душа съ тѣломъ разставалася,
Отошедши она тѣлу поклонилася:
Ты прости мое тѣло бѣлое,
Тебѣ, тѣло бѣлое, лежать въ сырой землѣ,
Станутъ точить тебя, тѣло, черви сыпучіе,
Сыпучіе, неутолимые,
А мнѣ душѣ идти къ самому Христу,
Къ самому Христу, Судьѣ праведному.

Какое правильное и спокойно-ясное представленіе смерти заключаетъ въ себѣ этотъ прекрасный поэтическій образъ! Сколько духовной силы должно быть въ томъ народѣ, который такъ превосходно разумѣетъ смерть!

Въ третьемъ поэтическомъ образѣ изображено все долготерпѣніе Божіе ко злу, совершенному человѣчествомъ, истекающее изъ безконечной любви Божіей къ своему лучшему созданію. Этотъ стихъ заимствованъ изъ одного церковнаго слова, встрѣ-

чающагося въ памятникахъ древней русской словесности подъ заглавіемъ *Слово отъ видѣнія апостола Павла*. Здѣсь сначала солнце жалуется Господу на неправды и беззаконія людей и говоритъ: «Вели—и я пожгу ихъ, чтобы не творили зла». Господь укрощаетъ солнце своимъ собственнымъ терпѣніемъ. Мѣсяцъ и звѣзды жалуются потомъ на ужасы, ночью совершаемые людьми, и готовы погубить ихъ; но Богъ и ихъ успокоиваетъ. Море и рѣки о томъ же вопіютъ къ Господу. Наконецъ земля жалуется болѣе всѣхъ. Отсюда-то заимствованъ народный стихъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *Плача земли передъ Богомъ:*

Разступилась, расплакалась
Матушка сыра-земля
Передъ Господомъ Богомъ:
Тяжелъ-то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ,
Тяжелѣ многогрѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ.
Речетъ же Господь сырой землѣ:
Потерпи же ты, матушка сыра-земля!
Не придутъ ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,
Царство небесное.
Ежели не придутъ ко Мнѣ, къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчныя.

Такъ воображаетъ себѣ милосердіе Господне народъ, воспитанный церковью кроткою и милостивою.

Ни въ чемъ такъ не сказалась вѣра русскаго народа въ послѣднее время, какъ въ двухъ прекрасныхъ явленіяхъ его новой современной жизни: въ терпѣніи, съ какимъ онъ ждалъ и ждетъ своей свободы, и въ стремленіи отрезвиться отъ своего пагубнаго порока.

Но мы все еще ждемъ бо̀льшаго, все еще съ желаніями вопіемъ: «когда-то совершится въ насъ великое? когда сѣмя, по-

сѣянное вѣками, выростетъ и созрѣетъ въ жатву? когда идея церкви оживетъ во всѣхъ сословіяхъ народа, и тайна жертвы, совершаемой ежедневно въ нашихъ храмахъ, обнаружится и явится вполнѣ въ нашей жизни?

ЛЕКЦІЯ 3.

Періодъ древней Руси совершилъ великое дѣло, положивъ религіозную основу въ жизни русскаго народа, но заключалъ въ себѣ и большіе недостатки, которые состояли въ злоупотребленіяхъ ѳеократіи и въ отсутствіи развитія человѣческой личности. Вотъ гдѣ были причины, почему ни наука, ни искусство, ни свобода гражданская не могли у насъ развиваться: орудіемъ для ихъ развитія служитъ лицо человѣка, а оно совершенно исчезало въ безличности древней общинной жизни. Въ этомъ отношеніи мы не могли обойтись безъ содѣйствія западной Европы и обратились къ ней, лишь только получили возможность.

Первая страна, съ которою сблизило насъ человѣческое образованіе, была Италія. Она радушно и гостепріимно отвѣчала на наши требованія, не такъ, какъ другія страны. Первыя сношенія наши съ Италіею относятся ко времени Флорентинскаго собора, слѣдовательно къ 1437 году. Одинъ изъ духовныхъ сопутниковъ измѣнника Исидора, Симеонъ, передалъ намъ сказанія о самомъ соборѣ и съ большимъ сочувствіемъ отозвался о Флоренціи и ея великолѣпномъ соборномъ храмѣ. Другой товарищъ его, Авраамій, съ изумленіемъ и простодушіемъ разсказываетъ про мистерію Благовѣщенія, которую видѣлъ въ одномъ изъ городскихъ монастырей. Вѣроятно, разсказы русскихъ странниковъ объ Италіи и ея архитектурныхъ памятникахъ возбудили въ нашихъ соотчичахъ желаніе украсить Москву чѣмъ-нибудь подобнымъ. Какъ только Россія свергла съ себя Татарское иго

при Іоаннѣ III, къ намъ, по нашему зову, явились италіянскіе художники. Нашъ прекрасный и воздушный Кремль былъ первымъ плодомъ нашего художественнаго сближенія съ Италіею. Въ построеніи храмовъ Божіихъ мы принуждали италіянскихъ зодчихъ строго держаться древняго Византійскаго стиля. Замѣчательно, что строитель Успенскаго собора въ Москвѣ, болонецъ Аристотель Фіоравенти, былъ однимъ изъ архитекторовъ, участвовавшихъ въ довершеніи венеціанской церкви Св. Марка, строенной въ византійскомъ стилѣ. Прежде чѣмъ строить Успенскій соборъ, онъ долженъ былъ осмотрѣть соборъ владимірскій. Но когда мы рѣшились строить памятникъ въ честь идеи государственной, выразившейся въ московскомъ единодержавіи, мы дали свободу красотѣ италіянскаго зодчества,—и Кремль явился полнымъ отблескомъ этой идеи.

Не такъ были благосклонны, какъ Италія, другія страны къ нашему стремленію принять дары европейскаго образованія. Германія особенно оказалась къ намъ враждебною. Когда Іоаннъ IV, черезъ саксонца Шлитта, просилъ Карла V на Аугсбургскомъ сеймѣ прислать ученыхъ и художниковъ въ Россію, Карлъ изъявилъ свое согласіе, но съ условіемъ, чтобы Россія за даръ науки и искусства приняла римско-католическую вѣру. Городъ Любекъ заключилъ въ тюрьму всѣхъ ученыхъ и художниковъ, желавшихъ ѣхать въ Россію. Когда датскій король Христіернъ III, по просьбѣ Іоанна IV, прислалъ къ намъ книгопечатниковъ для учрежденія въ Москвѣ типографіи, съ ними присланы были отъ Христіерна двѣ книги: *Лютеровъ Катихизисъ* и *Аугсбургское исповѣданіе*, для перевода ихъ на русскій языкъ и распространенія по всей Россіи. Такимъ образомъ, всѣ орудія западнаго образованія предлагаемы были намъ цѣною измѣны убѣжденіямъ совѣсти. Будемъ ли мы обвинять нашихъ предковъ за то, что они не захотѣли такою цѣною купить европейское образованіе и считали вѣру несокрушимою основою русской жизни?

Позднѣе Борисъ Годуновъ имѣлъ мысль учредить въ Москвѣ

университетъ и пригласить для того иноземныхъ ученыхъ; но духовенство оказало этому препятствіе, заявивъ, что черезъ смѣшеніе языковъ оно боится смѣшенія понятій и страшится за единство нашей вѣры. Ѳеократія въ лицѣ духовенства положила преграду первой попыткѣ образованія.

Въ XVII вѣкѣ кіевскія духовныя училища посылали своихъ ученыхъ въ западные университеты, но тамъ не соглашались допускать ихъ къ наукѣ иначе, какъ съ условіемъ перемѣнить вѣру. Кіевское начальство позволяло даже молодымъ искателямъ знанія принимать наружно чуждую вѣру для того, чтобы хитрымъ обманомъ похищать науку.

Когда Петръ Великій отправился въ Голландію учиться кораблестроительному искусству, патріархъ Адріанъ писалъ къ нему, что не слѣдъ новому Израилю якшаться съ чуждыми народами.

Всѣ эти событія и на Западѣ, и у насъ доказываютъ, что въ то время еще не выработалась терпимость мысли. Потребны были Варѳоломеевская ночь и Тридцатилѣтняя война, надобно было потокамъ человѣческой крови омыть Европу, чтобы достичь свободы совѣсти, перваго условія полнаго человѣческаго образованія. У насъ наука стала доступна тогда, когда мы могли получить ее не измѣняя вѣрѣ. Не даромъ Петръ и Лейбницъ были современники.

Въ религіозномъ періодѣ злоупотребленіе ѳеократическаго начала препятствовало развитію человѣческой личности вообще. Личный элементъ могъ въ немъ развиваться только въ лицѣ государя, или инока. Въ настоящей бесѣдѣ мы разсмотримъ этотъ элементъ въ твореніяхъ названныхъ двухъ личностей, а въ концѣ періода увидимъ, какъ эти личности столкнулись враждебно между собою.

Творенія русскихъ государей начинаются славною воинственною рѣчью Святослава. Нельзя допустить, чтобы эта рѣчь была сочиненіемъ лѣтописца-инока. Здѣсь въ каждомъ словѣ и до сихъ поръ слышится душа русскаго воина.

«Уже намъ нѣкамо*) ся дѣти!**) волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ Русскіѣ, но ляжемъ костьми: мертвыи бо срама не имутъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду; аще моя глава ляжетъ, то промыслитѣ собою». — И рѣша вои: «идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ».

Въ этихъ словахъ, дышащихъ воинскою честью и любовію къ землѣ Русской, покоится зародышъ нашего физическаго могущества и предвидится огромность того пространства, которое заняли на землѣ наши предки.

За рѣчью Святослава слѣдуетъ молитва святаго Владиміра. Въ Кіевѣ, въ волнахъ Днѣпра, пріемлетъ крещеніе народъ русскій. На берегу креститель его Владиміръ подъемлетъ руки къ небу и произноситъ молитву:

«Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тобе истиньнаго Бога, яко же увѣдеша страны христьянскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну***), и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣжу козни его».

Если въ рѣчи Святослава мы видѣли зародышъ физическаго могущества нашего, то въ молитвѣ Владиміра видимъ зародышъ нравственной силы и духовнаго просвѣщенія русскаго народа.

Ярославъ, сынъ Владиміра, сѣялъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, на той почвѣ, которую взоралъ его отецъ, сѣмена книжнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ наслѣдниками своими далъ русскому народу *Русскую Правду*. Въ этомъ первомъ нашемъ законодательномъ памятникѣ выразился общинный духъ народа. Это не кабинетное сочиненіе юрисконсульта-мыслителя, но слово живаго обычая, положенное на хартію. По смыслу этого древняго законодательства твердый законъ живетъ въ добрыхъ нравахъ народа: «твердый законъ норовъ добръ».

---

*) Некуда.
**) Дѣться.
***) Несовратимую.

Въ Поученіи дѣтямъ внука Ярославова, Владиміра Мономаха, мы видимъ образецъ христіанскаго воспитанія въ древнемъ князѣ удѣльной Руси. Дѣятельная борьба съ варварами Половцами, охота на дикихъ звѣрей и миротворное посредничество между враждующими князьями составляютъ содержаніе всей его жизни. Озаренный высшей истиною, онъ сознаетъ пороки своего народа, и особенно нашу русскую лѣнь, которую пять разъ преслѣдуетъ въ своемъ краткомъ поученіи. Выдаются и наши хорошія качества: наше гостепріимство, которымъ мы заискивали въ добромъ мнѣніи другихъ народовъ; наше умѣніе говорить хорошо на иностранныхъ языкахъ, изъ которыхъ на пяти говорилъ отецъ Владиміра, Всеволодъ, и тѣмъ привлекалъ къ себѣ сочувствіе иныхъ народовъ. Но надъ всѣми качествами возвышается кротость, воспитанная христіанствомъ и ясно видная въ благородномъ отвращеніи къ пролитію человѣческой крови. На Западѣ, не смотря на человѣколюбивыя и краснорѣчивыя рѣчи Ламартина, Виктора Гюго и другихъ противъ смертной казни, гиліотина до сихъ поръ еще не упразднилась. А у насъ уже въ началѣ XII вѣка, въ Поученіи Мономаховомъ, мы читаемъ слѣдующія золотыя слова:

«Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляете никакоя же хрестіяны» (Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, ни повелѣвайте убить его; если и будетъ достоинъ смерти, то не губите ни какой души христіанской).

Въ послѣднихъ годахъ удѣльнаго періода славенъ былъ великій князь Василій Темный, несчастная его жертва, своимъ посланіемъ защитившій православіе Русской Церкви противъ навѣта Исидора, измѣнившаго ему на Флорентинскомъ соборѣ.

Въ древнемъ нашемъ періодѣ нѣтъ писателя, въ которомъ личность человѣка такъ сильно проявилась бы и въ духѣ сочиненій и въ самомъ слогѣ, какъ Іоаннъ Грозный. Изученіе его характера въ исторіи не можетъ быть полно безъ изученія его словесныхъ произведеній. Митрополитъ Макарій и вельможа

Иванъ Бѣльскій могли содѣйствовать его образованію; но всего болѣе онъ обязанъ былъ своему собственному генію, а форма, въ которой этотъ геній выразился, принадлежитъ духу вѣка. Обширныя свѣдѣнія въ богословіи, огромная начитанность въ твореніяхъ отцовъ церкви, діалектика самая тонкая и хитрая, иронія рѣзкая и безпощадная, языкъ то мертвый славянскій, то живой народный, устный, — составляютъ отличительныя черты Іоанна, какъ писателя. Литературная его дѣятельность выразилась преимущественно въ полемикѣ, до которой онъ былъ страстный охотникъ. Исторія сохранила его запальчивыя богословскія пренія съ іезуитомъ Антоніемъ Поссевиномъ. Нельзя не припомнить, какъ, пріѣхавъ въ одинъ маленькій лифляндскій городокъ Кокенгузенъ, онъ тотчасъ послалъ за лютеранскимъ пасторомъ, чтобы съ нимъ поспорить о вѣрѣ. Ему было 24 года, когда онъ написалъ посланіе къ Максиму Греку о ереси Матвѣя Бахмина, въ которомъ обнаружилъ глубокія богословскія познанія.

Но особенно славны двѣ его полемики: одна противъ князя Андрея Курбскаго, другая—противъ русскихъ монастырей.

Литературный поединокъ между царемъ и его бояриномъ принадлежитъ къ числу рѣзкихъ особенностей нашей древней русской словесности. Личность Курбскаго представляетъ одно изъ яркихъ исключеній въ древней русской жизни, но съ тѣмъ вмѣстѣ подтверждаетъ истину нашего замѣчанія, что личность человѣка древне-русскаго могла развиваться свободно только черезъ отторженіе отъ великой русской общины. Еслибы Курбскій не измѣнилъ Іоанну, мы не имѣли бы ни его записокъ, которыя представляютъ столь богатый матеріалъ для исторіи Іоанна, ни краснорѣчивыхъ его писемъ, которыми онъ сражался съ самоволіемъ Грознаго. Потомокъ князей ярославскихъ, герой казанскаго похода, пожалованный въ бояре Іоанномъ, въ два мѣсяца одержавшій восемь побѣдъ въ войну ливонскую, Курбскій, боясь опалы и казни за проигранную Литовцамъ битву, внезапно бѣжалъ въ Литву къ королю Польскому и оттуда изъ Вольмара прислалъ первое обличительное посланіе къ Іоанну съ

слугою своимъ, Василіемъ Шибановымъ. Курбскій грозно обвинялъ Іоанна въ казни и ссылкѣ невинныхъ, вопіющихъ на него къ Господу.

Отвѣтъ Іоанновъ есть образецъ самой тонкой и хитрой діалектики. Этимъ орудіемъ онъ разбиваетъ въ пухъ своего противника, и перебирая все посланіе Курбскаго по періодамъ и даже выраженіямъ, уничтожаетъ его совершенно. Съ какою убійственною и рѣзкою иронією, приводя тексты изъ Священнаго Писанія, онъ упрекаетъ Курбскаго въ томъ, что предпочелъ спасеніе тѣла спасенію души и не принялъ отъ руки владыки своего добровольной казни! Вотъ слова Іоанна: «Почто, княже, единородную свою душу отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день страшнаго суда? Чесо на тѣлѣ душу предалъ еси? Аще праведенъ и благочестивъ еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе? Апостолъ Павелъ глаголетъ: «Всяка душа владыкамъ предержащимъ да повинуется: никая же бо владычества еже не отъ Бога учинена суть... Раби, послушайте господей своихъ, не предъ очима точію работающе яко человѣкоугодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть...». И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы и сребролюбія, и слабости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіянскою вѣрою и закономъ попралъ еси... Како же не усрамишися раба своего, Васьки Шибанова?»

Страшно сознаетъ Іоаннъ царское самодержавіе, олицетворенное и сосредоточенное въ немъ самомъ. «Яко же родихомся въ царствіи, тако и возрастахомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ». Съ ужасомъ указываетъ онъ на примѣры тѣхъ царствъ, которыя погибли потому, что въ нихъ цари были послушны эпархамъ и синклитамъ. «Сіе ли ты намъ совѣтуешь, говоритъ Іоаннъ, чтобы къ той же погибели прійти? и се ли убо

благочестіе, еже не строити царства?... Иное душу свою спасти, иное о многихъ душахъ и тѣлесахъ пещися. Ино постническое правленіе, ино общее житіе, ино святительская власть, ино царское правленіе».

По мнѣнію Іоанна, царское правленіе требуетъ страха, обузданія и конечнѣйшаго запрещенія... «Пророкъ рече: Горе дому, имъ же домомъ жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ. Видиши ли, яко подобно женскому безумію многихъ владѣніе: аще не подъ единою властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче (все таки) женскому безумію подобно есть...». «Россійское самодержавство, говоритъ Іоаннъ, изначала сами владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи».

Ревнивость Іоанна къ боярамъ и вельможамъ выразилась здѣсь во всемъ ея ужасѣ. Онъ излагаетъ кровавую теорію боярскихъ казней, которыми наполнилъ свое царствованіе, и дерзко приводитъ ей опору изъ словъ Апостола: «Овѣхъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте». Казня бояръ, Іоаннъ думалъ спасать ихъ страхомъ, ибо, по его мнѣнію: «государи проливаютъ кровь и во святыхъ причитаются». Созидая единую власть въ себѣ самомъ, Іоаннъ казнилъ все, въ чемъ только таилась тѣнь ея. Гнѣвъ его подъ конецъ посланія весь сосредоточивается на Курбскомъ: «Лице же свое, говоритъ Іоаннъ, не явитъ намъ до дне страшнаго суда Божія: кто же убо восхощетъ таковаго Еѳіопскаго лица видѣти?». Но безсиліе иронической насмѣшки соединяется въ Іоаннѣ съ чувствомъ горькой правды, которою онъ сильнѣе поражаетъ измѣнника»: «Не Божія земля тебя отъ себе отгнала, но ты самъ себе отъ нея отторгнулъ еси».

Отвѣтъ Курбскаго Іоанну, въ которомъ онъ называетъ его *писаніе широковыщательнымъ и многошумящимъ*, слабъ въ сравненіи съ Іоанновымъ. Курбскій уклоняется отъ отвѣта подъ предлогомъ, что мужамъ-рыцарямъ не подобаетъ браниться какъ рабамъ. Іоаннъ въ своемъ возраженіи снова гордо сознаетъ свое прирожденное самодержавіе. «Народился есми, говоритъ онъ, Бо-

жіимъ изволеніемъ, на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и возросъ есми на государствѣ». Сердито нападаетъ онъ на бояръ и на Сильвестра, духовника своего, за то, что они будто бы мирволили на царство князю Владиміру Андреевичу. Затѣмъ Іоаннъ тщеславится паденіемъ германскихъ городовъ передъ его державою, и такъ говоритъ: «Рекосте: нѣсть людей на Руссіи: некому стояти! и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады германскіе взимаетъ? Сила Животворящаго креста, побѣдившая Амалика и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады германскіе браннаго бога, но явленіемъ Животворящаго креста поклоняютъ главы своя».

Курбскій въ третьемъ своемъ посланіи жарко беретъ сторону Сильвестра, защищая его противъ клеветы Іоанновой и говоря, что грѣхъ неизцѣлимый клеветать на правовѣрнаго христіанина, что это все то же, что̀ клеветать на Духа Святаго. «А не еще ли гнуснѣе вымышлять ложь на своего исповѣдника, который душу его царскую къ покаянію привелъ, грѣхи его на своей выѣ носилъ, и, исчистя покаяніемъ, чистаго предъ наичистѣйшимъ Царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, поставилъ».

Посланія Курбскаго все выростали въ силѣ и внутреннемъ значеніи. Правда торжествовала надъ хитроумною, но лживою діалектикой, идея надъ пышнымъ и велерѣчивымъ словомъ. Превосходно четвертое посланіе Курбскаго. Мы не знаемъ, было ли вызвано оно посланіемъ Іоанновымъ. Можетъ быть, нѣкоторыя части этой переписки не дошли до насъ. Вотъ начало этого дивнаго посланія:

«Аще пророцы плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, отъ каменія прекраснѣйша созданной, и о сущихъ живущихъ въ немъ погибающихъ, како не достоитъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человѣкъ, въ ней же нѣкогда Духъ Святый пребывалъ, яже по прехвальномъ покаяніи была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая

молитва, яко благоуханно муро, или оніамъ, ко престолу Господню восходила, въ ней же, яко на твердомъ основаніи правовѣрныя вѣры, благочестивыя дѣла созидашася, и Царская душа въ той церкви, яко голубица крилы посеребренными между рамія ся блисталася, пречестнѣйша и пресвѣтлѣйша злата, благодатію Духа Святаго преукрашена дѣлами, укрѣпленія ради и освященія тѣла Христа, и пандражайшею его кровію, сею же насъ откупилъ отъ работы діаволи! Не такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!» Отъ сего прекраснаго описанія тѣлесной церкви царя Курбскій переходитъ къ ужасному его растлѣнію, и въ заключеніе говоритъ: «Воспомяни дни свои первые, въ нихъ же блаженно царствовалъ! Не губи себя и дому твоего... Зачѣмъ такъ долго лежишь простертъ и хранишь на одрѣ болѣзненномъ, объятый быдьто сномъ летаргическимъ? Опомнись и воспрянь! Никогда не поздно: самовластіе наше и воля къ покаянію данная и вложенная въ насъ отъ Бога, даже до распряженія души отъ тѣла, не отъемлется....»

На это посланіе не послѣдовало отвѣта. По крайней мѣрѣ онъ до насъ не дошелъ. Впрочемъ, и отвѣчать было нечего.

Курбскій продолжалъ свои нападенія на Іоанна въ Запискахъ объ его царствованіи. Эти Записки представляютъ у насъ первый опытъ исторіи государственной, въ которомъ сказывается личность историка. Въ лѣтописяхъ она скрывалась; здѣсь она открывается: отсюда ихъ достоинства и недостатки; онѣ писаны подъ вліяніемъ страсти, и можетъ быть характеръ Іоанна принесенъ въ жертву личной непріязни къ нему и нравственному воззрѣнію Курбскаго. Въ обращеніяхъ къ царю онъ указываетъ на необходимость добраго и полезнаго совѣта не только отъ совѣтниковъ, но и отъ *всенародныхъ человѣкъ*: «Даръ духа, говоритъ онъ, дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но правости душевной». Особенно сильно то мѣсто, гдѣ Курбскій описываетъ перемѣну нравственную, происшедшую въ Іоаннѣ отъ вліянія его любимыхъ ласкателей.

Ревнивое властолюбіе Іоанна сказалось также въ преніяхъ

его съ монастырями. Образчикъ тому мы видимъ въ его посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Не будучи еще въ силахъ употребить насилія, потому что монастыри были подъ охраною народной, Іоаннъ употребляетъ ѣдкую и рѣзкую иронію, орудіе литературное, которымъ умъ его владѣлъ превосходно. Чертами злой сатиры онъ изобразилъ изнанку жизни тогдашнихъ монастырей; но, конечно, по этому посланію было бы невѣрно судить о духовной жизни всѣхъ нашихъ обителей XVI-го вѣка. Посланіе дѣлится на двѣ половины, рѣзко другъ другу противоположныя. Въ первой половинѣ Іоаннъ съ лицемѣрнымъ смиреніемъ покаянія какъ будто обращается къ пустынникамъ и проситъ у нихъ молитвъ и духовной помощи, рисуя ихъ постническіе образы словами Василія Амасійскаго. Но за то въ другой половинѣ, скинувъ съ себя личину смиренія, гордо обличаетъ ихъ въ измѣненіи иноческихъ уставовъ и въ потворствѣ боярамъ, которые укрывались въ монастыряхъ отъ опалъ и казней Іоанновыхъ и вводили къ нимъ свои мірскіе и любострастные обычаи. Обѣ половины рѣзко отличаются и въ самомъ слогѣ: первая писана языкомъ славяно-церковнымъ, вторая — чистымъ народнымъ русскимъ. Приведемъ образчики того и другаго.

«Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ сквернному! Недостоинъ я нарещися братомъ вашимъ. Сотворите меня яко единаго отъ наемниковъ своихъ: припадаю честныхъ ногъ къ стопамъ вашимъ и милъ ся дѣю. Писано: свѣтъ инокамъ Ангелы, свѣтъ міряпамъ иноки. Подобаетъ вамъ, нашимъ государямъ, насъ заблудшихъ во тьмѣ гордости и сѣни смертнѣй прелести тщеславія просвѣщати: а мнѣ псу смердящему, кого учити, чему наказати, и чѣмъ просвѣтити? Самъ бо всегда въ пьянствѣ, въ скверпѣ, въ убійствѣ, въ грабленіи, въ хищеніи, въ ненависти, во всякомъ злодѣйствѣ... Паче же въ настоящемъ семъ многомятежномъ и жестокомъ времени, кому мнѣ нечистому и скверному и душегубцу учителю быти?... Есть у васъ дома учитель среди васъ Кириллъ... Помните, отцы святіи, нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ къ вамъ, въ пречестную обитель Пре-

чистыя Богородицы и Чудотворца Кирилла... отъ темныя ми мрачности малу зарю свѣта Божія въ помыслѣ моемъ воспріяти... И азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе свое о постриженіи, и искушахъ окаянный вашу святыню слабыми словесы. Вы извѣстисте мнѣ о Бозѣ крѣпостное житіе: возрадовася скверное мое сердце со окаянною мосю душою, яко обрѣтохъ узду помощи Божія своему невоздержанію... Обѣщаніе положихъ съ радостію нигдѣ индѣ не постришися, точію въ пречестнѣй сей обители. И вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумна тогда сущаго, ему руку положшу на мя и благословившу мене... И мнѣ мнится окаянному, яко исполу есмь чернецъ: аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе ангельскаго образа на себѣ ношу. И видѣхъ во пристанищи спасенія многи корабли душевныя лютѣ обуреваемы треволненіемъ, сего ради не могохъ терпѣти, малодушствовахъ и о своей души поболѣхъ....»

Такъ изображаетъ Іоаннъ постническіе образы монаховъ Кирилловой обители: «Отъ младыхъ ногтей въ постѣ... Богови прилюбистеся, вкупѣ же и человѣческія отбѣгающе бесѣды, безмолвію же и уединенію припрягосте себе, градныхъ плищь удаляющеся, вретищемъ же острымъ тѣло свое удручяюще, и поясомъ жестокимъ чресла своя стязующе, терпѣливно кости своя оскорбляюще, ложесна же со внутренними чревесы, даже до хребетныхъ костей, ослабили есте; и яденія убо мягкаго потребы отвергостеся, внутрь же кожу тѣлесную вовлекосте, къ лядвіямъ кудящися прилѣписти... И что ми изрещи и каяждо подобаетъ? Помяните, елико уста святыхъ лобзаніемъ цѣловасте! елико священная тѣлеса объясте! елицы васъ за руцѣ пріимаху! колицы раби Божіи и колѣнома вашима припплетахуся!»

Внезапно сбросивъ все это кривляніе, исполненное иронія, Іоаннъ вдругъ переходитъ къ изображенію бояръ, роскошествующихъ въ обители, и мѣняетъ мертвую краску своей рѣчи на живую: «Есть бо у васъ Анна и Каіяфа, Шереметевъ и Хабаровъ;

и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ, чудотворцово преданіе пресбидимо!...

«А Шереметеву какъ назвати братіею? яко у него десятой холопъ, который у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И велицыи свѣтильницы, Сергій и Кириллъ, и Варламъ, и Димитрій, и Пафнутій, и инози преподобніи въ Рустѣй земли, уставили уставы иночьскому житію крѣпостныя, яко же подобаетъ спастися; а бояре къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели: ино то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися, не вы имъ учители и законоположители, они вамъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодня тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногды иной иную страсть введетъ, да помалу, помалу, весь обиходъ монастырскій крѣпостной испразднится, и будутъ вси обычаи мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастыремъ, сперва, начальники уставили крѣпкое житіе, да опослѣ ихъ разорили любострастные. И Кириллъ чюдотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ его Сергѣй; а законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чюдотворцовѣ, и тамо извѣстно увѣсте; да тотъ маленько слабость ввелъ, а послѣ его иные поболши, да помалу, помалу, и до сего якоже и сами видите, на Симоновѣ, кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точію одѣяніемъ иноцы, а мірская вся совершаются якоже у чюда быша, среди царствующаго града, предъ нашима очима, намъ и вамъ видима.

«А вы се надъ Воротынскимъ церковѣ сесте поставили! ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чюдотворцемъ нѣтъ; Воротынской въ церкви, а чюдотворецъ за церковью. И на страшномъ Спасовѣ судищѣ, Воротынской да Шереметевъ выше станутъ потому: Воротынской церковью, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кириллова крѣпчае.

«У Діонисія преподобнаго на Глушицахъ и у великаго чюдотворца Александра на Свири только бояре не стригутся, и они

Божіею благодатью процвѣтаютъ постническими подвиги. У Шереметева и поварня своя. Вѣдь дати воля царю, ино и псарю; дати слабость вельможѣ, ино и простому.

«Самъ Іосафъ, царевъ сынъ, царство остави, и до тоя Сенаридскія пустыни пѣшь шествова... и съ собою ли царевъ сынъ законъ принесе, или по пустынному житіе поживе? множае у него было и своихъ Шереметевыхъ. Како и в. князь Святоша, прежъ державный в. княженіе Кіевское и пострижеся въ Печерстѣмъ монастырѣ, и пятнадесять лѣтъ въ вратаряхъ бысть и всѣмъ работаше знающимъ его... Тако Святіи подвизахуся Христа ради; а у всѣхъ тѣхъ свои Шереметевы и Хабаровы были...

«А то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ: таковы тѣ Шереметевы!

«... А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ да и иные черьнцы, да ѣдятъ, да піютъ что въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со сватьбы, невѣсть съ родинъ, розсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе; а вы ему молчите о такомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. Оставимъ глаголати: повѣрю вашимъ душамъ. А иніи глаголютъ, будто де и вино горячее, потихоньку, въ келью къ Шереметеву приносили: ино по монастыремъ, и Фряжскія вина зазоръ, не токмо что горячее. Ино то ли путь спасенія, то ли иноческое пребываніе? Или было вамъ не чѣмъ Шереметева кормити, чтобъ у него особные годовые запасы были? Милые мои! Кирилловъ доселѣ многіе страны препитывалъ и въ гладныя времена, а нынѣ и самѣхъ васъ, въ хлѣбное время, только бы не Шереметевъ прокормилъ, и вамъ было всѣмъ съ голоду перемерети».

Такъ преслѣдуетъ Іоаннъ уничтоженіе равенства сословій, чѣмъ прежде славились монастыри.

«Да како Апостолово слово: «нѣсть Еллинъ ни Скиоъ, нѣсть рабъ ни свободь, вси едино о Христѣ?» да како едино, коли боярин по старому бояринъ, а холопъ по старому холопъ? А Па-

велъ како Онисима Филимону братомъ нарече, его существенаго раба? а вы и чужихъ холопей къ боярамъ не ровняете, а въ здѣшнемъ монастырѣ ровенство и по се время держалося, холопемъ и бояромъ и мужикомъ торговымъ. И у Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ блюда ѣдалъ; а на правомъ крылосѣ Лопотало да Варламъ, невѣсть кто, а княжъ Александровъ сынъ Васильевича Оболенскаго Варламъ на лѣвомъ: ино смотрите того, коли былъ путь спасенія, холопъ съ Бѣльскимъ ровенъ, а князя добраго сынъ со странники сверстанъ. А и передъ нашима очима, Игнатій Курачевъ, Бѣлозерецъ, на правомъ крылосѣ, а Ѳедоритъ Ступишинъ на лѣвомъ, да ничѣмъ былъ отъ крылошанъ не отлученъ, да и индѣ много того было и доселѣ есть. А въ Правилѣхъ Великаго Василія написано: «аще чернецъ хвалится при людехъ, яко добра роду есмь, и родъ имѣя, да постится 8 дній, а поклоновъ по 80 на день». А нынѣ то и слово: тотъ великъ, а тотъ того больши, ино то и братства нѣтъ: вѣдь коли ровно, ино то и братство; а коли неровно, которому братству быти? ино то и иноческаго житія нѣтъ. А нынѣ бояре по всѣмъ монастыремъ то испразднили своимъ любострастіемъ. Да еще реку сего и страшнѣе: како рыболовъ Петръ и поселянинъ Богословъ, и станутъ судити Богоотцу Давиду, о немъ же рече Богъ: «яко обрѣтохъ мужа по сердцу моему», и славному царю Соломону, иже Господь глагола: «яко подъ солнцемъ нѣсть такого, украшена всякимъ царьскимъ украшеніемъ и славою», и великому святому царю Константину, и своимъ мучителемъ и всѣмъ сильнымъ царемъ обладавшимъ вселенною? дванадесять убогихъ учнутъ судити всѣмъ тѣмъ. Да еще и сего страшнѣйше: Рождьшая безъ сѣмени Христа Бога нашего, и въ рожденныхъ женами болій Крестителъ Христовъ, тѣ учнутъ предстояти, а рыболови учнутъ на двунадесяти престолу сидѣти и судити всей вселеннѣй. А Кирилла вамъ своего тогда какъ съ Шереметевымъ поставити, которого выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у Государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость

завела? По Апостолу Павлу: «не лститеся, тлятъ бо обычая благы бесѣды злы». И не глаголи никто же студныя сія глаголы: яко только тамъ съ бояры не знатися, ино монастырь безъ даянія оскудѣетъ. Сергій, и Кириллъ, и Варламъ, и Димитрій и иніи Святіи мнози, не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространились: благочестіемъ бо монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изсякло, ино и монастырь оскудѣлъ, не постриженся никто, и не дастъ ни кто ничего. А на Сторожѣхъ до чего дошли? уже и затворити монастыря некому, по трапезѣ трава ростетъ; а и мы видали, братіи до осмидесятъ бывало, а крылошанъ по одиннадцати на крылосѣ было: благочестія убо для болши монастыри распространяются, а не слабости ради».

Ревнивая власть самодержца сказывается во всемъ посланіи Іоанновомъ отъ начала до конца. Ему нестерпима тѣнь власти и въ боярахъ, которые укрываются въ монастыряхъ, и въ монастыряхъ еще болѣе потому, что въ нихъ власть духовная охранена вѣрою въ глазахъ народа.

Есть еще произведеніе пера Іоаннова, въ которомъ рисуется паденіе больной души его передъ смертью: это — его *духовное завѣщаніе*. Здѣсь лицемѣріе его доходитъ до крайняго предѣла. Личина иноческаго фарисейства, которою онъ любилъ играть, забавляясь въ Александровской слободѣ, перешла въ его натуру. Вотъ отрывокъ изъ этого завѣщанія: «... умъ острупися, тѣло изнеможе, болѣзнуетъ духъ; струпы тѣлесніи и душевніи умножишася. И не сущу врачу изцѣляющему мя, ждахъ иже со мною поскорбитъ, и не бѣ, и утѣшающихъ, и не обрѣтохъ... Душою осквернень есмь и тѣломъ окаляхся, якоже убо отъ Іерусалима божественныхъ заповѣдей и ко іерихонскимъ страстемъ пришедъ и житейскихъ ради подвигъ прельстихся міра сего мимотекущею красотою.... Багряницею свѣтлости и златоблещаніемъ превезахся; умомъ въ разбойники впадохъ мысленные и чувственные; совлеченъ благодати усыновленія, ранами не исполу мертвъ, а если живъ мнюся видящимъ; аще и живъ, но Богу скареднымъ

своими дѣлы паче мертвеца смраднѣйшій и гнуснѣйшій, его же іерей видѣвъ не внятъ, Левитъ и той возгнушася преминулъ мене. Понеже отъ Адама и до сего дни всѣхъ преминулъ беззаконіи согрѣшившихъ: сего ради всѣми ненавидимъ есмь. Каиново убійство прешедъ, Ламеху уподобихся, Исаву послѣдовахъ сквернымъ невоздержаніемъ, Рувиму уподобихся.... и инымъ многимъ яростію и гнѣвомъ невоздержанія, и понеже быти умъ зря Бога и царя страстемъ, азъ разумомъ растлѣненъ бѣхъ и скотенъ проразумѣніемъ.... Главу осквернихъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства..., языкъ срамословіемъ, гнѣвомъ и яростію, выю и перси гордостію и величаніемъ высокоглаголиваго разума, руки осязаніемъ вещей неподобныхъ, грабленіемъ ненасытимъ и человѣкоубійствомъ, чревообъяденіемъ и пьянствомъ, чресла опоясаніемъ на всяко дѣло зло, ноги теченіемъ быстрѣйшимъ ко всякому дѣлу злу....»

Какъ страшно обличается въ этихъ словахъ лицемѣрное покаяніе Іоанново, выраженія котораго заимствуются изъ покаяннаго канона, когда вспомнимъ подробности его кончины, окруженной привычками сластолюбія.

Отъ царя грознаго перейдемъ къ царю доброму, который оставилъ намъ въ литературно-замѣчательномъ произведеніи память своей любви къ соколиной охотѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ эту охоту какъ художникъ, занимался ею отъ добраго сердца и со вкусомъ. До сихъ поръ еще въ Москвѣ около церкви Трифона Напрудnаго, куда доходила въ старину сокольничья роща, сохранившая въ имени Сокольниковъ память царской охоты, живутъ въ устахъ народа преданія и разсказы о ней, въ которыхъ имя царя Алексѣя смѣшивается съ именемъ царя Ивана. Кромѣ писемъ царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину о любимой его охотѣ, до насъ дошелъ еще его *Урядникъ*, или *Новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути*.

Вотъ какъ царь-охотникъ разумѣетъ мысль, которая побудила его къ составленію этой книги: «Хотя мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна, — никто же за-

зритъ, никто же похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ. А честь и чинъ и образецъ всякой вещи большой и малой учиненъ по тому: честь укрѣпляетъ и утверждаетъ крѣпость; урядство же уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе; стройство же предлагаетъ дѣло; безъ чести же малится и не славится умъ; безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье».

Художественный взглядъ царя на это увеселеніе выражается въ слѣдующихъ словахъ его Урядника, гдѣ онъ восхищается изящнымъ полетомъ сокола и видомъ подсокольничьяго, когда онъ держитъ кречета на рукѣ:

«И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя, и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичія добыча. Безмѣрно славна и хвальна кречатья добыча . . . Красносмотрителенъ же и радостенъ высокова сокола летъ». . . .

«И подсокольничій вздѣваетъ рукавицу тихо, стройно . . .

«И станетъ поодаль царя и великаго князя человѣчно, тихо, бережно, весело, и кречета держитъ честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей».

Такъ царь-охотникъ опредѣлилъ «*время наряду и часъ красоты*». Доброе сердце его сказалось въ слѣдующемъ обращеніи къ его любезнымъ и вѣрнымъ охотникамъ: . . . «да утѣшатся сердца ваша, и да премѣнятся, и не опечалятся мысли ваши отъ скорбей и печалей вашихъ . . .»

«Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. Избирайте дни, ѣздійте часто, напускайте, добывайте, нелѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу.

«О, славные мои совѣтники, и достовѣрные и премудрые охотники! радуйтеся и веселитеся, утѣшайтеся и наслаждайтеся

сердцами своими, добрымъ и веселымъ симъ утѣшеніемъ въ предъидущія лѣта»!

Но веселая забава не удаляла царя отъ исполненія его государственныхъ обязанностей, какъ свидѣтельствуетъ этотъ *книжный прилогъ*, прибавленный къ Уряднику собственною его рукою: «Правды же и суда и милостивые любовье и ратнаго строя николи же позабывайте: *дьлу время и потѣхѣ часъ*». Послѣднія слова перешли въ народную пословицу.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя дѣйствовали словомъ въ государственной жизни Русскаго народа. Здѣсь, прежде всего, поражаетъ наше вниманіе книга, еще не довольно изслѣдованная учеными, но составленная духовенствомъ по образцу греческому и введенная у насъ при самомъ началѣ христіанства. Она извѣстна подъ заглавіемъ: *Мѣрило Праведное*, и была настольною книгою русскихъ государей съ тѣхъ поръ, какъ они приняли христіанство, и, можно сказать, справочнымъ руководствомъ для ихъ совѣсти. Важныя духовныя лица, митрополиты, епископы, духовники государей подносили имъ эту книгу при вступленіи ихъ на престолъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчается даже имя Владиміра, вѣроятно крестителя земли Русской. Есть свидѣтельство, что Мѣрило Праведное было подпесено Стефаномъ Пермскимъ Димитрію Донскому. Самыя позднѣйшія рукописи относятся къ Осодору Іоанновичу, послѣднему царю Рюриковой династіи. Чтобы дать понятіе о высокихъ и смѣлыхъ поученіяхъ, которыя церковь предлагала державнымъ правителямъ Россіи, мы прочтемъ нѣсколько выписокъ изъ этой книги.

«*Отъ книгъ Эноха праведнаго, прежде потопа.* Кто презираетъ лицо человѣка, тотъ презираетъ и лицо Господне: гнѣвъ и судъ великій на того, кто плюетъ на лицо человѣку. Блаженъ, кто направляетъ сердце свое на всякаго человѣка такъ, чтобы помочь судимому, поднять сокрушеннаго, зане въ день великаго суда все то приложится на вѣсы ему.

«Правость суда всего болѣе зависитъ отъ состоянія души

судящаго, потому что не имѣя залога истинной правды въ душѣ своей, онъ суда исправить не можетъ.

Св. Евагрія о властеляхъ. Поставленъ ли ты въ царскій санъ, или судіей земли своей, или строителемъ граду своему, и многіе тебѣ кланяются, идутъ къ тебѣ малые и великіе, славные и неславные, принося тебѣ дары и къ ногамъ припадая: то благо отъ Бога тебѣ даровано — блюди его. Если кто, желая побѣдить соперника, подкупитъ тебя мздою, и ты осудишь человѣка неправедно,—вспомни, что ты осудилъ носящаго образъ Божій, за котораго пролита кровь Христова.

Слово о гордости. Не сочтемъ того за великое, что насъ люди боятся. Величаешься ли ты силою и властію, то повѣдай мнѣ: что за сила, что за власть, человѣками поставленная? Поставленъ ты царемъ: будь внутри себя царь самому себѣ: владыка и царь не тотъ, кого зовутъ такимъ, но кто таковъ умомъ правымъ. Если же нѣтъ, только имя понапрасну носишь. Скажешь: да развѣ нѣтъ при мнѣ меча? развѣ не имѣю власти отнять имѣніе? И я скажу тебѣ: все то имѣешь, но это одно внѣшнее сіяніе власти. И на все это есть сила враждебная, передъ которою и твоя издали плеча покажетъ. Волѣ того ничто не страшно, ни его мыслямъ, кто божественное ученіе принимаетъ и прилѣпляется къ такому источнику.

По Ефрему. Богъ вмѣсто Себя избралъ васъ на землѣ, и, вознесши, на престолѣ Своемъ посадилъ. Милость и жизнь положилъ Онъ у васъ. Разумѣйте, что вы отцы міру. Писано: князь міру сего правда. А вы поставляете на свое мѣсто властелей и тіуновъ, мужей не богобойныхъ, язычныхъ, злохитрыхъ, суда не разумѣющихъ, правды не смотрящихъ, судящихъ въ пьянствѣ, судомъ спѣшащихъ, когда Богъ повелѣлъ не однимъ днемъ вещь испытать, грабителей и мздоимцевъ, гордостью и величіемъ возносящихся... Пилатъ, умывъ руки, предалъ Іисуса и сказалъ: «Что мнѣ роды Твои? Жиды отдали Тебя мнѣ, кровь Твою взяли на себя и на чадъ своихъ». Но симъ Пилатъ не оправдался».

Къ началу XII вѣка относится посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. Здѣсь превосходно разобраны душевныя силы человѣка и чувственныя его орудія, примѣнительно къ представителю власти; изо всѣхъ чувствъ указанъ слухъ государя, какъ наиболѣе уязвляемый стрѣлою клеветы и наговора. Въ XIV вѣкѣ митрополитъ Кипріанъ писалъ противъ стяжанія селъ монастырями; Кириллъ Бѣлозерскій, въ посланіяхъ къ сыновьямъ Димитрія Донскаго, кротко убѣждалъ прекратить братскія междоусобія и говорилъ противъ внутреннихъ таможенъ, которыя уничтожены были окончательно только въ 1753 году, и противъ корчемства, которое развращало народъ.

Въ XV вѣкѣ все русское духовенство, соборнымъ посланіемъ къ князю Углицкому Димитрію Шемякѣ, способствовало къ уничтоженію всѣхъ удѣльныхъ междоусобій, раздиравшихъ Россію. Въ томъ же вѣкѣ духовникъ Іоанна III, Вассіанъ, своимъ посланіемъ содѣйствовалъ сверженію татарскаго ига. Въ немъ святитель приглашаетъ властителя взять Бога на помощь и всенародную молитву. Власть въ христіанскомъ властителѣ тѣмъ отличена отъ власти грубой и безотчетной ордынскаго хана, что соединяется съ глубокимъ, искреннимъ, сердечнымъ покаяніемъ, какъ залогомъ человѣческаго совершенствованія въ государѣ. «Кайся не словомъ, а сердцемъ, говоритъ Вассіанъ, какъ благоразумный разбойникъ на крестѣ покаялся. Истинное покаяніе перестать отъ грѣха. Если такъ покаешься, Господь освободитъ насъ отъ Ахмата, какъ Израильтянъ избавилъ отъ Фараона. Вспомни, какъ Господь посылалъ имъ Моисея, Іисуса Навина, Гедеона, Самсона: такъ и тебя пошлетъ освободителемъ намъ, новому Израилю. Итакъ, Богомъ утвержденный царь, царствуй ради истины, кротости и правды: престолъ твой да будетъ совершенъ правдою, крѣпостью и судомъ, и жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь отъ Сіона. Такъ глаголетъ Господь: «Азъ воздвигохъ тя царя правды, призвахъ тя, правдою, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя да послушаютъ тебе языцы...»

Вотъ прекрасный отрывокъ изъ посланія Іосифа Волоцкаго къ вельможѣ о милованіи рабовъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что церковь наша въ древнія времена заботилась о состояніи меньшей братіи Русскаго народа. «А до меня, сынъ, грѣшнаго доходитъ такой слухъ про твое благородство, что твои рабы и сироты живутъ у тебя въ такой тѣснотѣ, что имъ не только нельзя дѣлать добрыя дѣла и творить другимъ милостыню, а сами гладомъ таютъ и отъ злыхъ обычаевъ удержаться не могутъ, не имѣя одежды или нищи тѣлу, и ощущая скудость во всѣхъ нужныхъ потребахъ. Страшно, господинъ, говоритъ о томъ Божественное писаніе. Бѣда великая, мученіе безконечное тѣмъ, кто не печется и не имѣетъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, не только дѣломъ ихъ насилуетъ, но ранами казнитъ, не даетъ одежды и нищи, и моритъ голодомъ; не печется о спасеніи душъ ихъ, но гордяся житіемъ суетнымъ и тщетнымъ, прелестями свѣта сего, не помышляетъ о томъ и не помнитъ, что мы всѣ созданіе Господне, всѣ плоть едина, всѣ муромъ единымъ помазаны, всѣ въ рукахъ Господнихъ, кого хочетъ Онъ обнищеваетъ, и что всѣмъ намъ стать передъ единымъ Царемъ страшнымъ на судѣ Его необъименномъ...»

Въ одной изъ предъидущихъ бесѣдъ я сказалъ, что въ Западной Европѣ до XVIII вѣка астрологія со всѣми ея предразсудками находилась въ большомъ почетѣ. У насъ еще въ XVI вѣкѣ, Максимъ Грекъ, а за нимъ и другіе, обличали предразсудки астрологіи и преслѣдовали ее самыми убѣдительными доводами. Правда, у насъ позднѣе введена была при дворѣ астрологія, но это было уже слѣдствіе западнаго вліянія.

Въ 1612 году, когда безгосударная Россія взволновалась какъ море, она была спасена и успокоена словомъ духовенства и народа. Первый поднялъ голосъ избавленія патріархъ Гермогенъ въ своемъ славномъ воззваніи ко всѣмъ сословіямъ народа. Здѣсь, подражая пророкамъ Ветхаго Завѣта, онъ сочеталъ слово грозы и милости, слово упрека и примиренія. «Что много глаголю? говоритъ онъ, недостаетъ ми слово, болѣзнуетъ ми

душа, болѣзнуетъ сердце, и вся внутренняя утерзается, и вся составы мои содрогаютъ, и плачуся, глаголю и рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте, братія и чада единородныя, своя душа и своя родителя отшедшая и живыя, отецъ своихъ и матерей, и жены своя, и чада, и сродники, други, возникните и вразумѣйте и возвратитеся! Видите бо отечество свое чуждими расхищаемо и разоряемо, и св. иконы и церкви обругаемы, и неповинныхъ кровь проливаема, еже вопіетъ къ Богу, яко праведнаго Авеля, прося отмщенія; вспомяните, на кого воздвизаете оружіе, и не на Бога ли сотворившаго насъ.... не на своихъ ли единоплеменныхъ братію? не свое ли отечество разоряете, ему же иноплеменныхъ многія орды чудишася, нынѣ же вами обругаемо и попираемо?»

Вотъ его же слово надежды и милости: «Не бойся, малое мое стадо, яко благоизволи Отецъ мой дать вамъ царство; аще бо и многи волны и люто потопленіе, но не бойся погрязновенія, на камени бо вѣры и правды стоимъ, да ся пѣнитъ море и бѣситъ, но Іисусова корабля не можетъ потопити, и не дастъ бо Господь въ потопленіе уповающихъ нань, ни жезла ни жребій свой, ни зубомъ вражіимъ рабъ своихъ, но сохранитъ насъ яко же хощетъ святая воля Его».

Къ слову патріарха Гермогена присоединилось слово всѣхъ городовъ русскихъ. Они сносились между собою граматами, которыя читались въ храмахъ. Церковь и здѣсь являлась посредницею въ великихъ, сильныхъ разговорахъ народа, слѣдствіемъ которыхъ было спасеніе отечества.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательно было слово духовника его, Стефана Вонифатьева, въ которомъ онъ вступался за земледѣльцевъ противъ притѣсненій вельможъ и царскихъ землемѣровъ.

Лѣтописи и житія святыхъ — вотъ еще двѣ формы русской словесности, столь изобильныя въ древнемъ ея періодѣ. Тѣ и другія зачинаются въ одной и той же кельѣ Кіевопечерскаго инока Нестора. Его лѣтопись о томъ, *откуда пошла Русская*

земля, имѣетъ значеніе и всемірное, и народное. Безъ Нестора, какъ доказалъ германскій критикъ Шлёцеръ, весь сѣверо-востокъ Европы остался бы покрытымъ непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности. Славянскій ученый Шафарикъ опредѣлилъ важность Нестора относительно первоначальной исторіи племенъ Славянскихъ. Кромѣ того, въ Лѣтописи Нестора слышится отголосокъ нашей народной совѣсти, какъ она въ самыя древнія времена сознавала начало и бытіе нашего отечества. До сихъ поръ сказанія Несторовы о происхожденіи Русскаго государства, о первыхъ славныхъ войнахъ, о крещеніи земли Русской отзываются правдою нашей жизни.

Кромѣ Кіевской лѣтописи, обозначенной именемъ Нестора, были еще многія другія мѣстныя, но не всѣ онѣ дошли до насъ. Особенно яркими красками юго-западной жизни блещетъ лѣтопись Волынская. Изъ прочихъ областныхъ лѣтописей дошли до насъ въ большей полнотѣ лѣтописи двухъ вѣчевыхъ общинъ древней Руси: Новгорода и Пскова. Остальныя же смѣшались въ единствѣ Московской лѣтописи, которая точно такъ же поглотила областныя, какъ Москва — города удѣльные. Въ Москвѣ лѣтопись приняла болѣе государственный характеръ, тогда какъ прежде она имѣла характеръ болѣе народный. Но, не смотря на то, устныя преданія народа, подъ вліяніемъ его оригинальной фантазіи, вторгались въ нее. Таково, напримѣръ, преданіе о снѣ Тамерлана: какъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воиновъ, и святители съ золотыми жезлами въ рукахъ; какъ, вскочивъ отъ сна, завоеватель затрепеталъ и бѣжалъ изъ Россіи. Таково и другое преданіе о рожденіи Іоанна Грознаго: въ тотъ самый часъ, какъ рождался онъ, блистали молніи по всей области Русской державы, и гремѣлъ такой страшный громъ, какъ будто все основаніе земли колебалось.

Перейдемъ къ житіямъ святыхъ, которыми и заключимъ бесѣду. Съ одиннадцатаго вѣка начинаются эти памятники словесности, и число ихъ растетъ изобильно вплоть до XVIII вѣка.

Наши святые—герои духовнаго міра въ древней Руси. Въ нихъ также проявляется человѣческая личность, но подъ вліяніемъ Божественнаго сіянія. Они разносятъ по всѣмъ предѣламъ Руси, до самаго дальняго сѣвера, истины вѣры и духовную жизнь, лишая себя всѣхъ прелестей міра, но не чуждаясь труда надъ землею. Невозможо даже и въ краткомъ очеркѣ обнять все богатство этой литературы; но я имѣю намѣреніе указать въ ней только на элементъ художественный и на такія черты, которыя просятся изъ рукописныхъ преданій въ картины художниковъ. Увѣренъ, что если бы Западная Европа имѣла у себя эти преданія, то давно уже кисть художниковъ воспроизвела бы ихъ на полотнѣ.

Вотъ, напримѣръ, черта изъ жизни Ѳеодосія, основателя Кіевопечерской обители. Въ отрочествѣ, живя въ домѣ матери, вдовы Курскаго боярина, Ѳеодосій готовился уже къ своему призванію и носилъ на тѣлѣ вериги, тайно отъ матери. Въ одинъ изъ большихъ праздниковъ градской восвода велѣлъ созвать боярскихъ отроковъ для служенія на пирѣ, который давалъ онъ городской знати. Мать Ѳеодосія собирала на пиръ своего сына, и приготовивъ для него праздничныя одежды, снимала съ него сорочку, и вдругъ увидѣла на тѣлѣ сына слѣды крови, а потомъ и самыя вериги, которыя вонзались въ нѣжное тѣло юноши. Чудный мотивъ для картины въ строгомъ стилѣ!

Вотъ черта изъ жизни Кіевопечерскаго иконописца Алипія, ученика мастеровъ Византійскихъ. Алипій былъ уже очень старъ и изнемогалъ отъ предсмертной болѣзни. Одинъ благочестивый Кіевлянинъ заказалъ Алипію написать икону Успенія къ празднику, который приближался; но болѣзнь не позволяла старцу исполнить обѣщанія. Въ то время, какъ онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, свѣтлый юноша вошелъ въ келью и докончилъ за него икону къ празднику: это былъ Ангелъ. Замѣчательно, что такое же точно преданіе существуетъ въ Италіи о религіозномъ живописцѣ Фра-Беато Анджелико да-Фіезоле. Живописецъ Рубіо, столь близкій намъ по характеру и стилю своей живописи, недавно изобразилъ это преданіе на картинѣ.

Поразительно-умилительна смерть Петра митрополита: окончивъ поученіе къ народу и простившись съ нимъ, у алтаря недоконченной строеніемъ церкви Успенія, близъ могилы своей, заранѣе заготовленной, онъ начинаетъ пѣть вечерню, и умираетъ, *еще бывшей молитвѣ на устахъ его*. Болонецъ Гвидо-Рени передалъ бы непремѣнно такое преданіе полотну.

А сколько высоко-умилительныхъ и разнообразныхъ мгновеній представляетъ жизнь Сергія Радонежскаго! Въ уютной деревянной церкви, среди дымнаго свѣта лучины, въ крашенинныхъ ризахъ, на деревянныхъ сосудахъ, совершаетъ литургію Преподобный Сергій, и Ангелъ сослужитъ ему. Сама Царица Небесная съ двумя апостолами, Петромъ и Іоанномъ, является къ нему ночью послѣ вечерней молитвы, чтобы навѣстить его въ смиренной кельѣ. Однажды лѣтомъ, св. Сергій изъ своей пустынной кельи выходитъ въ лѣсъ, ее окружавшій, и видитъ множество разнообразныхъ птицъ, слетѣвшихъ въ его пустыню. Прелестный мотивъ для картины въ стилѣ Фламандской школы!

Жизнь ученика Сергіева, Кирилла Бѣлозерскаго представляетъ также драгоцѣнныя мгновенія для картинъ, соединенныя съ ландшафтами той великолѣпной сѣверной природы, гдѣ онъ основалъ свою обитель.

Перейдемъ въ заключеніе къ такой картинѣ, мыслью которой было представить борьбу двухъ личностей древней Руси, царя и инока. Мы предложимъ предметъ ея такъ, какъ предлагаетъ житіе Филиппа митрополита, откуда ее заимствуемъ. Филиппъ совершалъ божественную службу, предстоя во святилищѣ алтарю по чину Захаріи и Аарона, и, вознося благовонное кадило горѣ къ Вышнему, кротилъ гнѣвъ Божій пречестными молитвами. Входитъ царь въ соборную церковь, облеченный въ черныя ризы; всѣ, его сопровождавшіе, были также въ черныхъ ризахъ и черныхъ шлыкахъ. Филиппъ исполнился божественнаго свѣта и, какъ адамантъ непоколебимый, стоялъ на уготованномъ ему мѣстѣ. Царь подошелъ и трижды просилъ его благословенія. Святитель не отвѣчалъ ничего. Тогда бояре сказали Филиппу:

«Благочестивый Государь Царь Иванъ Васильевичъ всея Россіи пришелъ къ твоей святости и требуетъ благословенія». Филиппъ подошелъ и сказалъ: «Царю благій! кому поревновавъ такимъ образомъ, своего зданія доброту измѣнилъ еси? Отнелѣ же солнце въ небеси, не слыхано, чтобы Царь возмущалъ свою державу. Убойся Божія суда и постыдись багряницы. Какъ, полагая законъ для другихъ, ты самъ вину суда пріемлешь? Благо сказалъ богогласный пѣснописецъ: отвращайся льстивыхъ словъ ласкателей. Какъ вороны выклевываютъ у людей тѣлесныя очи, такъ они душевныя ослѣпляютъ мысли... Мы, о царь, приносимъ жертву Господу чистую и безкровную въ мірское спасеніе, а за алтаремъ неповинно льется христіанская кровь и люди напрасно умираютъ». Царь возгорѣлъ яростію и сказалъ: «О, Филиппъ! нашу ли волю перемѣнить хочешь! Лучше бы было тебѣ съ нами единомысленно быть». Святый сказалъ: «Тогда суетна будетъ вѣра наша, суетно проповѣданіе апостольское, всуе божественныя преданія, отцами переданныя. Все мы сами же разсыплемъ». Царь воскликнулъ: «Нашей ли державѣ являешься противенъ, да видимъ крѣпость твою?» Филиппъ отвѣчалъ: «Царю благій, вашимъ повелѣніямъ не повинуемся, если и тьмами лютая постраждемъ. Господня земля и концы ея: я пришлецъ и пресельникъ, какъ и всѣ отцы мои, подвизаюсь за истину благочестія». Такъ духовная сила въ лицѣ инока торжествовала надъ матеріальною силою царя Грознаго.

ЛЕКЦІЯ 4.

Во второй бесѣдѣ мы разсмотрѣли развитіе элемента Божественнаго въ древней Руси, въ третьей—развитіе элемента личнаго человѣческаго, который олицетворялся въ государяхъ и инокахъ. Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть элементъ народный.

На переходѣ отъ элемента личнаго къ народному мы поста-

вимъ произведеніе, заслужившее европейскую славу и переведенное почти на всѣ европейскіе языки: *Слово о полку Игоревѣ*, памятникъ словесности конца XII вѣка, соотвѣтствующій современному событію, походу князя Новгородъ-Сѣверскаго Игоря противъ Половцевъ. Произведеніе это есть вмѣстѣ и гражданскій подвигъ, и поэтическое созданіе. Въ немъ сливаются оба элемента — личный и народный: первый является въ самомъ подвигѣ, но лицо скрыто въ безличности всей древней нашей жизни, и имени автора мы не знаемъ; второй элементъ, то есть, духъ народный, вѣетъ изъ всего созданія, отзываясь изъ глубины XII вѣка въ XIX. Относительно художественной формы, Слово о полку Игоревѣ есть одновременно и повѣсть, и пѣснь, какъ назвалъ его самъ авторъ: какъ повѣсть, оно передаетъ содержаніе событія согласно съ лѣтописью и дополняя ее въ подробностяхъ; какъ пѣснь, оно отзывается памятью родной жизни, передаетъ живыя краски неизмѣнной природы и чувство горя, всегда присное глубинѣ души Русскаго народа.

Взглянемъ сначала на Слово, какъ на гражданскій подвигъ, а затѣмъ перейдемъ къ поэтическому созданію.

«Встала обида, говоритъ гражданинъ, въ силахъ Дажъ-Божа внука (подъ именемъ Дажъ-Богова внука подразумѣвается самъ народъ Русскій), вступила Дѣвою на землю Трояню; всплескала лебедиными крылы на Синемъ морѣ у Дону плещучи». Что́ же это за обида, которая такъ прекрасно олицетворяется поэтомъ? Благородный князь Игорь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Всеволодомъ, затѣялъ походъ на враговъ Руси, Половцевъ; но, не будучи подкрѣпленъ другими князьями, кончилъ походъ несчастливо и былъ взятъ въ плѣнъ. Описавъ это грустное событіе, гражданинъ обращается ко всѣмъ князьямъ современнымъ: къ великому князю Всеволоду, Большому Гнѣзду земли Русской, къ Рюрику и Давиду, къ Ярославу Галицкому, славному въ то время своею мудростію, и ко многимъ другимъ, и приглашаетъ ихъ вступиться *«за обиду сего времяни, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъ-славича»*.

Перейдемъ къ поэзіи созданія. Здѣсь краски природы южной блещутъ во всей прелестной ихъ свѣжести. Шумитъ высокая трава степей; гудитъ земля подъ копытами конскими; обозы скрипятъ по ночамъ, какъ лебеди распущенные; стада птицъ покрываютъ и воздухъ, и воды. Картины мирной природы и сельскаго быта сливаются съ картинами дикой и кровавой войны. Ночь стонетъ грозою и будитъ птицъ. Волки стерегутъ грозу по оврагамъ; орлы клектомъ звѣрей зовутъ на кости; лисицы брешутъ на червленые щиты. Вотъ посѣвъ нивы, изображенный краской войны: «Черна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою (печалью) взыдоша по Русской земли». Вотъ картина молотьбы, перенесенная на поле битвы: «На немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами харалужными, на полѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла». Вотъ сравненіе свадебнаго пира съ пиромъ кровавой войны: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую. Ничить (никнетъ) трава жалощами (жалостью), а древо съ тугою къ землѣ преклонилось».

Вся природа, какъ видимъ, сочувствуетъ горю пѣвца и земли Русской. Горе — господствующее чувство во всей пѣснѣ. Слово «горе» встрѣчается во всѣхъ своихъ древнихъ синонимахъ. Иногда вырывается оно воплемъ отчаянія изъ груди пѣвца, особенно когда онъ вспоминаетъ первыя времена князей. «О, стонати Русской земли, помянувши первую годину и первыхъ князей!» Но мы еще не сказали о перлѣ красоты и созданія въ Словѣ: это — *Плачъ Ярославны*. Когда всѣ воззванія пѣвца-гражданина остались безплодны, когда никто не отозвался ни обидѣ, ни горю земли Русской, тогда внезапно раздался голосъ Ярославны, супруги плѣннаго Игоря, плакавшей на стѣнѣ города Путивля. Мы прочтемъ этотъ Плачъ, хотя въ слабомъ, но самомъ близкомъ стихотворномъ переложеніи:

Я кукушкою печальной
По Дунаю полечу,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ,
Рано утромъ я омою
На суровомъ тѣлѣ князя
Раны свѣжія его.

* * *

Ярославна рано плачетъ
У Путивля на стѣнѣ:
Вѣтеръ! вѣтеръ! о, зачѣмъ ты,
Господинъ, насильно вѣешь?
О, зачѣмъ на легкихъ крыльяхъ
Разметалъ ты стрѣлы Хански
Въ войско друга моего?
Али горъ тебѣ не стало,
Вѣять тамъ подъ облаками,
Аль не стало синя моря,
Гдѣ лелѣять корабли?
О, зачѣмъ же, господинъ мой,
По ковылю ты развѣялъ
Все веселіе мое?

* * *

Ярославна рано плачетъ
У Путивля на стѣнѣ:
Днѣпръ! сынъ славы! ты пробилъ же
Горы каменны сквозь землю
Половецкую; лелѣялъ
На себѣ ладьи Святславли
До Кобякова полку.

Принеси же, господинъ мой,
Мнѣ ты друга моего,
Чтобы я къ нему не слала
Слезъ на море съ каждымъ утромъ.

* * *

Ярославна рано плачетъ
У Путивля на стѣнѣ:
Солнце свѣтлое! для всѣхъ ты
Теплотой краснѣ сіяешь,
Но зачѣмъ лучи горячи
Ты простерло, господинъ мой,
Войску друга моего?
О, зачѣмъ въ безводномъ полѣ
Скорьбю тулы имъ заткало,
Жаждой имъ луки свело?

Чего не сдѣлали ни вопли пѣвца, ни толки князей, то совершилось чудомъ люби супружеской. Игорь былъ спасенъ изъ плѣна, и вся природа, на голосъ жены его, подвиглась и уготовила его избавленіе.

Кто такъ прекрасно страдалъ горемъ земли Русской, кому принадлежитъ это созданіе, справедливо заслужившее славу у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, того не сказала намъ наша древняя жизнь, въ которой лицо гражданина добровольно жертвовало собою счастію и славѣ земли своей и народа.

Переходимъ къ словесности народной. Творцомъ ея являются не отдѣльныя лица, а весь народъ въ его совокупности. Внѣшняя форма народныхъ созданій есть слово изустное, живое, а не письменное, — слово, которое можно назвать избраннымъ цвѣтомъ народной рѣчи.

Въ народной словесности выражаются три способности народа, принимая различныя формы: его разумъ выражается въ пословицахъ, фантазія — въ сказкахъ, чувство — въ пѣсняхъ.

По этимъ тремъ формамъ мы познакомимся съ народною словесностью.

Самъ народъ выразилъ мысль относительно трехъ формъ своей словесности. О пословицѣ онъ говоритъ: *Глупая рѣчь не пословица*; *Русская пословица ко всему приходится*. О сказкѣ и пѣснѣ онъ такъ выражается: *Сказка складка, а пѣсня быль*, то есть, сказка есть вымыселъ фантазіи, а пѣсня быль, потому что въ ней отзывается чувство жизни, а потому, какъ замѣчаетъ другая пословица: *Изъ пѣсни слова не выкинешь*.

Пословицы Русскаго народа представляютъ богатые выводы разума изъ опытовъ жизни. Сама же пословица говоритъ, что *Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ*. Этотъ задній умъ есть именно умъ вывода, или правильнѣе высшій умъ, то есть, разумъ. Пословица же говоритъ: *Умъ безъ разума быда*.

Русская пословица, какъ мы замѣтили съ ея же словъ, обнимаетъ все и приходится ко всему. Она вѣковѣчна, какъ памятникъ народнаго разума: *Старая пословица не сломится*: она, какъ высшій приговоръ народа, суда надъ собой не признаетъ: *На пословицу суда нѣтъ*; она, какъ непреложная истина, все себѣ подчиняетъ и надъ всѣми сбывается: *Отъ пословицы не уйдешь*; *Надъ кѣмъ пословица не сбывается?*

Прежде чѣмъ войти въ разумъ русской пословицы, отличимъ ее отъ поговорки, съ которою иногда ее смѣшиваютъ. Поговорка служитъ замѣткой какого-нибудь стариннаго обычая. Нерѣдко она отзывается жестокостью и варварствомъ древней жизни. Такъ, напримѣръ, поговорка: *Пускать пыль въ глаза*, произошла отъ полевыхъ поединковъ, которыми судились и гдѣ часто слабосильный горстью пыли ослѣплялъ глаза своему сильному противнику. Поговорка: *Кричать во всю Ивановскую* напоминаетъ площадь Ивана Великаго, на которой наши дьяки кричали во весь голосъ царскіе указы. *Положить въ долгій ящикъ* напоминаетъ тотъ ящикъ, куда народъ при царѣ Алексеѣ Михайловичѣ клалъ свои просьбы на имя царя и послѣ долго дожидался отвѣта. Нѣкоторыя поговорки напоминаютъ времена ужасныхъ пы-

токъ и казней; такъ, напримѣръ, *узнать всю подноготную*, напоминаетъ способъ пытки, какъ подъ ногти забивали иглы и гвозди. Сюда же относятся поговорки: *Согнуть въ три погибели*; *Тьмъ же саломъ да по тьмъ же ранамъ*; *На дьлѣ правъ, а на дыбѣ виноватъ*; *Кнутъ не Архангелъ, души не вынетъ*, и наконецъ поговорка: *Стоитъ какъ вкопаный*, или *какъ вкопаная*: послѣднее выраженіе напоминаетъ страшный обычай, какъ зарывали живыхъ людей, за какія-нибудь тяжкія преступленія, по грудь въ землю.

Но есть поговорки, которыя обнаруживаютъ свѣтлую сторону патріархальныхъ нравовъ древней Руси; такова поговорка о данномъ словѣ: *А буде я не сдержу слово, да будетъ мнѣ стыдно*; такова же другая о нравственной уздѣ, которая, заключаясь въ страхѣ Божіемъ и въ общественномъ мнѣніи, сдерживала достоинство древняго Русскаго человѣка: *Передъ Богомъ грѣшно, а передъ людьми стыдно.* Сюда же относятся выраженія, теперь не имѣющія у насъ смысла, а въ свое время обозначавшія христіанскій нашъ бытъ: *спасибо* (спаси Богъ, — благодарность, выражаемая желаніемъ спасенія), *простите*, *братецъ*, и другія.

Отъ поговорокъ перейдемъ къ историческимъ пословицамъ, въ которыхъ хранится память древнихъ событій отечества. Несторова лѣтопись сохранила двѣ самыя древнія: о погибели Аваровъ — *Погибоша аки Обрѣ*, и о голодѣ осажденныхъ въ Роднѣ — *Бѣда аки въ Роднѣ.* Отъ удѣльныхъ междоусобій, когда безпрерывно переходили отъ войны къ миру и отъ мира къ войнѣ, осталась пословица въ лѣтописяхъ: *Миръ стоитъ до рати, а рать до мира.* Ко временамъ Новгорода, когда онъ былъ еще вольнымъ вѣчевымъ городомъ, относятся пословицы: *Кто противъ Бога и Великаго Новгорода? Гдѣ Св. Софья, тамъ и Новгородъ*; *Новгородъ судитъ одинъ Богъ.* Воля Новгорода и его младшаго брата Пскова засвидѣтельствована также пословицей: *Новгородцы и Псковичи, якоже хотятъ, тако и творятъ.* Ко времени Татаръ принадлежатъ: *Гдѣ ханъ, тамъ и орда; Хоть въ*

ордъ да въ добрѣ; Старшихъ и въ ордѣ уважаютъ. Когда Москва въ своемъ единодержавіи поглощала власть и силы другихъ городовъ, сочинилась пословица: *Москва бьетъ съ носка.* Времена царей, особенно Грознаго, обозначились слѣдующими пословицами: *Близъ царя, близъ смерти; Около царя, какъ около огня: ходя опалишься; Все Божье да Государево; Воля Божія, а судъ Царевъ; Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ; Вѣдь дати воля Царю ино и псарю.* (Послѣднія двѣ пословицы напоминаютъ кромѣшниковъ).

Пословица: *Коли у поля сталъ, такъ бей на повалъ,* напоминаетъ обычай судебныхъ поединковъ. Пословица: *Въ тѣ поры жди свободы, какъ сольютъ воды,* напоминаетъ времена, когда переходъ крестьянъ былъ свободенъ. Другая: *Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!* — указываетъ на введеніе крѣпостнаго состоянія при Борисѣ Годуновѣ. *У семи нянекъ дитя безъ глазу,* какъ думаютъ, содержитъ намекъ на время семибоярщины. Пословица нерѣдко казнила злоупотребленія чиновниковъ. О воеводахъ она говоритъ: *Воевода хоть не стóитъ лыка, а ставь его за велико;* о дьякахъ: *Дьякъ у мѣста, что́ кошка у тѣста; Какъ дьякъ у мѣста, то и всѣмъ отъ него тѣсно; а какъ дьякъ на площади, такъ Господи пощади!*

Есть у насъ пословицы, которыя принадлежатъ лицамъ. Отъ царя Алексѣя Михайловича осталась намъ уже извѣстная: *Дѣлу время, а потѣхѣ часъ.* Петръ I, насильственно срывая бороду съ Русскаго народа, для медали, которая покупалась какъ право носить ее, сочинилъ самъ пословицу: *Борода лишняя тягота;* но Русскій народъ тогда же вѣрно и глубокомысленно отвѣчалъ царю своею пословицей: *Борода дѣлу не помѣха.*

Извѣстный своимъ умомъ откупщикъ Злобинъ сочинилъ пословицу о двухъ братьяхъ Сперанскихъ, славномъ Михаилѣ и неславномъ Кузьмѣ: *Изъ одного дерева и икона и лопата.* Даль, послѣдній собиратель русскихъ пословицъ, въ своей статьѣ о новой обличительной литературѣ, выразился о ней также пословицей: *Своей вины мы никому не прощаемъ.*

Взглянемъ теперь на русскія пословицы съ той стороны, какъ отпечатлѣлся въ нихъ разумъ Русскаго народа со всѣми его разнообразными свойствами, съ его многосторонностью, которая не позволяетъ ему вдаваться ни въ какую крайность, съ глубокимъ и смиреннымъ сознаніемъ недостатковъ народныхъ, съ его почтеніемъ къ уму, къ наукѣ, къ добродѣтели, съ отвращеніемъ къ порокамъ, любовью къ свободѣ, съ замѣтами опыта, годными въ любой кодексъ жизни.

Какому Русскому неизвѣстно, какъ важно значеніе міра и народа для Русскаго человѣка? Онъ говоритъ: «*Міра никто не судитъ, а судитъ одинъ Богъ; Мірская слеза велика; Мірская шея толста; Міръ дѣло велико! какъ всѣмъ міромъ воздохнутъ, такъ и временщикъ скоро издохнетъ; Міръ зинетъ, камень лопнетъ; Гдѣ народъ увидитъ, тамъ и Богъ услышитъ; Съ міру по ниткѣ, голому рубаха.*

Такъ велико нравственное значеніе міра и народа по смыслу русской пословицы. Но она признаетъ въ немъ и слабую сторону, особенно въ его непостоянствѣ, и потому говоритъ: *Мірская молва, что морская волна; Народъ волна; Міръ волна.* Такое понятіе она выражаетъ иногда очень рѣзко: *Міръ силенъ какъ вода, а глупъ какъ свинья.* Въ этой пословицѣ свобода личности сказывается искренно противъ гнета мірской общины, на ней лежащей.

Вотъ какъ пословица понимаетъ отношеніе народа къ царю: *Народъ тѣло, а царь голова; Коли народъ согрѣшитъ, царь умолитъ; а коли царь согрѣшитъ, народъ не умолитъ.*

Много укоряли нашъ народъ за его пристрастіе къ словамъ: *авось, небось, какъ-нибудь, живетъ.* Правда, Русскій народъ имѣетъ къ *авосю* нѣкоторую слабость и говоритъ: *Авось велико слово; Авось не Богъ, а полбога есть; Русакъ на авось и взросъ.* Но тотъ же самый народъ сознаетъ очень сильно свои недостатки въ этомъ отношеніи и гораздо болѣе изобилуетъ пословицами противъ авося, чѣмъ въ его пользу: *Отъ авося добра не жди; Авось да живетъ не къ добру доведетъ; Авось и какъ-нибудь до*

добра не довезутъ; Авось небосю родной братъ; Авось хоть брось; Кто дѣлаетъ все на авось, у того все хоть брось; Авось попадетъ, что заяцъ, въ тенето. Замѣчательно, что *авоська* и *небоська* олицетворяются иногда въ видѣ живыхъ комическихъ лицъ, и вотъ какъ пословица забавляется надъ ними: *Авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ; Авоська уйдетъ, а небоську одного покинетъ; Тянули-тянули авоська съ небоською, да животы надорвали; Авосевы города не горожены, авоськины дѣти не рожены.* Эти живыя лица *Авоська* и *Небоська* такъ и просятся въ народную русскую комедію, и удивительно, какъ ни одинъ русскій комикъ до сихъ поръ не воспользуется ими.

Русская лѣнь вошла также въ пословицу, какъ порокъ народный, зависящій отъ климата и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ. Пословица сознаетъ его и говоритъ: *Русскій часъ — десять часовъ; Русскій часъ — тридцать со́ днемъ.* Но она же прибавляетъ противъ лѣни нашей такое слово: *Лѣнь мужа портитъ, а встань кормитъ.* О пьянствѣ, другомъ порокѣ народномъ, русская пословица говоритъ: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ; То не спасенье, что пьянъ въ воскресенье; Пей за столомъ, а не пей за столбомъ.* Фатализмъ, свойственный иногда Русскому народу, выражается у насъ пословицами: *На роду написано; Двухъ смертей не бывать, одной не миновать.* Пренебреженіе къ жизни и къ личности выражается другими: *Жизнь копейка — алтынъ голова; День мой — вѣкъ мой.*

Строгій къ своимъ недостаткамъ, Русскій народъ умѣетъ остроумно замѣчать недостатки и въ другихъ народахъ, съ которыми имѣлъ какое-нибудь соприкосновеніе. О Нѣмцѣ говоритъ онъ очень глубокомысленно: *Нѣмецъ научитъ шить, а не кроить.* О Французѣ онъ такъ выражается: *Французъ сытъ крупицей, пьянъ водицей, шиломъ бреетъ, дымомъ грѣетъ.* Сравнивая оба народа, Французовъ и Нѣмцевъ, Русскій отдаетъ преимущество Французу: *Французъ Нѣмцу задалъ перцу.* Сравнивая себя съ Нѣмцемъ въ отношеніи къ физическимъ силамъ, Русскій себѣ

отдастъ преимущество: *Что̀ Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.*

Истинное понятіе о благочестіи Русскій человѣкъ выразилъ многими пословицами и внутреннюю вѣру предпочитаетъ внѣшней, говоря: *Не строй семь церквей, а вскорми семь сиротъ дѣтей; Хороша вѣра у дѣла; Безъ толку молиться, безъ числа согрѣшить.* Сильна его надежда на Бога: *На Бога положишься, не обложишься*, но такая вѣра не поблажка его лѣни: *Боже помози, а ты не лежи.* Въ понятіи о Богѣ Русскій человѣкъ не любитъ понятія силы, а скорѣе любви и правды: *Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ; Гдѣ любовь, тутъ и Богъ.* Прекрасны понятія Русскаго человѣка о крестѣ: *Тотъ не Христовъ, кто безъ крестовъ; Богъ по силѣ крестъ налагаетъ.*

Ничего такъ не боится Русскій человѣкъ, какъ слезы̀ убогаго и сироты: *Убогаго слеза жидка да лѣдка; За сироту Богъ; Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ.* Особенно сильна для него молитва матери: *Материнская молитва со дна моря вынимаетъ.* Нѣжно замѣтилъ онъ, что *безъ матери младенца не утѣшишь.*

Свою древнюю любовь къ гостепріимству Русскій народъ выразилъ въ пословицахъ: *Гость въ домъ, Богъ въ домъ; Кинь хлѣбъ-соль на лѣсъ, пойдешь—найдешь; За голоднаго Богъ заплатитъ.* Но гостепріимство не налагаетъ на гостя лицемѣрія: *Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.*

Смиреніе свое народъ выражаетъ пословицей: *Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? Грѣхъ да бѣда на кого не была?* Но смиреніе онъ не доводитъ до уничиженія, говоря: *Грѣшны, да Божьи.* Прекрасны двѣ пословицы о смиреніи: *Смиренье дѣвичье ожерелье; Смиренье молодцу ожерелье.* Свою незлопамятность народъ выражаетъ пословицами: *Тому тяжело, кто помнитъ зло; Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.* О простосердечіи есть прекрасная пословица: *Гдѣ прòсто, тамъ Ангеловъ со ста, а гдѣ хитрò, тамъ ни одного.*

Не любитъ Русскій народъ порока гордости, и такъ говоритъ

противъ него: *У спѣсиваго колъ въ шеѣ, а гордымъ быть, глупымъ слыть.*

Велико уваженіе Русскаго человѣка къ уму и къ разуму. Онъ возноситъ его надъ силою, говоря: *Гдѣ сила, тамъ уму могила.* Разумъ онъ ставитъ выше ума: *Умъ безъ разума бѣда* Для ума нуженъ просторъ, по его мнѣнію: *Русскій умъ любитъ просторъ.* Уважая умъ, пословица не щадитъ дураковъ: *Дурака родится, Богу печаль; Дурака учить, что мертваго лѣчить; Дураку и въ алтарѣ не спускаютъ; Въ дуракѣ и царь не воленъ, Глупый броситъ камень, а десять умныхъ не вытащатъ.*

Уважаетъ Русскій человѣкъ науку и ученье: *Ученье свѣтъ, а неученье тьма; Ученье красота, неученье сухота.* По его мнѣнію, наука должна сопровождать всю жизнь: *Вѣкъ живи вѣкъ, учись.* Онъ знаетъ, что безъ труда наука невозможна: *Безъ муки нѣтъ науки.* Есть пословица, которая какъ будто полагаетъ предѣлъ наукѣ: *Будешь много знать, скоро состаришься;* но за то есть другая, которая дополняетъ смыслъ этой: *Богъ всего человѣку знать нѣ далъ, да и не отнялъ.*

Прекрасною пословицей выразилъ онъ любовь свою къ волѣ: *Цвѣтъ въ полѣ, человѣкъ въ волѣ.*

Безнадежное отчаяніе выражаетъ онъ, говоря о правдѣ, особенно въ судахъ: *Правда ходитъ по міру; Правда на небо улетѣла; Гдѣ судъ, тамъ и неправда; Бойся не суда, а бойся судьи; Богъ любитъ праведника, а судья ябедника; Всѣ люди неправдой живутъ и намъ не треснуть стать.*

Весьма вѣрны понятія Русскаго человѣка объ изящномъ, и въ немъ о мѣрѣ, какъ главномъ условіи красоты: *Безъ мѣры и лаптя не сплетешь; Выше мѣры и конь не скачетъ; Всякое дѣло мѣра краситъ.* Точное понятіе объ единомъ цѣломъ выразилъ онъ сравненіемъ: *Безъ хвоста птица комъ.* Свою любовь къ красному цвѣту, по которому онъ назвалъ и красоту, объявилъ онъ пословицей: *Алъ цвѣтъ милъ во весь свѣтъ.* Свою любовь къ смѣшному и настоящее понятіе о смѣшномъ, онъ выразилъ многими пословицами: *Всякій смѣхъ у воротъ стоитъ; до туда не*

отойдетъ, пока не отсмѣетъ; Всякій смѣхъ о себя ударилъ; Въ чемъ живетъ смѣхъ, въ томъ и грѣхъ.

Заключимъ нашу бесѣду о русскихъ пословицахъ тѣми яркими замѣтами опыта, которыя каждый изъ насъ можетъ болѣе или менѣе повѣрить опытомъ собственной своей жизни:

Не вспоя, не вскормя, не видать ворога.

Берутъ руками, а отдаютъ ногами.

Въ долгъ давать — дружбу терять.

Дать ссуда навѣкъ остуда, а не дать только на часъ.

Глубокомысленны пословицы, которыя касаются времени и жизни: *Время времени работаетъ; Сила во времени; Живой живое и думаетъ.*

Каждый человѣкъ можетъ извлечь изъ кодекса нашихъ пословицъ золотыя для себя правила, согласныя съ образомъ его дѣйствія. Такъ и я, дѣйствуя публичнымъ словомъ, приведу пословицы, которыя и мнѣ пригодиться могутъ: *Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы; Сказанное слово мѣдное, а не сказанное *) золотое; Бойся вышняго и не говори лишняго.*

Перейдемъ къ сказкѣ. Сказка—складка, говоритъ пословица, т. е. сказка есть вымыселъ, въ которомъ дѣйствуетъ фантазія народа.

Счастливы тѣ изъ насъ, которымъ дѣтство проходило въ фантастическомъ кругѣ народныхъ вымысловъ, такъ сильно дѣйствующихъ на дѣтское воображеніе! Счастливы тѣ, которые, какъ нашъ славный Пушкинъ, засыпали подъ говоръ русской сказки изъ устъ своихъ няней. Дѣтство нашего поколѣнія баюкала еще та первоначальная русская сказка, которая сложилась въ устахъ самаго народа. Мы помнимъ Жаръ-птицу, Сивку-бурку съ его прибауткомъ; мы помнимъ жалобную пѣсню сестры и брата, Аленушки и Иванушки, которая трогала сердце до слезъ; мы помнимъ Дѣвушку-Чернавушку, народное подражаніе западной Сандрильонѣ. Но наши дѣти выростали уже на художествен-

*) Эта пословица находится и въ языкѣ французскомъ.

ныхъ сказкахъ Жуковскаго, Пушкина, Языкова, Ершова и другихъ поэтовъ русскихъ, на сказкахъ, заимствованныхъ изъ народныхъ преданій.

Отличительное свойство русской сказки состоитъ въ томъ, что хотя она повидимому и переноситъ насъ въ міръ фантастическій, или, говоря ея словами, въ «тридесятое царство», но если вглядимся пристальнѣе, то увидимъ, что сказка остается совершенно вѣрна дѣйствительной жизни, насъ окружающей, даже и тогда, когда она заимствуетъ свои вымыслы изъ чужестранныхъ сказокъ. *Ея коверъ-самолетъ* и *сапоги-самоходы*, переносящіе путниковъ на самыя дальнія разстоянія, указываютъ на огромное пространство той земли, гдѣ дѣется сказка. *Ея скатерть-самобранка* не есть ли живой образъ русскаго гостепріимства, исполняющаго на дѣлѣ пословицу: *Все что въ печи, то на столъ мечи?* Ея *дрючунъ-дубинка*, такъ пластически олицетворенная Жуковскимъ, есть живое подобіе нашей силы матеріальной, которая нерѣдко употреблялась съ благотворною цѣлью, когда уничтожала восточное варварство. Ея *гусли-самогуды* выражаютъ врожденную любовь Русскаго народа къ музыкѣ.

Извѣстно, что русская сказка беретъ всегда сторону меньшаго сына противъ старшихъ. Не есть ли это свидѣтельство древности ея происхожденія? Не идетъ ли она отъ тѣхъ временъ, когда меньшой сынъ бывалъ всегда жертвою родоваго начала? Не вступалась ли сказка за него, какъ вездѣ, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена поэзія вступается за слабѣйшихъ, притѣсненныхъ сильнѣйшими?

А нелѣпые приказы, которые отдаетъ царь Берендей въ извѣстной сказкѣ, переложенной въ стихи Жуковскимъ: за ночь построить дворецъ; изъ тридцати совершенно схожихъ лицомъ царскихъ дочерей узнать Марью царевну; пока горитъ соломенка, сшить пару сапогъ съ оторочкой! Или подобные же приказы, какіе отдаетъ царь Соломонъ въ сказкѣ о царѣ Соломонѣ и сынѣ его Соломкѣ: чтобы всѣ быки его стада отелились, или, чтобъ изъ выкрашенныхъ сандаломъ яицъ насѣдки висидѣли цыплятъ!

Глубокомысленною ироніею преслѣдуетъ народная сказка всѣ злоупотребленія произвола власти, облеченной силою.

А сколько горькой сатиры заключается въ сказкѣ, напечатанной въ Сборникѣ Аѳанасьева: о правдѣ и кривдѣ, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какъ лучше жить на бѣломъ свѣтѣ, правдой али кривдой? Барскій мужичекъ говоритъ: «Нѣтъ, братцы! правдой вѣкъ прожить не сможешь, кривдой жить вольготнѣе». Купецъ прибавляетъ: «Насъ обманываютъ, и мы, слышь, обманываемъ». Прикащикъ: «Какая нонче правда? За правду, слышь, въ Сибирь угодишь, скажутъ: кляузникъ»... Не смотря однако на всѣ эти мнѣнія, содержаніе сказки таково, что правдивый становится царскимъ сыномъ, а криводушнаго растерзали черти.

Весьма замѣчательна смѣлымъ смысломъ народной правды сказка о горшечникѣ. Царь загадываетъ загадку своимъ боярамъ: кто на свѣтѣ лютѣй и злоѣдливѣй всѣхъ? Какъ ни думали бояре, отгадать не могли. Загадка разошлась по народу — и отгадалъ ее одинъ горшечникъ, но отгадку свою хотѣлъ сказать самъ царю: «Ваше царское величество! сказалъ онъ. Лютѣй и злоѣдливѣй всего на свѣтѣ казна. Она оченно всѣмъ завидлива: изъ за нея пуще всего всѣ, слышь, бранятся, дерутся, убиваютъ до смерти другъ дружку: хоть съ голоду околѣвай — у нищаго суму отымутъ... Да что и говорить, ваше царское величество! изъ-за нея и вамъ, слышь, лихости въ волю достается»... Царь призналъ отгадку, и желая наградить горшечника, спросилъ его: какой онъ желаетъ награды? Забавно, что горшечникъ потребовалъ монополіи на горшки.

Отъ внутренняго, глубокаго житейскаго смысла нашихъ сказокъ перейдемъ къ поэтическимъ ихъ красотамъ. При художественной ихъ оцѣнкѣ лучшими руководителями могутъ быть для насъ русскіе поэты-художники, которые пользовались ими для своихъ созданій. Жуковскій извлекъ изъ нихъ много чудныхъ пластическихъ образовъ. Приведемъ хотя одинъ изъ нихъ, прелестью своею много напоминающій Овидіевы Метаморфозы.

Уточки плавають, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ...
Вотъ наконецъ, попгравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, о земь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выдти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ...

Отъ сказки Пушкина вѣетъ совершенно русскимъ духомъ: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!» и вся прелесть и роскошь художественной фантазіи блещетъ въ его сказкѣ о царѣ Салтанѣ и сынѣ его, богатырѣ князѣ Гвидонѣ. Прочтемъ изъ нея нѣсколько отрывковъ:

А дитя волну торопитъ:
Ты волна моя, волна,
Ты гульлива и вольна!
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Поднимаешь корабли.

—

Чтожъ? подъ елочкой высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ.

Кучки ровныя кладетъ
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ при всемъ народѣ:
Во саду ли въ огородѣ.

—

Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря.
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.

—

Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть.
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ —
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченка журчитъ.

———

Въ заключеніе о сказкахъ приведу *Ангела* изъ народныхъ легендъ, изданныхъ Аоанасьевымъ. Родила баба двойни. Богъ посылаетъ на землю Ангела вынуть изъ нея душу. Сжалился Ангелъ надъ младенцами и не исполнилъ Божія приказанія. Богъ ударилъ жезломъ по камню и разсѣкъ его на двое. «Видишь,

сказалъ онъ Ангелу, показавъ на разсѣлину камня, этихъ двухъ червяковъ? Тотъ, кто питаетъ ихъ, воскормилъ бы и сиротъ младенцевъ». Въ наказаніе Онъ сослалъ Ангела на землю. Ангелъ нанялся въ батраки у попа. Скоро онъ сталъ удивлять всѣхъ прихожанъ своими странными поступками. Пойдетъ мимо церкви, на церковь каменья швыряетъ; пройдетъ мимо кабака, на кабакъ молится; встрѣтитъ нищаго, ругаетъ его попрошайкой. Прихожане стали жаловаться попу на такой соблазнъ. Попъ передалъ ихъ жалобы батраку, который такъ ему оправдался въ своемъ поведеніи: «Не на церковь я швырялъ каменья, не на кабакъ Богу молился. Иду мимо церкви, вижу нечистая сила за грѣхи наши такъ и лѣпится у ней надъ крестомъ, я и давай швырять въ нее каменья. А идучи мимо кабака, я молился о душахъ тѣхъ, которые въ немъ пьютъ да гуляютъ, чтобы Богъ не допустилъ ихъ до смертной погибели. А попрошайкой я назвалъ не нищаго, а богатаго, который ходитъ по міру, да у прямыхъ нищихъ милостыню отнимаетъ». Выжилъ батракъ у попа три года. Кончился срокъ его наказанію. Попъ даетъ ему деньги, но онъ не беретъ ихъ, а проситъ проводить его. Пошли они въ поле, шли долго. Богъ возвратилъ крылья Ангелу, и когда онъ, распустивъ ихъ, полетѣлъ на небо, тогда только священникъ узналъ, кто служилъ у него въ батракахъ три года».

Въ русскихъ пѣсняхъ, сказалъ я, выражается чувство народа. Пѣсня—быль, говоритъ пословица. Что прожито чувствомъ народа, то истинно печатлѣется неизгладимо въ его пѣснѣ. Чувствомъ объемлетъ онъ все — и природу свою, и исторію, и всѣ значительныя мгновенія жизни.

Высота ли высота поднебесная,
Глубота ли глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Такъ въ этой прелюдіи къ своимъ историческимъ пѣснямъ Русскій народъ обнимаетъ небо, море, землю и останавливается

на Днѣпрѣ, какъ духовной колыбели своего возрожденія, откуда пошла его жизнь и стала его земля.

Творецъ русскихъ пѣсенъ — самъ народъ Русскій. Личности творцовъ таятся въ немъ невидимо. Когда, услыхавъ какую-нибудь новую пѣсню, которая гуляетъ по всей Россіи, вы спрашиваете у народа: кто сложилъ ее? вамъ отвѣчаютъ всегда: «другъ дружкѣ сказали». Неизвѣстно откуда, но конечно изъ глубины народнаго духа, вылетаетъ русская пѣсня съ своимъ музыкальнымъ мотивомъ и проносится по всѣмъ концамъ Русской земли. То же можно сказать относительно времени, что и относительно пространства Россіи. Историческая пѣсня, какъ самая древняя у насъ, обнимаетъ чувствомъ всѣ важнѣйшія эпохи исторической жизни Русскаго народа, отъ Владимира до Петра.

Было время, когда русская пѣсня шла объ руку съ жизнію самого народа и служила отголоскомъ его сердца на каждое важное событіе его жизни. Есть и теперь одно славянское племя, въ которомъ такое явленіе безпрерывно повторяется, и пѣсня звучитъ отвѣтно его боевой жизни: это — Сербы. Въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ сохранились очевидные слѣды этого непрерывнаго союза между русскою жизнію и русскою пѣснею. Но открытіе, сдѣланное нашимъ академикомъ Гамелемъ въ Оксфордѣ, возвело это предположеніе на степень несомнѣнной истины. Въ 1619 году пріѣзжалъ въ Россію вмѣстѣ съ англійскимъ посольствомъ ученый священникъ Ричардъ Джемсъ и записалъ современныя историческія пѣсни, которыя пѣлись тогда въ нашемъ народѣ. Онѣ имѣли прямое отношеніе къ событіямъ того времени: ко въѣзду патріарха Филарета въ Москву и къ свиданію его съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, къ скоропостижной смерти князя Михаила Скопина-Шуйскаго и къ несчастной участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой. Такъ было въ древнія времена, когда еще не послѣдовало сильнаго разрыва между народомъ и государственною жизнію въ Россіи. Такъ объясняется для насъ, почему въ историческихъ пѣсняхъ, до насъ дошедшихъ, слышны отголоски всѣхъ важнѣйшихъ историческихъ эпохъ на-

шей жизни. Таковы эпохи Владиміра *краснаго солнышка*, татарскаго владычества, Іоанна Грознаго, покорителя трехъ царствъ, самозванцевъ, наконецъ эпохи Петра. Мы не будемъ описывать отдѣльно всякую, но для примѣра скажемъ о первыхъ двухъ. До сихъ поръ благодарный Русскій народъ съ чувствомъ любви воспоминаетъ о свѣтлыхъ пирахъ ласковаго князя Владиміра, представляя его въ свѣтломъ образѣ:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ
На многи князи, бояра,
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день, въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ,
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ.
. . . . . .
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя,—
А и тутъ пили, ѣли, прохлаждалися...

Картины этого гостепріимства Владиміра отзываются разсказу лѣтописи о тѣхъ же самыхъ пирахъ и передаютъ съ точностью то, что́ сохранила она въ своихъ вѣрныхъ преданіяхъ.

Не таковъ отголосокъ народа временамъ татарскаго владычества. Мрачно и тяжело то чувство, которымъ онъ на нихъ отзывается:

Зачѣмъ мать сыра земля не по́гнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конпнаго

А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Въ историческихъ пѣсняхъ являются наши славные витязи. Они вышли изъ всѣхъ сословій народа и слетѣлись со всѣхъ концовъ земли Русской. Въ нихъ пѣсня олицетворила тѣ народныя силы, которыми мы сражались противъ варварскихъ ордъ, напиравшихъ на насъ съ Востока, и всего болѣе противъ Татаръ. Съ особенною любовью и подробнѣе чѣмъ другіе витязи обозначенъ въ историческихъ пѣсняхъ Илья Муромецъ, вышедшій изъ крестьянскаго сословія. Замѣчательно въ пѣсняхъ сказаніе о томъ, отчего перевелись витязи на Святой Руси.

Дѣло происходитъ на Сафатъ-рѣкѣ, служащей границею Русскаго міра съ ордами азіатскими. Семь удалыхъ витязей, и въ ихъ числѣ Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ, одолѣваютъ и истребляютъ въ конецъ Татарскую силу. Совершивъ этотъ подвигъ, витязи загордились и сказали: «Подавай намъ силу небесную, мы и съ тою силою справимся!». Слетѣло съ неба два небесныхъ воителя и предлагаютъ витязямъ съ ними бой держать, хоть ихъ двое, а витязей семеро. Налетѣлъ первый Алеша Поповичъ на небесныхъ воителей, и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча. Стало четверо — и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Добрыня, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча—стало восьмеро, и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча — стало вдвое болѣе, и живы всѣ. Бросились на силу всѣ витязи, стали ее колоть-рубить; а сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ. Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ, а сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ. Бились витязи три дня, три часа, три минуточки; намахалися ихъ плечи могутныя, уходилися кони ихъ добрые, иступились мечи ихъ булатные; а сила все растетъ да растетъ,

все на витязей съ боемъ идетъ. Испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры, и окаменѣли. Такъ, по мысли народной, перевелись витязи на Святой Руси.

Это поэтическое видѣніе не ясно ли представляетъ мысль Русскаго народа, что духовная сила должна побѣдить силу тѣлесную? Это совершилось отчасти въ прошедшемъ, и должно совершиться еще въ будущемъ.

За историческими пѣснями слѣдуютъ *бытовыя* пѣсни. Русскій человѣкъ имѣетъ въ обычаѣ сопровождать всякое занятіе свое пѣснею. Это напоминаетъ намъ обычай древнихъ Грековъ, которыхъ обычай, весь во всѣхъ своихъ мгновеніяхъ, также обнимала пѣсня. Бытовыя пѣсни дѣлятся на общественныя, семейныя и личныя.

Прежде чѣмъ говорить о каждомъ видѣ пѣсенъ отдѣльно, укажемъ на общую черту ихъ всѣхъ — на чувство природы со всѣми ея красотами. Приведемъ нѣсколько картинъ, въ которыхъ оживаетъ для насъ наша природа. Вотъ картина рѣки:

Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой,
Сама протекала матка быстрая рѣка,
Урываючи круты, красны бережки,
Осыпаючи желты пески, сыпучи....

Вотъ еще другая картина, въ такомъ же родѣ:

Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка,
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега—и зеленые луга.

Вотъ картинка одной изъ тѣхъ быстрыхъ рѣчекъ, которыхъ такъ много течетъ по Русской землѣ:

Изъ-за бору, бору,
Изъ-за зеленаго,
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка,

Стучала, гремѣла
По кремнямъ острымъ,
Обростала быстра рѣчка
Калиной, малиной.

Какъ живо напоминаетъ намъ слѣдующая пѣсня красоту березы, этого дерева сѣверной природы:

Промежду двумя высокими горами
Выростала тонка бѣлая береза,
Что тонка береза, кудревата,
Гдѣ не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ,
И не частыя звѣзды усыпаютъ,
Только крупными дождями уливаютъ,
Еще буйными вѣтрами подуваютъ.

Отъ растительной природы перейдемъ къ животной. Вотъ какъ рисуется бѣгъ коня:

Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ.
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На копѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой молодецъ бѣжитъ.

Что̀ можетъ быть милѣе этого образа голубки, въ которомъ тутъ же олицетворяется красная дѣвица?

На калиновомъ листочкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебирала,
Свою буйну голову

Чесала,
Перебравши сизо перье,
Перечесавши буйну голову,
Сама взворковала.

Отъ природы перейдемъ къ красотѣ человѣка. Вотъ какъ величаются кудри на головѣ русскаго красавца:

Какъ у мѣсяца золотые рога,
Какъ у солнышка лучи ясные,
Ай люли, люли,
Лучи ясные!
Лучи ясные, распрекрасные,
Какъ на молодцѣ кудри русыя,
Кудри русыя, самородныя,
Ай люли, люли,
Самородныя!
Самородныя, не наемныя,
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ,
Жениться велятъ!

А вотъ какъ красавица сознаетъ свою красоту дѣвичью:

Красота ль моя, красота дѣвичья,
Ты кому-то красота достанешься?
Какъ досталась красота моя мужу старому!
Я могу ли красота тебя убавити,
Да что краснаго золота увѣсити,
Да что крупнаго жемчугу разсыпати? —

Природа сама отдаетъ справедливость красотѣ женской, какъ видно изъ слѣдующей пѣсни:

Не въ лѣсу ли заблудилась?
Не въ травѣ ли заплелась?
Вѣю, вѣю, вѣю, вѣю,
Не въ травѣ ли заплелась?

Какъ бы въ лѣсѣ заблудилась,
То бы лѣсы приклонились;
Во травѣ бы заплелась,
Трава бъ шелкомъ повилась.

Одинъ изъ любимыхъ поэтическихъ образовъ, безпрерывно употребляемый русскою пѣснью, есть параллелизмъ природы и жизни. Онѣ ставятся другъ передъ другомъ, и прекрасный образъ, взятый изъ природы, соотвѣтствуетъ значительному образу изъ дѣйствительной жизни. Много такихъ образовъ. Мы приведемъ одинъ изъ нихъ.

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли, изъ дубровушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали,
Одна пташечка оставалася,
Горемычная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малый часъ перемолку нѣтъ,
Жалобу творитъ кукушечка
На залетнаго ясна сокола:
Разорилъ онъ ея тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ,
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску, по орѣшничку.

* * *

Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что въ высокомъ сидитъ красная,

Подъ косящатымъ подъ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Жалобу творитъ красна дѣвица
На заѣзжаго добра молодца:
Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужу дальню сторону,
На чужу дальню, незнакомую,
Что завезши, хочетъ покинути!

Къ общественнымъ пѣснямъ принадлежатъ *хороводныя*. Хороводъ есть общественное увеселеніе Русскаго народа. Онъ весьма древняго происхожденія, какъ и его пѣсни, и указываетъ на наше родство съ древнимъ греческимъ племенемъ. Слово *хоръ* есть и у Грековъ. Содержаніе хороводныхъ пѣсенъ чрезвычайно разнообразно. Я приведу одну изъ нихъ, весьма древнюю, извѣстную по красотѣ образовъ и музыкальнаго мотива:

Ахъ, и по морю! Ахъ, и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Подъ ней вода всколых лася.
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;

Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью;
Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась
Красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.

Вся роскошь русской фантазіи и вся прелесть нѣжнаго, сердечнаго чувства соединяются въ образахъ этой пѣсни. Сначала разстилается передъ вами синее море; на немъ плыветъ бѣлая лебедь съ своими лебедятами; волна морская чуть колышется подъ нею. Кровожадный соколъ съ неба напоминаетъ древнія соколиныя охоты нашихъ удѣльныхъ князей. Грустная картина лебеди, имъ убитой, смягчается другою прелестною картиною дѣвицы, которая собираетъ пухъ ея для своего отца или для друга.

Нельзя не пожалѣть, что нашъ хороводъ остается исключительнымъ увеселеніемъ простаго народа. Подъ опасеніемъ прослыть за оригинала и подвергнуться публичному осужденію, я осмѣлился бы предложить это увеселеніе нашему избранному обществу. Но я увѣренъ, что когда мы возвратимся къ сознанію нашихъ народныхъ силъ, то мое желаніе исполнится, потому что въ хороводѣ покоится зародышъ изящныхъ, художественныхъ произведеній, связанныхъ съ общественною жизнію. Черезъ хороводъ всѣ искусства могли бы на нее благотворно подѣйствовать и дать благородный смыслъ ея увеселеніямъ. Здѣсь

поприще для поэта, музыканта и хореографа. Здѣсь члены общества обоихъ половъ могли бы развивать свои художественныя дарованія, и наша общественная жизнь получила бы отъ нихъ жизнь и значеніе и перестала бы отзываться тою пустотою, которая мертвитъ ее.

Отъ общественныхъ пѣсенъ перейдемъ къ *семейнымъ*. Главное событіе въ семейной жизни русскаго народа есть свадьба, въ которой семейство зарождается. Нѣтъ радости выше этой для русскаго семьянина, какъ поютъ объ этомъ двѣ пѣсни:

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
Что первая-то радость—сына женитъ,
Слава!
Что другая-то радость—дочь замужъ отдаетъ,
Слава!
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
Слава!
А за дочерью сундуки везутъ,
Слава!

Рождество было Богородицы:
Трижды въ колколы ударили
У (имрекъ) отца и матери
Трижды сердце взрадовалося;
Въ первой сердце взрадовалось
Что сыночка мать породила,
Въ другорядь сердце взрадовалося
Что сыночка мать повыростила,
Въ третій сердце взрадовалось
Что сыночка мать женить стала.

Таинство брака сроднилось съ жизнію человѣка и запечатлѣло ее крѣпкимъ единствомъ семьи. Чувство этого единства нигдѣ такъ сильно не выражается, какъ въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

Какъ на дубчику два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизы крыльями обнималися.
Отколь ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ ушибъ, убилъ сизаго голубя,
Сизаго голубя, мохноногаго;
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикѣ мохноногонькомъ;
Какъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
«Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ!
Полечу ли я на сине море,
Пригоню ли тебѣ голубей стадо,
Выбирай себѣ сизаго голубя,
Сизаго голубя, мохноногаго».
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
«Не лети, соколъ, на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь то мнѣ будетъ ужъ другой вѣнецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ»...

Всѣ мгновенія брака, начиная отъ сговора до послѣдняго свадебнаго пира, сопровождаются прекрасными пѣснями, которыхъ главная героиня—невѣста. На ней, какъ на жертвѣ перехода изъ одной семьи въ другую, сосредоточиваются все вниманіе и все чувство пѣсни. Все, что̀ есть прекраснаго и милаго въ

природѣ животной и растительной, въ небесахъ и на землѣ: заря, радуга, лебедь, голубь, ласточка — все даетъ предметы для сравненія съ невѣстою. Нерѣдко въ селѣ только и видимъ золото, что на крестѣ сельской церкви да на иконахъ; но пѣсня свадебная всевозможными драгоцѣнными камнями убираетъ прекрасный образъ невѣсты, величая всегда ее княгинею, а жениха княземъ *). Прилагаемъ три разныя изображенія невѣсты.

Ужъ на моей ли княгинѣ,
Ужъ на моей ли молодой
Красенъ вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный,
Убрусецъ весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта въ серьгахъ,
Два алмаза во глазахъ,
Со походкой лебединой
Со поступью орлиной.

—

У насъ нынѣ рано на зарѣ
Щекотала ласточка на дворѣ,
Плавала лебедушка по водѣ,
Сидѣла свѣтъ Машенька на камнѣ,
Сидѣла Ивановна на бѣломъ,
На бѣломъ на камушкѣ сидючи,
Свои бѣлыя ручки схватючи.
На крутой на бережокъ глядючи,
По бережку цвѣтики разцвѣли.
По цвѣтикамъ батюшка гуляетъ.

—

*) Величаніе жениха княземъ, а невѣсты княгинею происходитъ отъ того, что церковь въ таинствѣ брака полагаетъ на ихъ головы вѣнцы свои. Отсюда видна связь русской пѣсни съ религіею.

Ты, заря-ль моя зорюшка,
Ты, душа-ль моя Прасковьюшка,
Ты, душа-ль моя Андреевна.
Городомъ прошла зарею,
Ко двору пришла тучею,
Вдарила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама поплыла уткою,
На крыльцо взошла павою,
Во новы сѣни лебедемъ,
Во высокъ теремъ соколомъ,
Садилась за столъ съ молодцемъ,
Махнула платкомъ во теремъ.
Вы раздайтеся, бояре.
Разступитеся, дворяне!

Мы сказали, что все главное дѣйствіе брака сосредоточивается въ переходѣ невѣсты изъ одной семьи въ другую. Въ этомъ — драма свадьбы. Здѣсь приносится жертва невѣстою для зачатія новой семьи, и вотъ почему она главная героиня всѣхъ пѣсенъ, предметъ горестныхъ думъ, чувствъ и заботъ. Приведемъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвается этотъ тяжелый переходъ, по большей части представляемый въ мрачномъ видѣ, съ полнымъ участіемъ и состраданіемъ къ невѣстѣ.

Какъ изъ гнѣздышка пташечка,
Изъ гнѣздышка теплаго,
Изъ вѣточки яблонной
Выпорхала, вылетала
На чисто поле, на зеленое,
Что на тѣ луга муравистые,
Рвала травушку съ корешка,
Брюсала травушку на сторонушку;
Рвала, вырывала пташечка,

Вырывала маковъ цвѣтъ,
Вырвавши имъ любовалася.

Въ этой пѣснѣ выходъ невѣсты изъ семьи представляется въ свѣтломъ образѣ. Но вотъ другая пѣсня, гдѣ тѣни гораздо мрачнѣе; здѣсь представлена разлука дочери съ матерью:

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя:
Унесло, улелѣяло
Чадо милое, дочь отъ матери.
Оставалася матушка
На крутомъ, красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла трои ключи,
Трои ключи золоты,
Со кольцомъ со серебрянымъ,
А внутри вызолоченымъ;
Какъ первый-то ключикъ
Отъ зеленаго садика,
А другой-то ключикъ
Отъ высокаго терема,
А третій-то ключикъ
Отъ кована ларчика!»
«Государыня матушка!
Позабыла я не трой ключи,
Не трои ключи золоты;
Позабыла я, матушка,
Волю батюшкину,
Нѣгу матушкину,
Пріятство сестрицыно»...

Вотъ наконецъ еще третья пѣсня, въ которой тѣни становятся мрачнѣе и грустнѣе:

Залетала пташечка
Во соловью клѣточку,
За серебряную сѣточку,
За золоченую рѣшеточку,
За жемчужну переплеточку;
А сама-то востоскуется,
А сама-то возгорюется:
«Охъ-ти мнѣ, охъ, тошнехонько!
Охъ-ти мнѣ, охъ, грустнехонько!
У соловья во клѣточкѣ,
За серебряной сѣточкой,
За золоченой рѣшеточкой,
За жемчужной переплеточкой,
Безъ травы-то зеленыя,
Безъ воды-то ключевыя!
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостивы уродилися.
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ распаляется;
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
По конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся».

Женихъ занимаетъ второе мѣсто въ свадебной пѣснѣ. Она величаетъ его умъ-разумъ и особенно красоту его кудрей. Вотъ для примѣра:

Черна ягода смородина
Прилегла къ круту бережку;
Прилегали кудри русыя
Къ лицу бѣлому, румяному;
Приглядывали красны дѣвицы
За румянымъ молодцемъ,

Русы кудри по плечамъ лежатъ
На Ивану, да Ивановичу;
Брови черны, что у соболя,
Очи ясны, что у сокола.

Во всемъ окружающемъ жениха всего-болѣе занимаетъ пѣсню отношеніе къ нему его матери. Вотъ что̀ поетъ она, завивая ему кудри къ свадьбѣ. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ образовъ нашей свадебной пѣсни.

Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя;
Коли будетъ совѣтъ да любовь,
Кудри сами станутъ завиваться;
Коли будетъ кось да перекось,
Не развивши, станутъ развиваться.
Ужъ завьются ли кудри,
Ужъ завьются ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костянаго;
Завьются ли кудри,
Завьются ли черныя
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

Свадебная пѣсня доказываетъ, какъ высоко стоитъ семейство въ нравственныхъ понятіяхъ русскаго человѣка. Отсюда же объясняется то сердечное участіе, которое пѣсня питаетъ къ сиротѣ, лишенной этого блага. Вотъ отрывокъ изъ тѣхъ приче-

товъ, которые невѣста, лишенная матери, приговариваетъ на ея могилѣ:

Подымитесь вы, буйны вѣтры,
Со всѣхъ четырехъ сторонушекъ;
Разнесите пески, буйны вѣтры, къ матушкѣ Божьей церкви,
Расколите на матушкѣ гробову доску,
Распахните на матушкѣ бѣлъ тонкій саванъ,
Разожмите сударынѣ матушкѣ бѣлы рученьки:
Не возстанетъ ли наша матушка?
Не соберетъ ли меня горькую во чужи люди?
Не благословитъ ли меня горькую къ матушкѣ Божьей церкви?

Трудно найти образъ прелестнѣе того, въ какомъ слѣдующая пѣсня представляетъ сиротство дѣвицы. Онъ такъ и просится подъ кисть художника.

Какъ у ключика у гремучаго,
У колодезя студенаго,
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала,
Почерпнувъ воды, поставила,
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
«Хорошо тому жить на семъ свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и братъ и сестра,
Ахъ, и братъ и сестра, что и родъ племя».

Средину между общественными и семейными пѣснями занимаютъ у насъ тѣ, которыя поются на народныхъ игрищахъ. Сюда принадлежатъ пѣсни праздника Купалы, или Иванова дня, Семика, Троицына дня, когда завиваются березки, и особенно

святочныя, или подблюдныя. О значеніи и происхожденіи ихъ можетъ дать полное понятіе извѣстное сочиненіе И. М. Снегирева: *О народныхъ русскихъ праздникахъ.*

За семейными пѣснями слѣдуютъ *личныя*. Личность, по особеннымъ свойствамъ славянскаго племени вообще, у насъ не сильно развивалась, уступая мѣсто идеѣ общины, тяготѣвшей надъ лицомъ отдѣльнаго человѣка. Лицо отрывалось у насъ отъ семьи своей и отъ общины или въ силу государственной необходимости, какъ солдатъ, или въ силу общественной потребности, какъ извощикъ, или по личному произволу, какъ разбойникъ. Поэтому къ личнымъ пѣснямъ относятся рекрутскія или солдатскія, извощичьи и ямщичьи, и наконецъ *удалыя* или разбойничьи. Послѣднее явленіе очень понятно при столь сильномъ развитіи общины. Удалецъ, отрывавшій себя отъ нея, протестовалъ тѣмъ противъ ея насилія. Удалыя пѣсни отличаются у насъ необыкновенною поэзіею, которой крѣпко сочувствовалъ Пушкинъ. Изъ удалыхъ пѣсенъ мы приведемъ двѣ красоты привлекательной.

1.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ахъ, ты всѣмъ поле изукрашено:
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона:
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ, убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.

Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка,
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

2.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?»
«Я скажу тебѣ, надежа-православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы».
Что возговоритъ надежа-православный царь:
«Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною».

Заключимъ изученіе русскихъ пѣсенъ вопросомъ: если пѣсня есть выраженіе народнаго чувства, то какое чувство преобладаетъ въ нашихъ пѣсняхъ надъ всѣми другими чувствами? Никто не

усумнится отвѣчать, что это чувство—*горе*, которому отвѣчаетъ и минорный тонъ музыки, ихъ характеризующій.

Сама пѣсня сознаетъ это, и въ разныхъ образахъ олицетворяетъ одну и ту же мысль о горѣ. Одна изъ нихъ объясняетъ такъ происхожденіе гуслей, сопровождающихъ пѣсню:

Ахъ, молодость, молодость,
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною,
Печалью великою:
Не пила, не ѣла я,
Все милаго ждала,
Пойду млада по воду
Съ ушатами, ведрами,
Пущу ведры подъ гору,
Сама взойду на гору,
Сама сяду на траву,
Прикинуся яблонью,
Яблонью кудрявою,
Грушею зеленою;
Мимо той ли яблони
Протекала рѣченька,
Какъ по той по рѣченькѣ
Съѣзжалися господа.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съѣзжалися господа.
Съѣзжалися господа
Съ семидесяти городовъ.
Срубили они яблоньку
Подъ самый подъ корешекъ,
Раскололи яблоньку

На доски на тонкія;
На доски на тонкія,
Дѣлать гусли звончаты.
Кому поиграть въ гусли?
Кому поплясать будетъ?
Играть въ гусли молодцу,
Плясать красной дѣвицѣ.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Плясать красной дѣвицѣ.

Мы видимъ, что гусли, сопровождающія пѣсню, слажены изъ досокъ яблони, которою прикинулась женщина, вспоминающая про свою молодость

Тоскою, кручиною,
Печалью великою.

Вотъ другая пѣсня, гдѣ горе представлено травою-полынью, сѣянною по полю жизни:

Ахъ, ты сердце мое, сердце
Ретивое, молодецкое!
Къ чему ноешь, занываешь,
Ничего мнѣ не скажешь,
Что ни радости, ни печали,
И ни одной бѣды и напасти?
Привязалось ко мнѣ горе,
Къ молодому молодцу,
Я не знаю, какъ и быти,
Свому горю пособити,
Не могу горя избыти,
Ни заѣсть, и ни запити;
Я пойду ли лучше въ поле
И разсѣю мое горе,
По всему по чисту полю.

Уродися мое горе,
Ты травою полыньею;
Какова трава полынь горька,
Таково то горе сладко!

Эта пѣсня тѣмъ замѣчательна, что не объясняетъ никакой причины горю: ни бѣда, ни напасть не произвели его, оно—плодъ самого сердца. Въ третьей пѣснѣ о горѣ оно олицетворяется въ самомъ горькомъ видѣ: подпоясано лыкомъ, ноги мочалами запутаны, и нѣтъ средства никуда убѣжать отъ него. Но пусть лучше говоритъ сама пѣсня:

Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса —
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ —
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

Эта пѣсня, находящаяся въ сборникѣ, извѣстномъ подъ имемъ Кирши Данилова, должна быть отрывкомъ изъ одной весьма старинной *Старческой пѣсни о горѣ-злосчастіи*, которая была открыта въ Погодинскихъ рукописяхъ. Здѣсь *горе-злосчастіе* олицетворено въ видѣ судьбы, которая всячески преслѣдуетъ молодца и доводитъ его до монастыря, куда въ древности укрыва-

лась всякая личность, отторгавшая себя отъ законовъ и обычаевъ семейной и общинной жизни.

Какая причина такому явленію, что горе составляетъ главное, господствующее чувство въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ? Карамзинъ полагалъ ее въ татарскомъ игѣ, которое два вѣка съ половиною тяготѣло на нашемъ народѣ. Но, послѣ освобожденія отъ него, сколько вѣковъ радостной славы прожила Россія, а чувство горя въ народныхъ пѣсняхъ нашихъ, не смотря на то, нисколько не измѣнилось. Не вѣрнѣе ли поискать этой причины въ психической сторонѣ русскаго человѣка? Горе имѣетъ свой зародышъ въ тоскѣ души по безконечномъ, въ ея стремленіи къ своей небесной родинѣ. Вотъ почему горе гораздо глубже, чѣмъ веселье, излишняя наклонность къ которому обнаруживаетъ только поверхностную душу. Народъ, способный чувствовать великое горе, способенъ и заслужить великую радость.

ЛЕКЦІЯ 5.

Рожденіе Петра Великаго, какъ одно изъ главныхъ мгновеній русской исторіи, отмѣчено особенною историческою пѣснью. Такъ народъ воспѣлъ его:

Свѣтелъ, радостенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель, люльку дѣлали
Они младому царевичу.....

Замѣчателенъ этотъ образъ, которымъ пѣсня изображаетъ рожденіе Петра. Въ лицѣ всѣхъ Русскихъ вся Россія приходитъ въ движеніе, чтобы сдѣлать колыбель для новорожденнаго, какъ

бы предчувствуя ту дѣятельность, къ которой онъ призоветъ всякаг въ отечествѣ.

Съ Петра начинается періодъ развитія личности, котораго онъ самъ первый представитель. Этотъ періодъ, по закону общаго развитія въ человѣчествѣ, долженъ былъ послѣдовать у насъ вслѣдъ за періодомъ божественнымъ, чтобы противодѣйствовать злоупотребленіямъ обряда и ѳеократіи, мѣшавшимъ развитію личности человѣческой.

Рѣдко можно встрѣтить въ исторіи такую личность, которая вскорѣ послѣ смерти, самими современниками возведена была бы на степень лица миѳическаго. Въ этомъ отношеніи Петръ представляетъ большое сходство съ героями и полубогами древней Греціи. Это — русскій Геркулесъ, или Язонъ. Но въ нынѣшнее время, когда анализъ науки не терпитъ ничего миѳическаго, и нашъ герой подвергся неумолимымъ его изслѣдованіямъ, и много потускнѣлъ ореолъ, его окружавшій. Реформа, имъ совершенная, дожила до послѣдней крайности и вызвала противодѣйствіе. Противники Петровы вдались такъ же въ крайность, какъ бываетъ всегда въ эпохи реакціонныя. Замѣчательно въ этомъ отношеніи одно литературное явленіе нашего времени, касающееся исторіи Петра. Первые три тома его исторіи, изданные г. Устряловымъ, въ которыхъ историкъ является только панегиристомъ личности Петровой, едва лишь были замѣчены. Но совершенно противное дѣйствіе произвелъ на русскихъ читателей шестой томъ, гдѣ Устряловъ, оставивъ перо историка, предпочелъ быть уголовнымъ слѣдователемъ и представилъ Россіи почти всѣ документы уголовнаго процесса царевича Алексѣя Петровича. Въ слѣдственномъ процессѣ, обнародованномъ Устряловымъ, уже не царевичъ Алексѣй, а самъ Петръ явился обвиняемымъ передъ совѣстью присяжныхъ русскаго народа. Этотъ томъ поразилъ вниманіе всѣхъ и былъ прочтенъ на-расхватъ. Такое явленіе всего яснѣе могло свидѣтельствовать, что эпоха Петрова уже дожила до своего конца въ томъ, что́ она заключала въ себѣ лишняго.

Мы не увлечемся крайностью: не послѣдуемъ ни приверженцамъ Петра, сочинившимъ его апоѳеозу вскорѣ по его смерти, ни его противникамъ, которые вызваны необходимостью времени, чтобы противодѣйствовать его реформѣ. Наука должна стоять внѣ страстей дѣятельной жизни; ея безпристрастію помогаетъ добросовѣстное исканіе истины, которая внѣ потока времени и одна только можетъ озарить науку разумною тишиною свѣтлаго созерцанія.

Петрова личность, въ новомъ періодѣ жизни и словесности русской, напечатлѣна вездѣ, во всѣхъ нашихъ достоинствахъ и во всѣхъ недостаткахъ. Члены одного и того же Петра виднѣются повсюду; сюда весьма кстати пригодится извѣстное выраженіе Горація: Disjecta membra poëtae. Вотъ почему въ наше время, когда мы всѣ столько жаждемъ народнаго самопознанія, намъ необходимо узнать Петра въ его истинномъ образѣ безъ всякихъ предубѣжденій; частичка его есть непремѣнно въ каждомъ изъ насъ, и познаніе Петра тѣсно связано съ нашимъ личнымъ самопознаніемъ.

У насъ обыкновенно обвиняютъ Петра въ приверженности ко всему иностранному и говорятъ, что съ его времени началось это вредное для нашей народности пристрастіе. Но изслѣдованія, сдѣланныя въ наше время, доказываютъ, что еще до Петра мы уже были одержимы этимъ пристрастіемъ. Ученый сербъ Крижаничъ написалъ книгу при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подъ заглавіемъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». Эту рукопись открылъ и издалъ молодой ученый Безсоновъ. Крижаничъ доказываетъ, что мы еще тогда были одержимы ксеноманіею, которую переводитъ онъ съ греческаго русскимъ словомъ *чужебѣсіе*, и что этимъ порокомъ одержимы не одни Русскіе, но и всѣ славянскія племена.

Петръ явился въ пору. Мертвая вѣра, окаменѣвшая въ одномъ лишь обрядѣ, породила расколъ, съ которымъ онъ долженъ былъ бороться въ самые первые годы своей жизни. Злоупотребленія ѳеократическаго начала отзывались въ словахъ послѣдняго пат-

ріарха Адріана, который отвлекалъ царя отъ любознательнаго странствія въ чужіе краи подъ предлогомъ, что Русскому народу, какъ новому Израилю, не слѣдуетъ якшаться съ чужими народами. Были невѣжды, какъ видно изъ нашихъ рукописей, которые отвлекали юношей отъ книгъ, говоря, что онѣ ведутъ къ ересямъ. Кантемиръ жестоко преслѣдовалъ фанатизмъ этихъ поборниковъ невѣжества. Какъ противникъ всѣхъ преградъ, препятствовавшихъ Русскому человѣку идти впередъ и развить свою личность въ орудіе истины, правды, добра и красоты, Петръ великъ и необходимъ.

Стоя на границѣ двухъ періодовъ, Петръ во всемъ представляетъ образъ двойственнаго Януса. Разсмотримъ его съ этихъ двухъ сторонъ въ дѣлѣ религіи, въ дѣлѣ народности, въ дѣлѣ языка и словесности.

Въ дѣлѣ религіи Петръ уничтожаетъ патріаршество, духовнымъ регламентомъ стѣсняетъ власть церкви и вноситъ въ ея управленіе до излишества стихію свѣтской власти, уничтожаетъ силу и власть монастырей, запрещая постригаться въ монахи ранѣе пятидесяти лѣтъ и держать монахамъ въ кельяхъ бумагу, перья и чернила; намѣренъ отнять у монастырей имѣнія, запрещаетъ строить лишнія церкви, переливаетъ колокола въ пушки, приказываетъ перевести по-русски Аугсбургское исповѣданіе, и проч. Но тотъ же самый Петръ, по преданіямъ народнымъ, хотя и опровергаемымъ современными учеными, десяти лѣтъ защищаетъ православную церковь противъ раскола; плотничаетъ на Амстердамской верфи, чтобы снарядить флотъ на враговъ Христа, для освобожденія Христова гроба; съ этою же цѣлью воюетъ противъ Турціи; переноситъ мощи Александра Невскаго изъ Владиміра на Неву, чтобы ими освятить новую столицу; набожно исполняетъ всѣ обряды православной церкви: любитъ участвовать въ ея торжественныхъ ходахъ; любитъ, какъ Русскій человѣкъ, читать Апостолъ и пѣть на клиросѣ, и исполняетъ этотъ обрядъ въ день выѣзда своего изъ Парижа; знаетъ наизусть все Евангеліе и Павловы посланія, не сочувствуетъ римскому

католицизму; издѣвается надъ папскими обрядами и ненавидитъ іезуитовъ; смѣется надъ преданіями о Лютерѣ въ Виттенбергѣ; преслѣдуетъ суевѣріе, но въ истинной вѣрѣ признаетъ первую наставницу народа.

Въ дѣлѣ народности: Петръ уничтожаетъ формы древней русской жизни, преслѣдуетъ русское платье и бороду, пародируетъ наши древніе обычаи въ свадьбахъ, въ боярской роскоши, переноситъ свою резиденцію изъ древняго средоточія русской жизни въ землю, намъ тогда почти чуждую; любитъ иностранцевъ и имъ покровительствуетъ. Но тотъ же Петръ благоговѣетъ передъ русской исторіей: радуется открытію списка Несторовой лѣтописи въ Кёнигсбергѣ и тотчасъ велитъ переписать его; первая мысль объ изданіи древнихъ актовъ, въ наше время уже приведенная въ исполненіе, принадлежитъ ему; резиденція его въ Петербургѣ, но Москва при немъ продолжаетъ быть столицею истинно народною: въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, празднуетъ онъ торжественно свои побѣды, замышляетъ провести самую прямую дорогу между Москвою и Петербургомъ (колья этой дороги были открыты инженерами, когда они проводили желѣзную). Хотя Петръ любилъ иностранцевъ, но всѣ важнѣйшія государственныя мѣста предоставлялъ Русскимъ; первыми кавалерами Андреевскаго ордена пожалованы были: Русскій — Головинъ и Малороссъ — Мазепа; изъ перваго русскаго сукна велитъ сшить себѣ кафтанъ къ празднику; учреждая академію наукъ, приглашаетъ ученыхъ изъ чужихъ краевъ, но при каждомъ иностранномъ профессорѣ приказываетъ быть двоимъ Русскимъ, съ тѣмъ, чтобы водворить науку между соотчичами.

Къ дѣлу же народности нужно отнести и сношенія Петра съ племенами Славянскими. Онъ понималъ силу единства вѣры и племени. Въ теченіе всего царствованія онъ оказывалъ Славянамъ глубокое сочувствіе. Когда переносилъ новый годъ съ 1-го сентября на 1-е января, то въ этомъ обычаѣ онъ сослался на Сербовъ, Далматовъ и Болгаръ. Въ манифестѣ о войнѣ 1711 года противъ Турокъ, Петръ упоминалъ о народахъ намъ единовѣр-

ныхъ и единоплеменныхъ, которые стенаютъ подъ турецкимъ игомъ. Въ 1715 году онъ оказалъ вполнѣ царское гостепріимство Черногорскому митрополиту Даніилу *Његошу* и отправилъ съ нимъ дружелюбную грамату къ Черногорцамъ. Въ 1720 году поручалъ Рагузинскому въ Прагѣ нанять комедіантовъ, говорящихъ по-словенски, или по-чешски, чтобы Русскіе по сродству языка могли понимать ихъ. Въ 1723 году Петръ приглашалъ Сербовъ селиться на пограничныхъ земляхъ русскихъ: эта мысль осуществлена была уже при Елисаветѣ Петровнѣ. За годъ до своей кончины Петръ послалъ Сербамъ церковную утварь, богослужебныя книги, учителей языковъ славянскаго и латинскаго. Сочувствіе родственному племени онъ передалъ своей дочери и всѣмъ родственникамъ.

Въ дѣлѣ русскаго языка и словесности: Петръ, первый изъ Русскихъ, понесъ справедливое обвиненіе въ томъ, что отрекался отъ своего роднаго языка въ пользу иностранныхъ, хотя замѣтить должно, что Русскіе люди споконъ-вѣковъ славились умѣніемъ говорить мастерски на чужихъ языкахъ. Но Петръ въ этомъ отношеніи ушелъ слишкомъ далеко: даже имя свое перемѣнилъ на голландское и подписывался «Piter». Городу, имъ основанному, далъ иностранное названіе. Хотѣлъ насильственно наложить на народъ страсть свою къ голландскому языку, и зная, что любимая книга Русскаго народа — Евангеліе, повелѣлъ издать Новый Завѣтъ на двухъ языкахъ, славянскомъ и голландскомъ. Однако дѣло это, какъ извѣстно, не удалось, и русскіе свѣтскіе люди, вмѣсто голландскаго языка, для общежитія усвоили себѣ языкъ французскій ради удобства, какое послѣдній представляетъ: говоря много, не сказать ничего. Но и здѣсь выступаетъ та же яркая противоположность, какую мы видѣли въ дѣлѣ религіи и народности. Не смотря на все сказанное, Петръ является у насъ первымъ писателемъ, въ языкѣ котораго сильно выступаетъ русская стихія. Хотя языкъ этотъ изобилуетъ иностранными словами, но синтаксисъ его вполнѣ русскій безъ примѣси славянскаго, и представляетъ такіе русскіе коренные обороты и

выраженія, какихъ вы не встрѣтите ни въ одномъ русскомъ писателѣ до него, кромѣ развѣ Іоанна Грознаго. Живая устная рѣчь Петра такъ и слышна подъ его перомъ. Это первый русскій писатель съ своимъ оригинальнымъ слогомъ, въ которомъ сказываются его характеръ и личность. Каждое письмо его, каждый указъ отмѣчены особенными чертами слога, только ему принадлежащаго; какъ по страстному почерку, такъ и по слогу вы вездѣ узнаете Петра. Его неопредѣленныя наклоненія, замѣняющія повелительное, показываютъ сильную, повелѣвающую натуру: «*Набрать*», «*Выслать*», «*Быть*», «*Ружья дать*», «*А писемъ не подметывать*». Сюда же относятся его лаконическіе отвѣты, или приказанія, показывающія, что у него слово мигомъ переходило въ дѣло «*Не льть*»,*) «*Дѣлаютъ*», «*Пошлемъ*», «*Съ негодныхъ деньги*». Въ отношеніи къ слогу изученіе писемъ Петра весьма поучительно. Приведемъ два его письма къ князю Василію Долгорукову о Мазепѣ и отрывокъ изъ сочувственной граматы.

«Объявляемъ вамъ, что Мазепа не хотѣлъ въ добромъ имени умереть; уже при гробѣ учинился измѣнникомъ и ушелъ къ Шведамъ. Однакожъ, слава Богу, что при немъ въ мысли ни пяти человѣкъ нѣтъ, и сей край, какъ былъ, такъ и есть; однакожъ вы какъ наискорѣе совершайте, съ помощію Божіею, свое дѣло и око имѣй на Воронежъ.

Piter».

«Господинъ Маіоръ!

«Объявляю вамъ, что послѣ перебѣжчика вора Мазепы вчерашняго дня учинили здѣшній народъ елекцію новаго Гетмана, гдѣ всѣ, какъ одними устами, выбрали Скоропадскаго, Полковника Стародубскаго, и тако проклятый Мазепа, кромѣ себѣ, худа ни кому не принесъ; ибо народомъ и имени ево слышать не хотятъ, и симъ изряднымъ дѣломъ васъ поздравляю.

Piter».

*) Не позволяется.

«При томъ, понеже извѣстная Нашему Царскому Величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, глубина добрыхъ вашихъ христіянскихъ сердецъ и искусство, которое прежде сего по должности своей чрезъ храбрыя оружія за вѣру въ воинскихъ случаяхъ оказывали есте; якоже Мы удостовѣрихомся изъ книгъ, каковыя напечатаны и во всемъ свѣтѣ выхваляются искусства вашихъ народовъ, что Александръ Македонскій съ малыми войски тамошнихъ народовъ, многихъ царей побилъ и многія Имперіи завоевалъ, и безсмертную славу въ военномъ обхожденіи по себѣ оставилъ; что Георгій Кастріотъ, сиречь Скандербегъ, во всю свою жизнь съ немногими войски вашего же народа, нетокмо лютому поганскому зубу не допустилъ себя терзать; но еще на шестидесяти трехъ славныхъ баталіяхъ непріятеля на голову побилъ; и ежели бы прочіе деспоты и владѣтели ваши съ такимижъ сердцами трудилися, то не допустили бы себя въ неволю и наслѣдники своя въ подданство. Тѣмъ же въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновити, союзившися съ Нашими силами и единодушно на непріятеля вооружившеся, воевати за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ».

Замѣчательно вліяніе, какое Петръ Великій имѣлъ на слогъ извѣстнаго Ѳеофана Прокоповича. Сличите проповѣди, говоренныя Ѳеофаномъ въ Кіевѣ, съ тѣми, которыя говорилъ онъ впослѣдствіи, когда вызванъ былъ въ Петербургъ, — увидите, что первыя изобилуютъ схоластическою стихіею и славяно-церковными выраженіями, въ послѣднихъ же всюду трепещетъ современная жизнь, а въ слогѣ слышенъ человѣкъ, которому часто диктовалъ Петръ свои указы и письма.

Въ преобразованіи Петровомъ заключались общественныя условія, необходимыя для развитія нашей свѣтской литературы. Эти условія состояли въ болѣе свободномъ развитіи личности Русскаго человѣка, въ новыхъ формахъ общественной жизни, которая соединила оба пола, въ сближеніи съ образованіемъ за-

падныхъ европейскихъ народовъ и въ принятіи отъ нихъ науки, искусства, промышленности.

Личность, какъ мы уже сказали, участвуетъ во всемъ новомъ развитіи Россіи; ея черты видны вездѣ, а между прочимъ и въ литературѣ. Вотъ почему, передъ вступленіемъ въ новый періодъ, необходимо разсмотрѣть эти черты пристальнѣе, тѣмъ болѣе, что ихъ же мы встрѣтимъ во всемъ дальнѣйшемъ развитіи русскаго ума и слова.

Первая черта въ личности Петровой, столь извѣстная и столь прославленная, есть многосторонность, откуда и великая сила русскаго ума, и великій его недостатокъ. Петръ былъ первый русскій мастеръ своего времени, способный на все: создать ли новое войско, вылить ли иглу на заводѣ, одержать ли Полтавскую побѣду, уразумѣть ли высокую мысль Лейбница, выбить ли полосу желѣза, выточить ли паникадило, покрыть ли флотомъ море,—его на все стало, онъ во всемъ нашелся.

Петръ былъ первый русскій ученый и дѣятельный членъ Парижской академіи наукъ. Согласно съ потребностями современной ему русской жизни, онъ занимался болѣе науками практическими. Отсюда слѣдовало бы заключить, что онъ допускалъ науку только въ примѣненіи къ жизни; но это было бы несправедливо. Онъ сочувствовалъ высокимъ отвлеченнымъ мыслямъ Лейбница, съ которымъ видѣлся два раза въ Германіи, въ 1711 и 1712 году, и велъ переписку. Царь приглашалъ знаменитаго ученаго участвовать въ распространеніи научныхъ знаній въ Россіи, и Лейбницъ былъ готовъ тому содѣйствовать, предвидя великое призваніе Россіи соединить Европу съ Азіею. Лейбницъ предлагалъ Петру основать университеты: сначала въ Москвѣ, потомъ въ Астраханп, въ Кіевѣ и Петербургѣ; производить магнитныя наблюденія въ Россіи, а также и другія изслѣдованія въ Россіи европейской, Сибири и даже въ Китаѣ. Лейбницъ сильно интересовался узнать языки племенъ, обитающихъ въ Россіи; съ особеннымъ усердіемъ занимался онъ и лѣтописью Нестора, списокъ которой открытъ былъ Петромъ въ Кёнигсбергѣ. Царь

почтилъ нѣмецкаго ученаго титуломъ русскаго тайнаго юстицрата и назначилъ ему тысячу гульденовъ жалованья.

Подъ вліяніемъ мыслей великаго философа Германіи, Петръ, призывая товарищей своихъ къ водворенію наукъ въ отечествѣ, выразилъ слѣдующую глубокую мысль о ихъ всемірномъ движеніи: «Науки коловращаются въ свѣтѣ на подобіе крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и я надѣюсь, что онѣ скоро переселятся и къ намъ, и утвердя у насъ владычество свое, возвратятся наконецъ и на прежнее свое жилище, въ Грецію. Я предчувствую, что Россіяне когда-нибудь, а можетъ быть и при жизни еще нашей, пристыдятъ самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостью въ трудахъ, и величествомъ твердой и громкой славы». Эта мысль о коловратномъ движеніи наукъ въ Европѣ, о необходимости ихъ возвращенія черезъ Россію въ Грецію и Азію, есть мысль богатая, плодотворная въ жизни и готовая въ философію исторіи; она связываетъ прошедшее человѣчества съ будущимъ черезъ нашу Россію. Одна эта мысль Петра свидѣтельствуетъ, что его умъ, какъ и всякій значительный русскій умъ, былъ способенъ восходить къ высшимъ выводамъ науки, но не оставаться въ нихъ, какъ остается умъ германскій, а обращать ихъ въ дѣло жизни.

Лейбницъ соединялъ науку съ государственною практическою жизнію и давалъ совѣты Петру относительно государственнаго управленія Россіи. Но вотъ здѣсь-то философъ совершилъ великую ошибку, навязанную имъ и Петру. Лейбницъ смотрѣлъ на управленіе не какъ на живой организмъ, тѣсно связанный съ жизнію народа, но какъ на государственную машину, въ которой коллегіумы представляютъ колеса. Такихъ колесъ или коллегіумовъ, главныхъ, признавалъ онъ девять, и послѣ военнаго, финансоваго, полицейскаго и юстицъ-коллегіума, между коммерцъ-коллегіумомъ и ревизіонсъ-коллегіумомъ, вставилъ религіонсъ-коллегіумъ. Но при томъ прибавлялъ, что точнаго числа коллегіумовъ, или колесъ въ государственной машинѣ опредѣлить нельзя («und lässet sich kein gewisser Numerus Collegiorum defini-

ren»). Ошибка великаго философа, введенная Петромъ въ администрацію Россіи, въ наше время уже достигла крайности, и давно уже оказавшись несостоятельною въ народѣ, возбудила противодѣйствіе и въ самомъ правительствѣ.

Развитіе изящныхъ искусствъ и художественной поэзіи имѣетъ свое начало также въ преобразованіи Петра. Единственное народное искусство, завѣщанное намъ отъ древней Руси, точильное, которымъ славились Архангелогородцы, Петръ изучилъ въ совершенствѣ и лучшее произведеніе свое, паникадило, посвятилъ церкви. Первый русскій живописецъ, Никитинъ, образовался при немъ. Петръ не былъ въ Италіи. Его постоянныя сношенія съ Голландіею были причиною того, что первая живописная галлерея, собранная у насъ, получила Фламандскій характеръ. Петру мы обязаны пріобрѣтеніемъ прекраснаго памятника древней скульптуры, Венеры Таврической, спорящей въ достоинствахъ съ Венерою Медицейскою. Наклонность Петра къ художественной жизни мы видимъ еще въ тѣхъ великолѣпныхъ торжествахъ, которыя устроивалъ онъ въ Москвѣ въ дни празднованія побѣдъ. Тутъ онъ сознавалъ государственное и народное назначеніе искусства, въ произведеніяхъ котораго слава царя и народа живетъ лучшею, прекраснѣйшею своей стороною. Безобразны были тѣ силлабическія вирши, которыя Заиконоспасская академія сочиняла для торжествъ Петровыхъ: онъ не дожилъ до оды Ломоносова, но предсказалъ ея торжественный и государственный характеръ.

Рядомъ съ любовью къ всенародной торжественности, въ Петрѣ является и другая черта: его насмѣшка, его иронія. Зародышъ этой черты народнаго характера глубоко таится въ русской пѣсни, въ русской пословицѣ, въ русскомъ бытѣ. Всѣ народы съ великимъ призваніемъ въ жизни любятъ шутку. Русскіе сходятся въ этомъ съ древними Римлянами. Греки, въ самую грустную и трагическую минуту жизни своей, создали комедію. Петръ, первый изъ Русскихъ, началъ вводить комизмъ въ своихъ пародіяхъ и предсказалъ особенную сатирическую и

комическую стихію нашей поэзіи, которая сопровождала все ея развитіе, начиная отъ Кантемира до Гоголя, и отозвалась такъ рѣзко въ полуторжественной, полушутливой одѣ Державина. Онъ же предсказалъ и Крылова, и все развитіе нашей басни, которая такъ пришлась къ русскому уму, что не было почти ни одного русскаго писателя, который не написалъ бы басни, вплоть до того, кто чуднымъ мастерствомъ своимъ отбилъ у другихъ охоту къ этому роду поэзіи. Петръ отгадалъ особенное сочувствіе русскаго ума къ баснѣ: устроивая народное гульбище въ Петербургѣ, онъ велѣлъ у каждаго фонтана представить по Эзоповой баснѣ въ лицахъ и на жестяной доскѣ написать по-русски содержаніе каждой изъ нихъ.

Если мы разсмотримъ развитіе жизни и исторію царствованія Петра Великаго, то найдемъ въ нихъ двѣ половины: увлеченный въ началѣ западнымъ вліяніемъ и иностранцами, онъ обнаруживалъ излишнее пристрастіе ко всему чужеземному; но впослѣдствіи болѣе и болѣе увидѣлъ необходимость связать жизнь новой Россіи съ древнею. Прочтите рѣчи Ѳеофана Прокоповича, предлагающія народу разумное объясненіе дѣяній Петра, и вы окончательно въ этомъ убѣдитесь. Что̀ видно въ его развитіи, то повторяется послѣ, и повторяться будетъ во всемъ дальнѣйшемъ развитіи русскомъ. Чѣмъ болѣе и глубже усвоиваемъ мы западное образованіе съ одной стороны, тѣмъ глубже съ другой входимъ въ собственную народность и сильнѣе сознаемъ ее. Въ жизни Петра сказалось впервые то, что́ послѣ повторяется во всѣхъ представителяхъ образованія русскаго, въ важнѣйшихъ писателяхъ нашихъ: Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ.

Обратимся теперь къ слабой сторонѣ Петрова дѣла. Она оказывается вездѣ, гдѣ исключительно дѣйствуетъ пристрастіе его личности и произволъ деспотизма. Онъ искажаетъ внѣшній образъ русскаго человѣка, видя въ немъ символъ невѣжества: насильственно брѣетъ ему бороду и напяливаетъ на него нѣмецкій камзолъ, какъ будто во внѣшнемъ образѣ только и заключается образованіе европейскаго человѣка. Онъ обнаруживаетъ при-

страстіе ко всѣмъ внѣшнимъ формамъ западнаго европейскаго общества и вводитъ ихъ насильственно въ нашу жизнь. Отсюда произошелъ тотъ важный недостатокъ, котораго мы и до сихъ поръ искоренить въ себѣ не можемъ. Мы думаемъ, что припявши формы общежитія и одѣвшись по-европейски, приняли уже и самое образованіе. И въ сферѣ образованія мы обнаруживаемъ то же легкомысліе, одѣваясь въ чужое знаніе, какъ ворона въ павлиныя перья. Въ наукѣ, довольствуясь чужими результатами, стоившими труда, пота и опыта жизни, мы не заботимся о пріобрѣтеніи результатовъ собственнаго труда. Есть въ насъ и еще недостатокъ, унаслѣдованный отъ великаго преобразователя: это—страсть къ безконечнымъ преобразованіямъ всякаго рода.

Съ начала XVIII вѣка и до настоящаго времени мы то и дѣло что преобразуемъ, хотя классъ преобразователей на всѣхъ путяхъ жизни нашей слишкомъ измельчалъ. Въ этомъ безграничномъ стремленіи, руководясь не идеею, а только страстью къ новизнѣ и къ формамъ чужой жизни, легко дойти до смѣшнаго по французской пословицѣ: Du sublime au ridicule il n'y a qu'un seul pas. Самъ великій преобразователь, реформа котораго была вызвана силою времени, не избѣгнулъ смѣшнаго, когда вводилъ формы чужаго общежитія и издавалъ книгу: *Приклады како пишутся комплементы.* Въ этой книжкѣ, между прочими *комплементами*, мы читаемъ слѣдующее *просительное писаніе нѣкотораго человѣка къ женскому полу:*

«Моя госпожа,

«Я предъ долгимъ временемъ честь искалъ съ вами въ компанію прітти, и потомъ соизволенія просіти, дабы я себя могъ за вашего преданнаго слугу почесть, но понеже вы тако набожны, что васъ нигдѣ индѣ кромѣ церкви відѣть не получаю; однакожъ я и на семъ святомъ мѣстѣ чрезъ частое разсужденіе и усмотрѣніе васъ яко такого изряднаго ангела, толіко желанія къ вашей знаемости получилъ, что я того далѣе не могу скрыти, но прінужденъ оное вамъ съ достойнымъ почитаніемъ представить. Вы моя госпожа не имѣете чрезъ высокосклонное позволеніе мнѣ

приступа: нічего опасатіся, дабы о вашей славѣ вредітельно быти могло, понеже я позволенія вашея пріязни тако буду во осмотреніи имѣть, что я вашімъ добродѣтелямъ нікогда ущербу не пріключу, и нічего не воспріиму, что моей госпожѣ противно быть можетъ, якоже я вашімъ повѣленіямъ себя всегда въ должное послушаніе предаю и трудітіся буду случая искать, дабы я не однѣмъ именемъ, но въ дѣлѣ самомъ себя явити могъ.

«Вашъ моей госпожи прилежный слуга *N. N.*»

Какъ здѣсь ни кажется малъ нашъ Великій, но онъ все-таки остается истинно великъ, когда, начиная новый періодъ жизни русскаго народа, освобождаетъ свою и всякую русскую личность отъ оковъ той исключительной національности, въ которыхъ она такъ долго коснѣла, устраняя отъ себя всякое человѣческое развитіе. Онъ великъ, когда свободу личности соединяетъ съ древнимъ ея самоотверженіемъ и вырабатываетъ изъ нея сосудъ на пользу и благо отечеству. Тѣ дѣла Петра, въ которыхъ онъ совершалъ этотъ подвигъ, останутся навсегда безсмертны и почтены народною признательностью. До сихъ поръ народная пѣсня воспѣваетъ, какъ у гробницы Петра молодой сержантъ Богу молится, плачетъ, какъ рѣка льется, и говоритъ:

«Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ ли на четыре стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися, золота парча!
И ты встань, пробудись, государь,
Пробудись, батюшка, православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе!....»

Въ началѣ бесѣды мы слышали, какъ другая пѣсня славитъ рожденіе Петра и заставляетъ всѣхъ плотниковъ Россіи работать надъ колыбелью тому, кто привелъ въ движеніе и вызвалъ на работу силы отечества. И до сихъ поръ мы можемъ слышать

изъ устъ народа искреннюю похвалу его дѣятельности. «Все-то дѣлалъ онъ самъ, говоритъ русскій мужичекъ, ни отъ чего не отказывался, ни отъ какой работы, даже и лапоть плелъ, но нашелъ, что это самая трудная».

Заключимъ, въ слѣдъ за народомъ, тѣмъ признаніемъ его заслугъ, какое совершено устами нашихъ славныхъ поэтовъ. Ломоносовъ сказалъ о Петрѣ, что онъ *царствуя служилъ*, и еще:

Рожденный къ скипетру, простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.

Державинъ:

Въ трудѣ и въ потѣ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.

Пушкинъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

ЛЕКЦІЯ 6.

Съ Петра Великаго, какъ мы уже знаемъ, начинается у насъ періодъ развитія человѣческой личности. Онъ самъ — первый образчикъ этого развитія; всѣ черты его личности, какъ въ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ, отражаются въ новомъ періодѣ. Личность его истинно велика тамъ, гдѣ она, соединяясь съ нашимъ древнимъ самоотверженіемъ, является достойнымъ сосудомъ человѣческаго образованія; напротивъ, тамъ, гдѣ, увлекаясь побужденіями личныхъ страстей, перерождается въ про-

изволъ власти, — она становится мелка и порой отчасти даже комична.

Задачею сегодняшней бесѣды нашей будетъ обозрѣніе въ главныхъ общихъ чертахъ всего новаго періода русской словесности.

Русскіе писатели Петровскаго времени по образованію своему принадлежатъ къ періоду древней Руси. Но всѣ они сочувствуютъ новому движенію и являются не противниками, а сотрудниками его въ дѣлѣ образованія народа. Святитель Димитрій Ростовскій, какъ мы видѣли, связываетъ древнюю Русь съ новою, и признавая вѣру за основу нашего духовнаго бытія, оказываетъ сочувствіе свое всему человѣческому образованію: въ наукѣ, въ искусствѣ и въ жизни общественной. Стефанъ Яворскій, блюститель патріаршаго престола, болѣе чѣмъ Ѳеофанъ Прокоповичъ представлялъ начало древнее, но вмѣстѣ съ тѣмъ боролся противъ раскола, враждовавшаго съ Петровскими нововведеніями. *Знаменіе Антихристова пришествія* было написано имъ противъ раскольниковъ, видѣвшихъ антихриста въ самомъ Петрѣ; но съ другой стороны Стефанъ бо̀льшую часть жизни посвятилъ на сочиненіе *Камня Вѣры*, въ которомъ боролся съ лютеранскимъ ученіемъ, черезъ Нѣмцевъ сильно вторгавшимся въ Россію. Гражданскіе подвиги духовнаго краснорѣчія представляетъ Стефанъ въ своихъ проповѣдяхъ. Въ тѣ времена, когда царь, создавъ войско и флотъ, увлекался военною славою, благородно было молить громогласно, чтобы Духъ святой сошелъ на него голубемъ, мира и тишины благовѣстникомъ. Прекрасно было въ то время, когда свѣтская власть начинала свое исключительное господство, призывать Божій Духъ на русское духовенство и желать, чтобы оно горѣло углями серафимскими Исаіи пророка. Стефанъ напоминалъ самодержавному царю, что всякая власть обусловливается терпѣніемъ. Вѣнчанному лаврами побѣдъ онъ приводилъ на память слово Давидово, что ничто такъ не насыщаетъ его, какъ слава небесная. Привѣтствуя въ Петрѣ побѣдителя и благословляя его заграничныя странствія на пользу оте-

честву, онъ просилъ его соблюсти вѣру православную крѣпкою, цѣлою и неповрежденною.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, представляетъ переходъ отъ духовной литературы къ свѣтской. Каѳедру церковную онъ превратилъ въ политическую трибуну, чтобы объяснять народу значеніе преобразованій Петра. Первыя слова Ѳеофана отзывались схоластическою риторикою, оиміамомъ лести; но чѣмъ далѣе онъ поучалъ, тѣмъ яснѣе выражалъ мысль Петрова дѣла. Ѳеофановы проповѣди могутъ служить комментаріемъ къ лучшей сторонѣ исторіи Петра. Прослѣдивъ ихъ, можно видѣть, какъ, увлекаясь сначала Западомъ и вдаваясь слишкомъ во всѣ нововведенія, Петръ постепенно возвращался къ преданіямъ древней Руси и сознадъ необходимость возстановить расторгнутую связь между древнимъ и новымъ періодомъ русской жизни. Кому неизвѣстно знаменитое слово Ѳеофаново по поводу Полтавской битвы, въ которомъ онъ объясняетъ значеніе этой *всемірной рода нашего славы?* Въ этомъ Словѣ наиболѣе достопамятно мѣсто о Петровой шляпѣ, пробитой пулею во время битвы.

«О, шляпа драгоцѣнная! недорогая веществомъ, но вредомъ спмъ своимъ всѣхъ вѣнцевъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ историки, которые Россійское государство описуютъ, что ни на единомъ европейскомъ государѣ не видѣти есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на Монархѣ Россійстѣмъ, но отселѣ уже не корону, но шляпу сію Цареву разсуждайте, и со удивленіемъ описуйте».

Изъ этихъ словъ видно, какъ Петръ, свергая съ себя обрядныя формы царскаго величія, развивалъ личность свою, принося ее въ жертву отечеству.

Ѳеофанъ церковнымъ словомъ боролся и съ раскольниками, издѣваясь надъ ихъ предразсудками; онъ говорилъ, что вся ихъ грамматика заключается въ выраженіи *вѣкомъ*, а не *вѣковъ*, географія—въ земномъ раѣ, въ Римахъ и въ Вавилонахъ, ариѳметика—въ сугубой аллилуія, архитектура—въ дѣланіи крестовъ, музыка—въ церковномъ пѣніи, мануфактура — въ камилавкахъ

и клобукахъ, и еще неизвѣстно *какая хитрость о сложеніи перстовъ*, буде то не хиромантія.

Превосходно слово, сказанное Ѳеофаномъ въ годовщину смерти Петра, въ которомъ онъ обозрѣваетъ все поприще жизни покойнаго. Здѣсь виденъ не льстецъ, но истинный ораторъ и вѣрный сотрудникъ Петра. Здѣсь нельзя уже подозрѣвать его въ личномъ пристрастіи къ Петру: онъ остается вѣренъ мысли, завѣщанной Петромъ всѣмъ Русскимъ,—мысли объ образованіи отечества. Поэтически заключаетъ онъ свое слово, представляя Россію статуею, выходящею изъ рукъ Петровыхъ.

Нѣкоторые наши критики на ряду съ Стефаномъ Яворскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ ставили Гавріила Бужинскаго, флотскаго проповѣдника; но это сопоставленіе невѣрно и рѣчи Гавріила далеко уступаютъ словамъ двухъ первыхъ. Изъ его рѣчей особенно замѣчательна та, въ которой объясняется значеніе Петербурга: по мысли Петра, онъ, будто бы, долженъ былъ служить не столицею, т. е. внутреннимъ средоточіемъ Россіи, а только всемірною пристанью въ родѣ древней Александріи, гдѣ Россія принимала бы у себя гостей всѣхъ странъ міра и вступала бы въ общеніе со всѣми народами.

Плодотворна была почва древней Руси во времена Петра, вспрыснутая европейскимъ образованіемъ. Много необыкновенныхъ, поразительныхъ явленій она произвела. Къ числу ихъ принадлежитъ крестьянинъ Иванъ Посошковъ, котораго сочиненія открыты и изданы Погодинымъ. Особенно славно политико-экономическое сочиненіе его *О скудости и богатствѣ*. Не разбирая всю книгу, что̀ составило бы громадный трудъ, укажемъ лишь на нѣкоторыя существенныя положенія. Правосудіе авторъ называетъ истиннымъ нравственнымъ богатствомъ народа. Ничѣмъ государь не можетъ такъ заслужить предъ Богомъ, какъ водвореніемъ правосудія, которое выше поста и молитвы *). До

*) Превосходныя мысли о прекращеніи множества тяжбъ мирнымъ судомъ и о судѣ словесномъ, устномъ принадлежатъ Посошкову.

яснаго сознанія этой великой мысли мы доходимъ только теперь: она вызываетъ современныя, славныя преобразованія въ нашемъ судопроизводствѣ. — Въ дѣлѣ народнаго законодательства Посошковъ признаетъ главнымъ условіемъ всенародный совѣтъ и свободное слово, и вотъ на какомъ основаніи: «Безъ многосовѣтія и вольнаго голоса, говоритъ онъ, ни коими дѣлы не возможно: понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому жъ менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего».... Эта мысль только отчасти была исполнена у насъ при Екатеринѣ II, которая призывала на общій совѣтъ лишь одно дворянское сословіе. А вотъ мысль о кадастрѣ, до сихъ поръ ожидающая выполненія: «А и въ счисленіи душевомъ не чаюжъ я проку быти, понеже душа есть неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя». Если бы мнѣніе Посошкова объ усовершенствованіи огнестрѣльнаго искусства было исполняемо съ тѣхъ поръ, какъ оно высказано, то мы не теряли бы Севастополя. А какія вѣрныя понятія находимъ у него о разныхъ сословіяхъ въ государствѣ!—Такое необыкновенное развитіе ума въ простомъ крестьянинѣ, въ послѣдніе годы царствованія Петра, объясняется тѣмъ, что въ то время не были еще такъ рѣзко разграничены въ Россіи сословія, какъ это началось со временъ Петра. Тогда не было еще такъ называемыхъ *подлыхъ*, и Русскій не гнушался своимъ русскимъ собратомъ, какое бы положеніе въ обществѣ онъ ни занималъ. Образованіе, какъ оно ни было незначительно, разливалось равномѣрнѣе по всему народу и не имѣло преградъ ни для кого. Посошковъ выросъ изъ зерна еще древней Руси, при сильномъ орошеніи во времена Петровы.

Время, послѣдовавшее за Петромъ вплоть до воцаренія дочери его Елисаветы, не было благопріятно развитію русской словесности, благодаря господствовавшему тогда у насъ ино-

странному вліянію. Въ это время появились два писателя: Тредьяковскій и Кантемиръ.

Бездарность Тредьяковскаго вошла у насъ въ пословицу. Во всей его телемахидѣ Пушкинъ и Дельвигъ отыскали только одинъ хорошій стихъ о кораблѣ:

Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Къ этому можно бы прибавить еще пять стиховъ изъ переложенія второй Моисеевой пѣсни изъ Второзаконія:

Вонми, о небо, и реку:
Земля да слышитъ устъ глаголы:
Какъ дождь, я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣшанія на долы.

Но это лишь исключенія. Трудно найти во всей нашей литературѣ стихи столь бездарно-шероховатые, каковы Тредьяковскаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

О Петре! Петре! Петре! воине сильный!
При градѣхъ и въ градѣхъ, и въ полѣ весь дивный!
Возвратись, моя радость, Марсова защита:
Марсъ не Марсъ безъ тебя есть ахъ! но волокита.

—

Весна катитъ,
Зиму валитъ,
И ужъ листикъ съ древомъ шумитъ.
Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.

—

Съ одной страны громъ,
Съ другой страны громъ,
Смутно въ воздýхѣ!
Ужасно въ ухѣ!

Вотъ еще примѣръ:

Подавился костью острою волкъ въ нѣкій день,
Такъ что не былъ въ силѣ ни завыть, да сталъ весь въ пень.

Или вотъ еще умышленное звукоподражаніе:

Толь былъ тогда тамъ топотъ сильный
И плачъ во всѣ концы обильный.

Трудно создать такую какофонію, какую создаетъ безсознательно само ухо Тредьяковскаго. Онъ приписывалъ себѣ введеніе тоническаго метра, и относилъ свой подвигъ къ 1735 году, когда напечатана была его ода на взятіе Гданска; но это, разумѣется, для него было невозможно и опровергается самыми фактами. Вотъ первая строфа этой оды по первому ея изданію. Она написана въ подражаніе одѣ Буало на взятіе Намура:

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ къ славной причинѣ?
Чистое Парнасса убранство,
Музы! не васъ ли вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;
Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры, молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.

Здѣсь, какъ видите, нѣтъ еще никакого тоническаго метра. А вотъ какъ Тредьяковскій передѣлалъ эту строфу, когда начитался стиховъ Ломоносова:

Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!

Вы, Парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны,
Пламень въ мысляхъ возстаетъ.
О народы, всѣ внемлите!
Бурны вѣтры! не шумите:
Анну стихъ мой воспоетъ.

Здѣсь слышимъ уже хорей, хотя плохой, но по крайней мѣрѣ правильный.

Тотъ же самый Тредьяковскій писалъ очень не дурно французскіе стихи, благодаря лишь тому, что форма ихъ была для него готова и не требовала оригинальнаго созданія. Вотъ примѣръ:

Divin objet d'un feu pur et céleste,
À qui mon coeur adressait tous ses voeux,
Ce jour funeste,
Mais précieux,
Où je te fais mes éternels adieux,
Est le seul prix, le seul bien, qui m'en reste.

Труды Тредьяковскаго по теоріи словесности толковѣе его стихотворства. Въ нихъ онъ передавалъ въ ясномъ изложеніи французскую теорію, которая тогда господствовала повсюду. Но въ то же время онъ увѣренъ былъ, что усовершенствованію русскаго языка «помогутъ многіе преславные писатели Нѣмецкіе», а говоря въ своихъ правилахъ русскаго стихотворства о народныхъ нашихъ пѣсняхъ, онъ выражался о нихъ такъ: «прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ, но коренныхъ стиховъ».

Тредьяковскій родился не на нашей почвѣ, а на той чужой землѣ, которая навезена была къ намъ съ Запада. Его появленіе можно сравнить съ тѣми безсочными тайнобрачными растеніями,

которыми изобилуетъ наша сѣверная природа: они рождаются безъ сѣмени, безъ органическаго процесса, вдругъ, и кончаютъ не цвѣтомъ, не плодомъ, не сѣменемъ, а гніеніемъ. Онъ былъ родоначальникомъ той подражательной бездарности, которая никогда не чувствовала призванія связать собственную жизнь и мысль съ жизнію и мыслію своего народа и отечества, потому что жизни и мысли въ себѣ не заключала; которая всегда готова отречься отъ роднаго и покрыться лишь лоскомъ чуждой образованности. Все даровитое же, напротивъ, усвоивая западное образованіе, стремилось связать его съ корнемъ жизни своего отечества, и продолжало его развитіе.

Современникомъ Тредьяковскаго былъ даровитый Кантемиръ. Россіи дала его Молдавія. Онъ воспитался при Петрѣ и быстро сроднился съ новымъ своимъ отечествомъ. Сочувствуя нововведеніямъ Петра, по скольку они заключали въ себѣ необходимаго для человѣческаго воспитанія Россіи, онъ въ то же время не могъ относиться сочувственно къ крайностямъ его преобразованія, которыя обнаружились по смерти Петра въ излишествѣ иностраннаго вліянія. Кантемиръ возмужалъ и созрѣлъ для дѣятельности въ эту именно эпоху, чѣмъ и объясняется какъ сатирическое направленіе его поэзіи, такъ и проживаніе большей части времени за границею.

Двѣ стороны тогдашней русской жизни служили предметомъ для стрѣлъ остроумной сатиры Кантемира: одна была остаткомъ исчезавшей старины, другая — плодомъ иностранныхъ нововведеній. Приведемъ образцы того и другаго. Вотъ изображеніе стараго суевѣрнаго противника наукъ:

Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ! —
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:

Дѣти наши, что̀ предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что̀ сами не знали,
Теперь въ церкви соблазну библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.

А вотъ картина, заимствованная изъ обычаевъ привитой къ намъ съ Запада жизни. Это утренній туалетъ моднаго щеголя того времени:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею
Грозно сопешь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься до воли.
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься сжидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарцисъ жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно

Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакомъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стóитъ нарядъ Римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды,
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ, тебѣ въ образу,
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситой подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною,
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, серебро иль злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.

Страннымъ съ перваго раза покажется, что художественная поэзія наша въ новомъ періодѣ начинается съ сатиры. Сатира есть отрицательный видъ изящнаго, а отрицательно-изящное не можетъ образовать языка и дать ему положительныя формы. Явленіе Кантемира, такимъ образомъ, есть случайное въ нашей литературѣ, и объясняясь временемъ переходнымъ, не входитъ въ общій процессъ новаго литературнаго развитія, который начинается собственно съ Ломоносова.

Приступая къ этому періоду, начнемъ съ общаго обозрѣнія и постараемся прежде всего намѣтить тѣ общія черты, которыя характеризуютъ нашихъ писателей и ихъ произведенія.

Взглянемъ прежде всего на мѣсторожденія нашихъ писателей. Какъ витязи древне-русскаго міра, они сошлись со всѣхъ концовъ Русской земли и слились въ ея единствѣ, не сохранивъ въ себѣ мѣстныхъ оттѣнковъ тѣхъ областей, гдѣ они родились. Одни только Малороссы удержали свои особенности и имѣютъ нѣкоторые оттѣнки.

Нашъ первый геній, Ломоносовъ,—это, по выраженію Пушкина, *полуночное диво*, былъ родомъ съ отдаленнаго сѣвера, изъ Холмогоръ, Архангельской губерніи. Замѣчательно, что первый геній русскаго слова явился изъ той полярной страны, куда искони стремились наши предки, не боясь ужасовъ ледяной природы сѣвера. Волга въ Казани воспоила Державина, въ Симбирскѣ — Дмитріева, Карамзина, Языкова. Москва дала намъ Сумарокова, Фонвизина, Петрова, Нелединскаго-Мелецкаго, Новикова, князя Вяземскаго, Дениса Давыдова, Грибоѣдова, Лермонтова. Псковъ считалъ въ числѣ своихъ гражданъ Пушкина, но Москва была его колыбелью и первымъ мѣстомъ воспитанія. Изъ Пскова же вышелъ Княжнинъ. Тверь дала Озерова и Крылова, Тула—Жуковскаго, Вологда—Батюшкова, Смоленскъ—Муравьева, князя Шаховскаго, Глинку; Пермь — Мерзлякова, Вятка — Кострова, Пенза — Загоскина, Оренбургъ — Аксакова. Хемницеръ и Дельвигъ, по именамъ ихъ, были родомъ иностранцы, но по характеру и духу коренные Русскіе. Малороссія дала намъ Богдановича, Капниста, Гнѣдича, Основьяненко, Гоголя. Особенные оттѣнки Малороссовъ—живость колорита, сила чувства, юморъ.

Изъ какихъ сословій вышли наши писатели? Изо всѣхъ, какъ и витязи. Ломоносовъ — изъ крестьянъ, въ то еще время, когда всѣ сословія были ровнѣе по образованію и ближе одно къ другому. Впослѣдствіи же это сословіе уже не было обильно лите-

раторами. Изъ купцовъ вышли: Голиковъ, Мерзляковъ, Кольцовъ, Полевой. Духовное званіе изобильно духовными писателями; но въ числѣ свѣтскихъ встрѣчаемъ только Петрова, сына священника, и Гнѣдича. Дворянское сословіе по преимуществу отличается въ исторіи нашей словесности: Державинъ, Фонвизинъ, Капнистъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Сумароковъ, Херасковъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Муравьевъ, Озеровъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, князь Шаховской, Денисъ Давыдовъ, Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ, Аксаковъ, Гоголь были всѣ дворяне и по происхожденію своему принадлежатъ, большею частію, къ древнѣйшимъ родамъ этого сословія. Такъ и слѣдовало быть: именитое дворянство русское, пользуясь преимуществами богатства и образованія, тѣмъ достойно за нихъ воздало отечеству.

Излагая постепенно, въ хронологическомъ порядкѣ, біографіи нашихъ писателей, мы наталкиваемся на любопытный фактъ, что писатели наши постепенно отвлекались отъ государственной службы, которая отнимала ихъ у литературы. Правительству дѣлаетъ честь, что оно признавало необходимымъ привлекать къ себѣ даровитыхъ людей, мужей мысли и слова: Державинъ, Дмитріевъ и Шишковъ были министрами. Правда, много дарованій похищено было службою у музъ. Въ исторіи нашей драматической литературы есть анекдотическая черта, что одинъ весьма даровитый комикъ, придавшій нашему комическому стиху необыкновенную легкость, оставилъ и комедію, и водевиль, получивъ должность губернатора. Онъ счелъ занятіе комическимъ стихомъ слишкомъ низкимъ для предложенной ему должности.

Съ Карамзина собственно начинается болѣе свободное служеніе словесности. Карамзинъ, можно сказать, былъ министромъ исторіи государства Россійскаго, вмѣщая въ себѣ и свою канцелярію. Жуковскій отъ чистаго служенія музамъ былъ отвлеченъ только великою гражданскою задачею: воспитаніемъ Наслѣдника престола. Пушкинъ между русскими писателями первый пред-

ставляетъ образецъ свободнаго художника. Не даромъ онъ сказалъ:

Служенье Музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво!

Но обстоятельства увлекли его въ суету свѣтской жизни, и онъ погибъ ея жертвою. Гоголь съ полною свободою и самопожертвованіемъ принадлежалъ лишь литературѣ, жилъ и дѣйствовалъ только для нея. Въ наше время званіе писателя, къ чести и славѣ Россіи, сдѣлалось вполнѣ свободно.

Замѣтимъ черты русскаго народнаго характера въ нашихъ писателяхъ. Не смотря на иноземное вліяніе въ новомъ періодѣ, эти черты рѣзко въ нихъ выдаются. Чѣмъ выше дарованіе въ писателѣ, тѣмъ вѣрнѣе остается онъ народному характеру, — и тѣ только произведенія пріобрѣтаютъ прочную славу и переживаютъ время, на которыхъ сильнѣе отражается отблескъ народнаго духа.

Русская многосторонность и сила, которыя мы видѣли въ Петрѣ, сказались прежде всего и въ родоначальникѣ новой русской литературы, въ Ломоносовѣ. Порывы русскаго патріотическаго восторга слышны во всѣхъ нашихъ лирикахъ. Въ Державинѣ, къ Ломоносовской силѣ присоединились русскій разумъ и русская шуточка, плодъ иронiи, столь свойственной русскому уму. Страсть къ чужому, доводимая нерѣдко до крайности, или наше чужебѣсіе сказалось въ Сумароковѣ. Особенный видъ изящнаго, наше родное *милое*, выраженіе души въ лицѣ и характерѣ, блещетъ въ Душенькѣ Богдановича, въ Свѣтланѣ Жуковскаго, въ Людмилѣ и Танѣ Пушкина, и во многихъ другихъ созданіяхъ русской поэзіи. Русское остроуміе, не поверхностное, а глубокомысленное, въ первый разъ ярко проявилось въ Фонвизинѣ, и съ тѣхъ поръ не измѣняло себѣ въ русскихъ комикахъ. Образчикъ нашей переимчивости — Княжнинъ. Здравый смыслъ Русскаго народа, создавшій русскую пословицу, создалъ, въ живое дополненіе къ ней, и басню Крылова. Наша пѣвучая, красная рѣчь

полилась подъ перомъ Карамзина. Чувство грусти, основное чувство нашей пѣсни, выразилось, начиная съ Карамзина, во многихъ писателяхъ: Нелединскомъ-Мелецкомъ, Капнистѣ, Жуковскомъ, Вяземскомъ, Баратынскомъ, Пушкинѣ и другихъ, принимая самые разнообразные оттѣнки отъ задумчивости до тоски и унынія. Въ Жуковскомъ сказалась опять наша многосторонность, наше славное гостепріимство къ чужому въ самомъ лучшемъ, нравственномъ смыслѣ. Въ Пушкинѣ слышимъ русскую чуткость, отзывчивость всему прекрасному у насъ и въ остальномъ мірѣ. Въ Гоголѣ обильно и полно сказались юморъ, бьющій у насъ изъ древняго южно-русскаго источника, и глубокая иронія, общее свойство большинства нашихъ писателей. Есть еще одно чувство, таящееся въ глубинѣ души русскаго человѣка и составляющее существенную основу его жизни: это — чувство вѣры. Оно замѣчается во всѣхъ русскихъ писателяхъ: въ древнихъ это чувство сказывалось прямѣе и откровеннѣе; въ новыхъ, какъ бы глубоко ни скрывалось, какъ бы ни уступало постороннимъ вліяніямъ, но рано или поздно выходитъ наружу, или отзывается по временамъ минутными порывами души. Рѣдкій изъ нихъ остался чуждъ этому чувству.

Правительственныя, воспитательныя учрежденія содѣйствовали много развитію литературныхъ дарованій въ Россіи. Академія наукъ, учрежденіе Петрово, образовала Ломоносова. Изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, учрежденія императрицы Анны, вышли Сумароковъ, Княжнинъ, Озеровъ. Въ немъ же родилась наша лжеклассическая трагедія, питавшая рыцарскія чувства чести и славы въ нашихъ воинахъ, изъ числа которыхъ вышли Румянцовъ и Суворовъ. Московскій университетъ, учрежденіе Елисаветы Петровны, образовалъ множество русскихъ писателей, изъ которыхъ особенно замѣчательны два первыхъ комика: Фонвизинъ и Грибоѣдовъ. Разумъ науки, воспитанный университетомъ, помогъ имъ обличить отрицательныя стороны жизни нашего общества. Университетскій пансіонъ, учрежденный Херасковымъ при Екатеринѣ II, былъ колыбелью Жуковскаго. Цар-

скосельскій лицей, учрежденіе Александрово, взлелѣялъ Пушкина. Въ лицеѣ Нѣжинскомъ воспитался Гоголь. Первымъ студентомъ Казанскаго университета былъ Аксаковъ.

Чѣмъ болѣе развивалась и подвигалась впередъ русская литература, тѣмъ болѣе развивалась и укрѣплялась ея связь съ обществомъ и народомъ. Первые шаги русской словесности слышны при дворѣ и въ академіи наукъ. Только отголоски побѣдныхъ одъ и религіозныхъ гимновъ отдаются въ обществѣ и отчасти въ грамотномъ народѣ. Пѣсня, по своему сочувствію съ народнымъ инстинктомъ, сильнѣе проникала въ народъ. Мало по малу русское слово входитъ въ общество и затрогиваетъ въ немъ жизненные вопросы. Въ наше время связь между словомъ и обществомъ укрѣпилась сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Причина такого явленія — бо́льшая свобода русскаго слова. Постепенный путь его отъ дворца и академіи до русскихъ хижинъ есть одна изъ любопытнѣйшихъ задачъ въ исторіи русской словесности.

Весь новоевропейскій періодъ русской словесности дѣлятъ обыкновенно на три отдѣла. Первый называютъ лжеклассическимъ, а по вліянію народа, который имѣлъ своею литературою вліяніе на нашу, — французскимъ; онъ идетъ отъ Ломоносова до Жуковскаго. Второй отдѣлъ — романтическій, а по вліянію народовъ, на насъ особенно дѣйствовавшихъ, — англо-нѣмецкій и даже всемірный; онъ заключаетъ время отъ Жуковскаго до Пушкина. Третій отдѣлъ — художественный и національный. Его развитіе начинается съ Пушкинымъ и доходитъ до нашего времени. Карамзинъ представляетъ средоточіе для всѣхъ трехъ отдѣловъ, какъ эклектикъ и верховная точка новаго періода русскаго слова. Формою своей прозы онъ принадлежитъ французскому періоду; первыми началами и сочувствіями — романтическому англонѣмецкому и всемірному; своею Исторіею Государства Россійскаго начинаетъ періодъ народный.

Классицизмъ и романтизмъ — эти два половинные и враждебные элемента западной словесности — имѣли у насъ особенное отраженіе. Классицизмъ развилъ внѣшнюю сторону нашего сло-

ва. Онъ исполненъ восторга, силы, блеска, и въ образахъ поэтическихъ развиваетъ пластическую и живописную стихію: это — рѣзецъ и кисть нашего слова. Романтизмъ открываетъ внутреннюю сторону нашего слова и даетъ ей содержаніемъ міръ души; онъ исполненъ вдохновенія, мягкости и теплаго сочувствія ко всему прекрасному въ человѣчествѣ, въ какомъ бы народѣ оно ни являлось. Къ элементамъ пластическому и живописному онъ присоединяетъ еще элементъ музыкальный, дополняя тѣмъ развитіе полной поэтической формы русскаго слова. Такимъ образомъ, пластика, живопись и музыка, согласно общему закону развитія искусствъ, постепенно входятъ въ русскую поэзію и развиваютъ до полноты совершенства всѣ ея формы.

Какъ классицизмъ, такъ и романтизмъ каждый отдѣльно представляютъ только половинное искусство, которое вполнѣ не можетъ обнять идею красоты. Истинное художество не есть ни классическое, ни романтическое. Настоящій художникъ — не классикъ и не романтикъ. Внутреннее содержаніе его произведеній есть полная идея красоты, стяжаніе всего человѣчества. Внѣшняя форма принадлежитъ народу и составляетъ его слово. Истинный художникъ въ словѣ—непремѣнно и народный поэтъ.

Русская словесность, связавъ въ новомъ періодѣ свое развитіе съ жизнію народовъ Запада, не могла не отражать на себѣ западнаго развитія во всѣхъ его крайностяхъ. Эта сторона нашей литературы должна быть отмѣчена, какъ наносный элементъ, какъ чужое вѣяніе, какъ волненіе отъ другихъ планетъ въ нашей планетѣ. Мы встрѣчаемъ у себя отголоски и сочувствія всему, что̀ ни производилъ Западъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Западъ разрушилъ подпорки богословской схоластики, на которыхъ покоилась его вѣра, все его развитіе стало аналитическимъ, дробнымъ, частичнымъ. Онъ старался утвердить потерянную цѣльность духовнаго существа человѣческаго въ отдѣльныхъ его силахъ. Энциклопедисты окончательно разрушили схоластическія подпорки богословія и ударились въ исключительность разсудка, въ которомъ искали спасенія всему

человѣку. Вольтеръ стоитъ во главѣ этой школы и разсудкомъ отрицаетъ все, ибо разсудокъ одинъ не можетъ утверждать ничего, а владѣетъ только силою отрицанія. Школѣ разсудка противодѣйствуетъ и дополняетъ его школа чувства, родоначальникомъ которой былъ Жанъ-Жакъ Руссо. Между тѣмъ, какъ разсудокъ и чувство дѣйствовали двумя отдѣльными школами во Франціи, отрицая и разрушая, болѣе чѣмъ утверждая, — Германія представляла положительное развитіе разума, который хотѣлъ самъ одинъ познать истину и мыслію создать міръ и человѣка. Отсюда все развитіе философіи германской отъ Вольфа и Лейбница, до нашего времени. Какъ дополненіе къ разуму, который не могъ признать вѣры и потому не удовлетворялъ жаждущихъ этого небеснаго источника, развивался мистицизмъ, имѣвшій начало свое еще до развитія философіи въ писателѣ народномъ, Іаковѣ Бёмѣ.

Между тѣмъ какъ Германія дѣйствовала въ умственномъ мірѣ, въ сферѣ отвлеченной мысли, силою исключительнаго разума, во Франціи совершался переворотъ соціальный. Очарованіе, произведенное революціею и отразившееся во многихъ поэтахъ, особенно лирикахъ, какъ Шиллеръ и другіе, окончилось разочарованіемъ — реставраціей. Идеалы всѣхъ народовъ исчезли въ кабинетахъ дипломатовъ. Поэтомъ разочарованія въ жизни явился Байронъ, въ наукѣ—Гёте. За разочарованіемъ послѣдовало безочарованіе,—поэтомъ его былъ Гейне, а безочарованіе привело къ тому безплодному матеріальному нигилизму, который уже ничего не производитъ, кромѣ ежедневныхъ листковъ газетъ и журналовъ.

Всѣ эти крайности западнаго развитія имѣли и у насъ свои отголоски. Древняя схоластика отражается еще въ слабой сторонѣ произведеній Ломоносова. Разсудочная школа Вольтера отразилась частью въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Фонвизина, отъ которыхъ онъ самъ впослѣдствіи отказался; но дошла до полной и смѣшной карикатуры въ Сумароковѣ, который хотѣлъ быть у насъ доморощеннымъ Вольтеромъ. Школа чувства, Руссо и

Стернъ, нашли своего представителя въ Карамзинѣ и его послѣдователяхъ.

Философскія системы въ Германіи имѣли сильные отголоски въ нашихъ университетахъ. Всѣ первые профессоры, прибывшіе къ намъ изъ Германіи и дѣйствовавшіе въ академіи и въ Московскомъ университетѣ, были Вольфіанцы. Самъ Ломоносовъ былъ личнымъ ученикомъ Христіана Вольфа. Мысли Лейбница отразились еще въ Петрѣ и въ дальнѣйшемъ развитіи русскомъ, даже съ ихъ недостатками. Профессоръ Шаденъ, наставникъ Фонвизина, Карамзина и Муравьева, былъ первымъ Кантіанцемъ. Ученіе Фихте не имѣло у насъ особыхъ послѣдователей; но за то ученіе Шеллинга имѣло многихъ. Къ нему принадлежатъ наши наставники и все наше поколѣніе. Замѣчательно, что въ этомъ поколѣніи возникъ, еще помимо учителя, тотъ же вопросъ о соединеніи философіи съ Откровеніемъ, какой возникъ позднѣе въ самомъ учителѣ и былъ разрѣшаемъ имъ въ послѣдніе годы жизни. За нами, Шеллингіянцами, слѣдуютъ Гегелисты, дѣйствовавшіе такъ сильно въ нашихъ университетахъ въ послѣднее время.

Мистицизмъ Іакова Бёма съ Сен-Мартеномъ и ихъ послѣдователями нашелъ у насъ отголоски въ школѣ Новикова, друга его Гамалѣя, Лабзина и многихъ духовныхъ лицъ, соединявшихъ философское мышленіе съ вѣрою.

Германскій матеріализмъ съ своимъ изчадіемъ нигилизмомъ имѣли въ послѣдніе дни сильное, но безплодное вліяніе на нашу эфемерную журнальную литературу.

Не смотря на это внѣшнее вліяніе Запада, въ его крайностяхъ, переходчивыхъ у насъ еще болѣе чѣмъ тамъ, — тѣ гуманическія идеи, которыя даютъ истинную и прочную основу всякому человѣческому образованію, имѣли у насъ стройное и правильное развитіе. Сосудами имъ достойно служили личности нашихъ славнѣйшихъ писателей, около которыхъ группируется все развитіе нашей словесности. Таковы идеи истины, правды, блага и красоты.

Идея истины, воплощаемая въ наукѣ, имѣла своего служителя въ Ломоносовѣ, который посвятилъ ей всю жизнь и, какъ участникъ въ учрежденіи Московскаго университета, завѣщалъ ее всѣмъ университетамъ русскимъ.

Идея истины осталась бы отвлеченнымъ призракомъ въ наукѣ, если бы не отозвалась въ жизни и не перешла въ правду и дѣло. Органомъ правды былъ у насъ Державинъ, первый министръ юстиціи. Правдѣ посвятилъ онъ жизнь, и въ правдѣ почерпалъ лучшія внушенія своей поэзіи.

Но правда не полна, если не получитъ основы нравственной въ идеѣ блага или добра. Представителемъ этой идеи является у насъ Карамзинъ. Источникъ идеи блага принадлежитъ на землѣ всему человѣчеству, дѣйствовавшему во имя добра; но цѣль ея есть нашъ ближній, а для гражданина — народъ и его отечество. Такъ дѣйствовалъ Карамзинъ. Въ первую половину жизни онъ воспиталъ въ себѣ идею блага всѣмъ человѣческимъ образованіемъ, вторую же половину жизни служилъ добру своего отечества, изучая добросовѣстно древнюю жизнь его.

Идея блага имѣетъ чистѣйшую основу въ идеѣ красоты нравственной или душевной. Служителемъ ея былъ Жуковскій, поэтъ *гснія чистой красоты*. Онъ русскимъ словомъ откликнулся на все прекрасное въ поэзіи народовъ міра.

Красота вѣнчаетъ созданіе; она — внѣшній образъ видимой природы. Идея красоты вѣнчаетъ развитіе народа и вызываетъ сознаніе лучшаго изъ народной жизни въ словѣ. Идея прекраснаго не можетъ имѣть другой, болѣе полной, совершенной и живой формы, какъ народность. Вотъ разгадка значенія Пушкина, который, какъ поэтъ, олицетворилъ идею красоты въ народномъ образѣ, въ русскомъ словѣ.

Идеи, развитыя нашими славнѣйшими писателями, сдѣлались нашимъ народнымъ достояніемъ и образуютъ въ насъ ту человѣческую сущность, которая составляетъ условіе дальнѣйшаго развитія въ нашемъ народѣ. Новое поколѣніе, въ лучшихъ своихъ личностяхъ, связующихъ жизнь свою съ жизнію народа,

ищетъ полноты человѣческаго бытія, а эта полнота заключается въ совмѣщеніи идей, предварительно у насъ развитыхъ, при высшемъ озареніи той божественной идеи, которую русскій народъ выработалъ въ древней своей жизни.

Идеи, указанныя нами въ своихъ представителяхъ, будутъ служить намъ путевою нитью въ изложеніи нашей исторіи.

ЛЕКЦІЯ 7

Съ сѣвера, куда издревле стремились наши предки, наперекоръ его стужѣ и непогодамъ, пришелъ нашъ первый геній въ наукѣ и словѣ, Ломоюсовъ, котораго Пушкинъ назвалъ:

Веселье Россіянъ, полунощное диво!

Жизнь Ломоносова—цѣлый романъ, ожидающій художника. Не мѣсто здѣсь пересказывать ее; но нельзя не обратить вниманія на тѣ главныя черты, которыя ее характеризуютъ. Ломоносовъ былъ красивъ собою, какъ видно изъ его академическаго портрета. Въ его физіономіи особенно поразительны высокое чело, свѣтлые, большіе голубые глаза, полныя и широкія уста, какъ бы созданныя для того, чтобы ими выливалась обильною рѣкою раздольная русская рѣчь. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ и соединялъ, какъ русскій народъ и языкъ, необыкновенную силу съ красотою. Изъ крестьянскаго званія онъ вышелъ, но навсегда сохранилъ крестьянскій образъ жизни, любя его простоту въ привычкахъ и въ пищѣ. Сѣверная природа Холмогоръ взлелѣяла его геній своими чудесами. Промысломъ рыбакъ, онъ съ отцомъ рано научился пренебрегать опасностями моря и глядѣть прямо въ глаза той величавой природѣ, которая впослѣдствіи сдѣлалась любимымъ предметомъ его изслѣдованій. Голосъ Ломоносова рано раздавался въ сельскомъ храмѣ села Денисовки, дьячекъ которой былъ первымъ его учителемъ. Ариѳметика Магницкаго и Славянская грамматика Смотрицкаго были, по его

словамъ, первыми *вратами* его *учености*. На одиннадцатомъ году отъ роду онъ уже принадлежалъ раскольническому толку безпоповщины; но два года спустя, уяснивши себѣ нелѣпости раскола, покинулъ его. Должно быть, жадный къ чтенію, онъ уже въ юношескомъ возрастѣ быстро ознакомился со всею нашею древнею рукописною словесностью.

Призваніемъ Ломоносова была наука, которой посвятилъ онъ всю жизнь до послѣдняго вздоха. Съ этой точки мы взглянемъ на главныя ея черты. Для науки пожертвовалъ онъ родительскимъ кровомъ и, выдержавъ семейную борьбу, 17-ти лѣтъ бѣжалъ изъ дому, въ нагольномъ тулупѣ, зимой, съ обозомъ мерзлой рыбы, въ Москву, желая учиться. Италіянцы во Флоренціи сохранили камень, на которомъ сиживалъ Дантъ, глядя и любуясь на куполъ ея великолѣпнаго соборнаго храма. Надпись: «Sasso di Dante» до сихъ поръ обозначаетъ то мѣсто, сохранившееся въ народной памяти. Нашъ народъ не былъ такъ благодаренъ къ создателю русскаго художественнаго слова и къ первому мастеру нашей науки. Въ Москвѣ, на Никольской, не обозначено то мѣсто, гдѣ Ломоносовъ, на колѣняхъ, со слезами молился передъ иконою Спаса о томъ, чтобы Богъ послалъ ему средства учиться. А въ этихъ слезахъ и въ этой молитвѣ зародилась русская наука!

Славяно-Греко-Латинская школа принимала въ ученики только дворянъ; сыну крестьянина, слѣдовательно, не было въ ней мѣста. Но Ѳеофанъ Прокоповичъ нарушилъ законъ, отворивъ Ломоносову двери въ единственное тогда училище. Ломоносовъ встрѣченъ былъ насмѣшками школьниковъ: «Смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться!» Чрезъ два года Ломоносовъ писалъ уже стихи на латинскомъ языкѣ. Учась, онъ не переставалъ бороться съ нуждою. Жалованья получалъ онъ всего алтынъ; изъ него денежка шла на хлѣбъ, другая на квасъ, а третья на бумагу, обувь и прочія нужды. Такъ провелъ онъ пять лѣтъ, и усвоилъ себѣ все то, что̀ могла предложить ему Московская школа. Оттуда перешелъ онъ въ Кіевъ;

но тамошняя схоластика не могла удовлетворить пытливый разумъ, который алкалъ уже иной пищи. Болѣе удовлетворила его Академія наукъ, учрежденная по мысли Петра Великаго, вскорѣ послѣ его кончины. Пробывъ въ ней два года, Ломоносовъ въ 1735 году былъ отправленъ за границу—въ Марбургъ и Фрейбергъ. По изысканіямъ, сдѣланнымъ въ недавнее время въ Марбургѣ академикомъ Сухомлиновымъ, мы знаемъ, въ какихъ сношеніяхъ Ломоносовъ находился съ профессоромъ Вольфомъ, который умѣлъ оцѣнить его способности. Формальная философія Вольфа, однако, не увлекла Ломоносова; онъ умѣлъ освободиться отъ условныхъ формъ его силлогизма, когда перешелъ къ живому изученію природы. Въ Фрейбергѣ, на рудникахъ, онъ учился металлургіи, чтобы примѣнить ее къ богатствамъ своего отечества, и оттуда, въ 1739 году, отправилъ въ Россію оригинальную оду на взятіе Хотина, съ которой собственно и ведется начало русскаго тоническаго стихосложенія.

Заграничная жизнь Ломоносова представляетъ много романическаго. Въ то время король Фридрихъ Вильгельмъ I ввелъ знаменитую вербовку, съ цѣлію умножить войско. Извѣстно, между прочимъ, какъ нашъ великорослый студентъ былъ завербованъ въ рекруты прусскими вербовщиками, и какъ въ своемъ побѣгѣ изъ крѣпости онъ подвергался пулѣ прусскаго часоваго.

Послѣ многихъ приключеній, Ломоносовъ моремъ возвращался въ отечество. Здѣсь мы не можемъ не остановиться на одномъ важномъ психологическомъ явленіи въ его жизни. Это былъ извѣстный его сонъ. Онъ видѣлъ отца своего мертваго, выброшеннаго на берегъ того самаго острова, къ которому онъ нерѣдко приставалъ съ отцомъ во время бурь, въ рыболовныхъ странствіяхъ. Сонъ сбылся. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ломоносовъ освѣдомился у родныхъ о судьбѣ отца, и узналъ, что онъ погибъ неизвѣстно гдѣ. Тогда Ломоносовъ черезъ своего брата и прежнихъ товарищей настоялъ, чтобы они съѣздили на извѣстный островъ, гдѣ онъ видѣлъ во снѣ мертваго отца. Поискъ былъ сдѣланъ, и дѣйствительно — тѣло выброшеннаго мертвеца

было найдено по указанію его сына и предано погребенію. Подобныя душевныя явленія особенно поучительны для науки въ такихъ великихъ людяхъ, каковъ былъ Ломоносовъ.

Съ 1741 по 1765 г., ровно 25 лѣтъ, Ломоносовъ безсмѣнно и честно служилъ наукѣ въ академіи. Онъ оставался постоянно вѣренъ мысли, которая руководила Петромъ при ея учрежденіи, именно, чтобы наука, насажденная у насъ иностранцами, перешла въ руки людей русскихъ. Ломоносовъ вложилъ эту мысль въ уста Елисаветѣ, въ извѣстномъ похвальномъ ей словѣ, гдѣ Елисавета говоритъ: «Я видѣть Россійскую академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю». Такъ дѣйствовалъ и Ломоносовъ среди нѣмецкой колоніи ученыхъ, которая его окружала. Въ борьбѣ Ломоносова съ Нѣмцами участвовалъ не какой нибудь предразсудокъ, возбуждающій одинъ народъ противъ другаго. Нѣтъ, онъ умѣлъ уважать науку и ученыхъ, въ какомъ бы народѣ они ни являлись. Мы знаемъ его отношенія къ Эйлеру, Бернулли и другимъ; знаемъ и дружбу, какая соединяла его съ профессоромъ физики Рихманномъ. Вспомнимъ трогательное письмо, написанное Ломоносовымъ къ Шувалову тотчасъ по смерти Рихманна, убитаго громомъ во время электрическихъ опытовъ, которые производилъ онъ надъ машиною для рѣшенія вопроса о громоотводахъ. «Г. Рихманнъ—такъ писалъ Ломоносовъ—умеръ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность». Какъ усердно молитъ онъ Шувалова исходатайствовать пенсію вдовѣ и сиротамъ, и прибавляетъ, что за такое благодѣяніе будетъ больше почитать, чѣмъ за свое!

Такъ любилъ Ломоносовъ тѣхъ Нѣмцевъ, которые честно трудились для науки въ нашемъ отечествѣ. Но неутомимо и грозно преслѣдовалъ онъ тѣхъ, которые, какъ Таубертъ и Шумахеръ, хотѣли держать науку въ Россіи исключительно въ рукахъ нѣмецкихъ, преслѣдовали русскихъ молодыхъ ученыхъ, задерживали жалованье у тѣхъ, которые учились за границею, и всякими злоупотребленіями вредили дѣлу наукъ въ академіи. Но, кромѣ Нѣмцевъ, отъ него доставалось и тѣмъ Русскимъ, кото-

рые, какъ напримѣръ Тепловъ, препятствовали процвѣтанію наукъ.

Отношенія между Ломоносовымъ и Шуваловымъ были въ высшей степени благородны и честны. Ни одной оды не посвятилъ онъ ему, какъ это случалось съ нѣмецкими поэтами въ ихъ отношеніяхъ къ знатнымъ меценатамъ. Письма Ломоносова къ Шувалову остались въ нашей литературѣ прекраснымъ памятникомъ той дружбы, которая связывала вельможу и ученаго. Съ какою искренностію передаетъ ему Ломоносовъ свои чувства, повѣряетъ свои труды, указываетъ на препятствія! Вездѣ сохранилъ онъ достоинство и благородство. Особенно достопамятно письмо, которое написалъ Ломоносовъ на другой день послѣ обѣда, бывшаго у Шувалова. На этотъ обѣдъ были приглашены вмѣстѣ и Ломоносовъ, и Сумароковъ, который искалъ случая излить желчь зависти на великаго ученаго. Ломоносовъ избѣгалъ столкновеній съ нимъ и не зналъ, что былъ вмѣстѣ съ нимъ приглашенъ къ столу. Долго ждали Ломоносова гости и хозяинъ. Удержанный занятіями, онъ явился гораздо позже обѣденнаго часу; но лишь только, войдя въ гостиную, замѣтилъ Сумарокова, какъ опрометью убѣжалъ изъ нея. Шуваловъ удерживаетъ его ласковыми словами, говоря: «Михаилъ Васильевичъ, мы тебя такъ долго ждали, а ты же насъ покидаешь».—«Нѣтъ, ваше превосходительство, вотъ съ этимъ дуракомъ я обѣдать у васъ не хочу», отвѣчалъ Ломоносовъ, выходя изъ комнаты и пальцемъ указывая на Сумарокова. На другой день Шуваловъ получилъ отъ Ломоносова письмо, въ которомъ съ первыхъ строкъ прочелъ слѣдующія слова: «Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ».

Извѣстенъ еще отвѣтъ, сказанный Ломоносовымъ Шувалову, когда послѣдній однажды, въ порывѣ гнѣва на его горячность, угрожалъ ему словами: «я отставлю тебя отъ академіи».—«Нѣтъ, развѣ академію отъ меня отставятъ», отвѣтилъ Ломоносовъ.

За нѣсколько дней до кончины, Ломоносовъ говорилъ другу своему, академику Штелину: «Чувствую, что скоро умру. На смерть смотрю совершенно спокойно, а сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить того, что̀ началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною». Эта предсмертная скорбь касалась любимой мысли Ломоносова, которой онъ посвятилъ всю жизнь: водворить науку между соотечественниками. Ломоносовъ скончался 3-го апрѣля 1765 года, на третій день Пасхи.

Отъ жизни Ломоносова перейдемъ къ главному его подвигу—наукѣ. Для насъ весьма важно знать, какъ первый нашъ ученый, насадившій науку въ нашемъ отечествѣ, разумѣлъ ея отношенія къ вѣрѣ, къ государству и къ народной жизни, равно и отношенія наукъ между собою. Мы и теперь могли бы принять безопасно за лучшее для насъ руководство отвѣтъ Ломоносова на эти вопросы. Вопросъ объ отношеніи науки къ вѣрѣ занималъ уже тогда ученыхъ. Опасались внести раздоръ въ эти двѣ сферы, — раздоръ, который могъ погубить гармонію душевныхъ силъ человѣка. У насъ также былъ въ ходу этотъ вопросъ, и вотъ какъ рѣшалъ его Ломоносовъ въ своемъ сочиненіи, написанномъ по случаю одного астрономическаго наблюденія: «Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя; никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ учитель нашея премудрыя православныя Церкви». Здѣсь Ломоносовъ приводитъ свидѣтельства изъ Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, и продолжаетъ: «Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались». «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, что-

бы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — священное писаніе. Въ ней показано создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ Богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ иной книгѣ сложенія видимаго міра, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители Божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю измѣрять циркулемъ. Таковъ же и Богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтыри научиться можетъ астрономіи и химіи». — «Посмѣянія достойны таковые люди.... подобно какъ нѣкоторые католицкіе философы дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божія, и самыя страшныя таинства христіянскія. Сему излишеству есть съ другой стороны подобное, но и притомъ приращенію наукъ помѣшательное нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы они были противны закону, коимъ самымъ мнимымъ защищеніемъ дѣйствительно его поносятъ, представляя оный непріятелемъ натурѣ, не меньше отъ Бога происшедшей, и называя все то соблазномъ, чего не понимаютъ. Но всякъ изъ таковыхъ вѣдай, что онъ ссорщикъ, что старается произвести вражду между Божіею Дщерію, натурою, и между невѣстою Христовою, Церковью». — «Натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не токмо небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію». Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ мыслей Ломоносовъ заимствовалъ изъ Бэкона.

Какъ разумѣлъ нашъ ученый отношеніе наукъ къ государству? Онъ выразилъ мнѣніе о томъ въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ, гдѣ представляетъ академію наукъ центральнымъ мѣстомъ въ государствѣ, подающимъ голоса свои и совѣты по

всѣмъ главнымъ вѣтвямъ государственнаго управленія. Вотъ его слова: «Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монархическому лицу изъ пресвѣтлаго ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верховъ корабельныхъ и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли и къ нимъ бы любовію склонялись». Здѣсь академія изображена не какимъ-то отвлеченнымъ отъ государственной жизни учрежденіемъ, а живымъ средоточіемъ, дающимъ государству жизнь вполнѣ разумную и сознательную.

Наука не ослѣпляла Ломоносова и не мѣшала ему видѣть недостатки въ нашей жизни. Въ своемъ превосходномъ разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ народонаселеніе Россіи, онъ указываетъ, между прочимъ, на злоупотребленіе постовъ и на быстрые переходы къ розговѣнью, въ день праздника Пасхи. Приведемъ картину изъ народной жизни, рѣзко и вѣрно изображенную Ломоносовымъ.

«Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. Христосъ Воскресе! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены! Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ наполненная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ... Тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ; тамъ валяются обнаженные и утомленные недавніе строгіе постники. О! истинное христіянское пощеніе и празднество! Не на такихъ ли Богъ негодуетъ у Пророка: «Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною?» — Далѣе Ломоносовъ воображаетъ святителей, говорящихъ такія слова духовнымъ наставникамъ Русскаго народа: «Ученіемъ вкорените

всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубійства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества; что обманщикъ, грабитель, не правосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ, и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и пророки висятъ: Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя.....».

Превосходно понималъ Ломоносовъ ту связь, какая должна существовать между науками естественными и словесными. Онъ съ равною ревностію принадлежалъ какъ первому, такъ и второму отдѣленію философскаго факультета. Во Франціи до сихъ поръ существуетъ непобѣдимый предразсудокъ, полагающій вражду между такъ называемыми учеными (savants) и словесниками (lettrés). Sciences et lettres, науки и словесность, доселѣ ведутъ здѣсь такую вражду непримиримую, которая образуетъ два враждебныхъ стана между мужами слова и мужами знанія. Вспомнимъ, какъ Шатобріанъ не щадилъ своего краснорѣчія противъ наукъ математическихъ. У насъ, съ самаго возникновенія науки, такой предразсудокъ отсутствовалъ, и мы за то благодарны Ломоносову.

Не мое дѣло оцѣнивать подвиги Ломоносова въ наукахъ естественныхъ. Это дѣло совершено у насъ ученымъ, который наслѣдовалъ отъ Ломоносова соединенную любовь къ физико-математическимъ и словеснымъ наукамъ, академикомъ Перевощиковымъ. Ломоносовъ стоялъ въ уровень съ наукою природы своего столѣтія. Его изслѣдованія надъ электричествомъ и стремленіе приложить ихъ къ устроенію громоваго отвода — современны Франклиновымъ. Его мнѣніе о теплотѣ предшествовало Рум-

фордову. Во всѣхъ изслѣдованіяхъ природы Ломоносовъ имѣлъ въ виду отечество. Начала металлургіи внесены имъ изъ рудниковъ Фрейберга въ нѣдра Русской земли. Онъ начерталъ проектъ собиранія разныхъ камней, глинъ и песковъ по дэревнямъ цѣлой Россіи. Онъ, первый, задумалъ собирать въ музеи остатки допотопныхъ животныхъ, остовы которыхъ такъ часто встрѣчаются во внутренности русской почвы. Онъ, первый, возымѣлъ мысль воздѣлывать торфъ въ Россіи. На мореплаваніе смотрѣлъ онъ не въ видахъ лишь одной торговли, но въ высшихъ видахъ науки, и извѣстенъ изобрѣтеніемъ особеннаго морскаго барометра.

Не могу не обратить здѣсь вниманія на способъ изложенія Ломоносова въ естественныхъ наукахъ. У насъ, отъ нечего дѣлать, въ журнальной литературѣ много спорили о томъ, поэтъ Ломоносовъ или нѣтъ. Странно было бы творца русскаго стиха не признать за поэта. Но этотъ вопросъ еще впереди. Теперь же скажемъ, что рѣдкій естествоиспытатель умѣлъ роднить науку съ поэзіею такъ, какъ Ломоносовъ. Изображаетъ ли онъ въ своихъ ученыхъ рѣчахъ дѣйствіе силъ природы, рисуетъ ли ея картины, снимая ихъ съ природы отечественной, — вездѣ онъ является поэтомъ. Вотъ, для примѣра, какъ описываетъ онъ образованіе земли въ нашей странѣ:

«Посмотрите на благословенное свое отечество и сравните съ другими странами. Увидите въ немъ умѣренное натуры подземнымъ огнемъ дѣйствіе. Ни Альпійскими или Пиренейскими суровыми верхами къ вѣчной зимѣ, господствующей въ верхней атмосферѣ, возвышены, ниже глубокими пропастьми въ болотистую сырость унижены страны наши; но пологія восхожденія и наклоненія полей плодоносныхъ, не лишенныя при томъ металловъ, распространяются къ угодности нашей. Не разсѣлинами земными, ядовитые пары испущающими растерзанное, но зелѣнѣющими лѣсами и пажитями украшенное пространство чувствуетъ благорастворенное дыханіе вѣтровъ. Не колеблемся частыми земными трясеніями, которыя едва когда у насъ слы-

ханы; но какъ земнаго нѣдра, такъ и всего общества внутреннимъ покоемъ наслаждаемся».

Вотъ другое изображеніе силы земли при раздѣленіи воды и суши:

«Прирастаютъ морскіе берега отъ смытаго съ горъ песку дождями, какъ во многихъ мѣстахъ видны отдѣленныя нѣсколько отъ береговъ мели, которыя съ одной стороны съ горъ стекающія воды валятъ отъ земли, а съ другой море съ берегу прибиваетъ волнами. Заносятъ вѣтры пескомъ домы и башни; и высокихъ пирамидъ египетскихъ едва только видны изъ песку однѣ вершины. Но такимъ силамъ не подвержены великія горы. Свидѣтельствуютъ сильнымъ бурямъ и тучамъ смѣющіеся каменные хребты и вершины, презирающіе ужасную быстрину великаго Океана, малые острова и пороги Днѣпровскіе, Нильскіе, Ніагарскіе и другіе, ни во что вмѣняющіе съ ужаснымъ шумомъ падающихъ тяжкихъ водъ стремленіе. Иной силы требовала земная ровная наружность, чтобы много выше равновѣсія морскаго поднять всю Азію, или хотя часть ея, Рифейскія горы. Иное должно было происходить движеніе, иной шумъ, звукъ и громъ, нежели каковы чувствуемъ во время сильной грозы и бури, при волнахъ бьющаго въ берега моря, или отъ стремленія падающихъ великихъ пороговъ; иное тогда было стенаніе раболѣпствующія натуры, когда повелѣлъ Творецъ: да явится суша».

Вотъ какъ Ломоносовъ представляетъ горную сторону нашихъ рѣкъ и въ ней тайны, скрываемыя земными нѣдрами: «Для того возведите, слушатели, мысленный взоръ вашъ къ берегамъ великихъ рѣкъ, которыми особливо Россійская держава наполняется, гдѣ между многими вниманія достойными вещами представляются оныя крутизны, которыя отъ стремленія подмывающей воды имѣютъ свое происхожденіе. Коль чудный видъ разныхъ слоевъ зрѣніе человѣческое къ себѣ привлекаетъ! Тамъ видны всякіе цвѣты; индѣ разная твердость и сложеніе земной внутренности; тамъ показываются слои поваленныхъ лѣсовъ и землею глубоко покрытыхъ; индѣ кости животныхъ и деревян-

ныя дѣла рукъ человѣческихъ изъ средины осыпавшейся земли проникаютъ. Всѣ сіи позорища такого суть состоянія, что едва ли гдѣ натура подземныя слоевъ тайны больше, какъ въ оныхъ крутизнахъ, открываетъ».

Чтобы показать всю живость воображенія, съ какою Ломоносовъ переносился къ явленіямъ природы, приведемъ еще одно мѣсто, гдѣ онъ выводитъ червячковъ, заключенныхъ въ янтарѣ, и такъ объясняющихъ свое въ нихъ явленіе: «Пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ влажностію растеніямъ, искали и собирали все, что служитъ къ нашему пропитанію; услаждаясь между собою пріятностію благорастворенпаго времени и послѣдуя разнымъ благовоннымъ духамъ, ползали и летали по травамъ, листамъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти. И такъ садились мы на истекшую изъ деревъ смолу, которая насъ привязавъ къ себѣ липкостью, плѣнила, и безпрестанно изливаясь покрыла и заключила отвсюду. Потомъ отъ землетрясенія опустившееся внизъ лѣсное наше мѣсто вылившимся моремъ покрылось; деревья опроверглись, иломъ и пескомъ покрылись, купно со смолою и съ нами; гдѣ долготою времени минеральные соки въ смолу проникли, дали большую твердость, и словомъ, въ янтарь претворились, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ. Въ рудныя жилы пришли мы не иначе и не въ другое время, какъ находящееся съ нами окаменѣлое и мозглое дерево».

Отъ естествоиспытателя перейдемъ къ словеснику. Три славныхъ дѣла совершены Ломоносовымъ въ области русскаго языка и словесности.

Онъ, первый, далъ преимущество русской народной стихіи надъ славяно-церковною и утвердилъ то правилами русской грамматики. Онъ, первый, замѣтилъ единство языка русскаго въ устахъ народа на неизмѣримомъ пространствѣ нашего отечества. Московскому нарѣчію онъ далъ преимущество въ произношеніи образованнаго общества. Въ своей грамматикѣ онъ приводитъ

мнѣніе Карла V о разныхъ языкахъ Европы: Карлъ говоритъ, что на испанскомъ языкѣ прилично бесѣдовать съ Богомъ, по-итальянски говорить съ женщинами, по-французски съ друзьями, по-нѣмецки съ врагами. По мнѣнію Ломоносова, на русскомъ языкѣ можно вести всѣ эти разнообразныя бесѣды.

Но давъ преимущество русской народной стихіи въ языкѣ литературномъ, Ломоносовъ не порвалъ той связи, которая съ самаго крещенія Руси существовала между нашимъ народнымъ языкомъ и славяно-церковнымъ. Онъ поставилъ оба въ надлежащее правильное отношеніе и указалъ на языкъ церкви, какъ на великую сокровищницу, изъ которой русскіе писатели могутъ черпать выраженія для своихъ мыслей. Въ своемъ изслѣдованіи *О пользѣ чтенія церковныхъ книгъ*, онъ утвердилъ научно то, что̀ давно уже существовало въ жизни Русскаго народа. Это дѣло Ломоносова было оправдано всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ русской словесности.

Вторымъ дѣломъ Ломоносова было введеніе въ русскую поэзію тоническаго метра. Съ него начинается ея художественный періодъ. До Ломоносова мы имѣли силлабическій стихъ, занесенный къ намъ изъ Польши. Симеонъ Полоцкій наложилъ на него печать отверженія неудачнымъ переложеніемъ псалмовъ. Кантемиръ въ своихъ сатирахъ вывелъ этотъ стихъ изъ опалы; но, не смотря на то, онъ не пришелся по духу русскаго языка. Нововведеніе Ломоносова было принято и затѣмъ усовершенствовано нашими славными поэтами. Тредьяковскій хотѣлъ-было похитить у Ломоносова славу этого подвига; но сто̀итъ сличить его оду на взятіе Гданска (Данцига) перваго изданія (1735 года) съ послѣдующею передѣлкою, чтобы убѣдиться въ неудачѣ попытки. Въ первомъ изданіи вовсе нѣтъ тоническаго метра; а въ передѣлкѣ, которая совершена по указанію Ломоносова, уже слышенъ правильный хорей. По недавнему открытію, сдѣланному академіею наукъ въ бумагахъ Ломоносова, теперь ведутъ начало тоническаго метра отъ оды, переведенной Ломоносовымъ изъ Фенелона. Но это былъ только первый и притомъ слабый опытъ;

вѣрнѣе же будетъ считать введеніе у насъ тоническаго метра съ славной оды Ломоносова на взятіе Хотина (1739).

Третьимъ дѣломъ Ломоносова было построеніе русскаго періода по латинскому образцу. Къ величавому нашему языку пристала и римская тога; но излишняя искусственность не въ характерѣ Русскаго народа. Ломоносовъ самъ уже сбрасывалъ тяжелыя формы латинскаго синтаксиса, когда, предаваясь искреннимъ изліяніямъ сердца, писалъ письма къ Шувалову, или хвалилъ любимаго своего героя, Петра. Здѣсь онъ уже предсказывалъ будущій конецъ своему латинскому періоду, закованному въ пышную риторическую фигуру.

Теперь перейдемъ къ поэту. Ломоносовъ, какъ родоначальникъ художественнаго періода русской поэзіи, долженъ былъ создать образцы во всѣхъ родахъ ея: эпическомъ, лирическомъ, драматическомъ и дидактическомъ; но все его достоинство и главный характеръ, какъ поэта, сосредоточивается въ двухъ видахъ лирики — духовномъ и торжественномъ. Оба эти вида лирики развивались тогда въ современной поэзіи, французской и нѣмецкой, которыя обѣ дали ему образцы для подражанія. Духовныя и торжественныя оды Гинтера, господствовавшія тогда въ Германіи, предложили внѣшнюю кройку для его лирической строфы. Придворная, торжественная ода была особенно въ ходу. Безъ нея не совершалась ни одна побѣда, не проходилъ ни одинъ праздникъ. Поэтъ долженъ былъ явиться въ парадной формѣ, въ напудренномъ парикѣ, съ торжественной подъ мышкою одой въ александрійскій листъ, богато переплетенной. Все было тогда на фижмахъ и въ пудрѣ. Аполлонъ и Музы не избѣгали условныхъ формъ придворнаго этикета.

Трудно было въ этихъ оффиціальныхъ виршахъ придворной поэзіи развиваться ея истинному, свободному духу. Не смотря на это, Ломоносовъ и въ этихъ веригахъ все-таки является у насъ богатыремъ и исполиномъ. Какъ несравненно выше и благороднѣе стоитъ онъ противъ своего нѣмецкаго образца, Гинте-

ра! Вы не встрѣтите у Ломоносова ничего подобнаго слѣдующей Гинтеровой строфѣ:

Ich, Herr! dein tiefster Unterthan,
Will, bleib' ich auch im Staube sitzen,
Noch mehr auf deiner Ehrenbahn
Als vor dem Elendsofen schwitzen.
Verstoss mich an den kalten Bär,
Ich geh, und gern, und find' ein Meer
Dein Lob in ewig Eis zu schreiben;
Denn weil mir Augen offen stehn,
Soll Carl und Tugend und Eugen
Die Vorschrift meiner Musen bleiben *).

Главнымъ источникомъ для духовныхъ одъ Ломоносова служили псалмы Давидовы. Псалтырь съ самыхъ древнихъ временъ нашей христіанской жизни былъ любимою настольною книгою Русскаго человѣка. У него было въ обычаѣ, въ тяжкія минуты жизни, прибѣгать въ псалтырю какъ къ другу и совѣтнику, и развертывая его страницы, искать въ нихъ утѣшенія въ горѣ и наставленія своихъ дѣйствій.... Мы знаемъ объ этомъ обычаѣ изъ Поученія Владиміра Мономаха. Этого обычая держались и наши славные русскіе лирики, жизнь которыхъ не была еще оторвана отъ древнихъ корней своихъ. Конечно, въ одну изъ горькихъ минутъ жизни Ломоносова, подъ наитіемъ псаломскаго стиха, вылилась изъ устъ его слѣдующая строфа:

Ни кто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ,
Ихъ тѣжъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

*) О, господинъ! я, твой нижайшій подданный, хотя бы и оставался всегда во прахѣ, но хочу трудиться до поту лица скорѣе на твоемъ почетномъ поприщѣ, чѣмъ передъ жалкимъ очагомъ домашнимъ. Прогони меня къ холодному медвѣжьему полюсу, я пойду, и охотно, и найду море, на вѣчныхъ льдахъ котораго буду писать тебѣ похвалу, ибо пока у меня глаза открыты, Карлъ, добродѣтель и Евгеній будутъ служить образцемъ для моихъ музъ.

Согласно съ влеченіемъ къ природѣ и ея явленіямъ, Ломоносовъ любилъ перелагать особенно тѣ псалмы, которые называются псалмами премудрости и въ которыхъ псалмопѣвецъ исповѣдуетъ Бога въ величіи его созданій. Такъ и Державинъ, согласно съ особенностію своего призванія, любилъ въ псалмахъ пѣсни правды. Особенно прекрасно у Ломоносова, къ сожалѣнію недоконченное, переложеніе *103-го* псалма, въ которомъ такъ великолѣпно изображается картина всего созданія. Въ этомъ переложеніи Ломоносовъ побѣдоносно состязался съ Сумароковымъ и Тредьяковскимъ. Прочтемъ хотя двѣ послѣднія строфы:

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ,
Вино въ печали утѣшаетъ,
И сердце радостью живитъ.

*
* *

Древамъ даешь обильный тукъ,
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

Сюда же относится столь извѣстное переложеніе изъ книги Іова, гдѣ самъ Творецъ природы словомъ устъ своихъ развиваетъ великолѣпную картину ея. Кромѣ переложеній, Ломоносовъ, въ подражаніе пѣснямъ премудрости, сложилъ самъ два размышленія о Божіемъ величествѣ, утреннее и вечернее. Послѣднее, написанное по случаю великаго сѣвернаго сіянія, внушено было ему тѣми явленіями природы, которыхъ онъ нерѣдко бывалъ изумленнымъ свидѣтелемъ съ самаго дѣтства. Первая строфа этого размышленія, и въ ней особенно два заключительные стиха, останутся навсегда однимъ изъ высокихъ созданій нашей первоначальной лирики въ художественномъ періодѣ словесности.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на го́ры черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Перейдемъ къ одамъ торжественнымъ. Если бы мы обратили только поверхностное вниманіе на тѣ оффиціальные, придворные случаи, по поводу которыхъ написаны эти оды, то могли бы, подобно другимъ легкомысленнымъ критикамъ, отвергнуть въ нихъ всякую поэзію и отнести ихъ къ той блаженной памяти нѣмецкой Hofpoesie, которая по наружности только имѣла на нихъ вліяніе. Но если вникнемъ въ глубину внутренняго содержанія этихъ одъ и обнимемъ одною мыслію все его богатство, то придемъ къ заключенію, что торжественная ода Ломоносова, по внутренней идеѣ, ее одушевляющей, совершенно соотвѣтствуетъ древней государственной, монументальной одѣ Пиндара. Жаль, что форма нашей оды снята не съ нея, а по современному вліянію съ нѣмецкой оды Гинтера и французской—Жана-Батиста-Руссо. Если бы ода Ломоносова, при богатствѣ внутренняго содержанія, получила болѣе художественную форму, то могла бы быть однимъ изъ совершенныхъ явленій нашей поэзіи. Но такую форму она могла бы усвоить только отъ жизни народной, развѣ въ хороводной ея пѣсни. Между тѣмъ связь между государственною и народною жизнію со времени Петра уже появилась, — и вотъ почему лирика въ лицѣ Ломоносова, Державина и другихъ искала формъ для своего проявленія не въ своей народной жизни, а въ чужой. Не смотря однако на этотъ разрывъ, Ломоносовъ, какъ человѣкъ геніальный, все-таки оставался Русскимъ. Подъ веригами академической и придворной оффиціальности, подъ пудрой, парикомъ и мундиромъ, въ оковахъ напыщенной риторики вѣка, которая равно обнаруживалась и въ фижмахъ костюмовъ, и въ цугахъ каретъ, и въ фигурныхъ реченіяхъ сло-

ва, — въ Ломоносовѣ все-таки сказывался русскій богатырь и поэтъ.

Что же давало внутреннее содержаніе торжественной поэзіи Ломоносова? Кто былъ ея главнымъ героемъ? Въ чемъ заключалась ея единая, органическая мысль? То была—Россія.

Но пусть Ломоносовъ самъ, своими словами, познакомитъ насъ съ внутреннимъ содержаніемъ своей лирики. Между его произведеніями есть анакреонтическія оды, извѣстныя подъ названіемъ *Разговора съ Анакреономъ*. Въ нихъ мы можемъ найти его же отвѣтъ на нашъ вопросъ. Анакреонъ предлагаетъ художнику написать портретъ любимой женщины слѣдующими чертами:

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ снѣгъ представь бѣлу́.
Проведи дугами брови
По высокому челу.
Не сведи одну съ другою,
Не разставь ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

Ломоносовъ, въ отвѣтѣ на предложеніе Анакреоново, обращается къ художнику съ другою мыслью и предлагаетъ ему изобразить его *возлюбленную мать*. Эта мать—Россія. Ломоносовъ говоритъ:

Изобрази Россію мнѣ:
Изобрази ей возрастъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Отрады ясность по челу,
И вознесенную главу.

* * *

Потщись представить члены здравы,
Какъ должны у богини быть,
По плечамъ волосы кудрявы
Признакомъ бодрости завить.

Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажетъ послѣ тучъ покой.

***

Возвысь сосцы млекомъ обильны,
И чтобъ созрѣвша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
Въ бесѣдѣ бъ важность обѣщали
И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чистый голосъ лебедей,
Коль можно, хитростью твоей.

***

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы міру
И расправъ предписать конецъ.
О, коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви Мать
И повели войнамъ престать!

Ломоносовъ былъ въ новой Россіи еще древнимъ русскимъ человѣкомъ, и не могъ въ своей поэзіи воспѣвать личныхъ своихъ чувствъ красавицамъ чувственнымъ, а приносилъ ихъ въ жертву великой общинѣ своего народа, которую называлъ своею матерью,—Россіи.

Вотъ съ какой точки зрѣнія взглянемъ мы на его государственную лирику, и тогда предстанетъ намъ ясно все богатство ея содержанія. Здѣсь на первомъ планѣ мы встрѣтимъ это монументальное, исполинское изображеніе Россіи, изваянное пластическимъ словомъ Ломоносова:

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольство исчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

Этотъ исполинскій образъ Россіи, локтемъ опершейся на Кавказъ, свидѣтельствующій особенную силу пластическаго слова въ Ломоносовѣ, невольно напоминаетъ намъ мраморное, колоссальное изваяніе Нила, усѣянное младенцами-народами, которые онъ питаетъ. Его совершили Римляне во времена своей славы, когда завоевали Египетъ. Оно украшаетъ одну изъ залъ Ватикана.

Неизмѣримость пространства, занимаемаго Россіею, такъ изображаетъ Ломоносовъ, обращаясь къ солнцу:

Въ Россійской ты державѣ всходишь
Надъ нею дневный путь преводишь
И въ волны кроешь пламень свой.

А вотъ картина изобилія русской природы, особенно хлѣбородной:

Хребты полей прекрасныхъ, тучныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
Дѣлъ послухи Петровыхъ звучныхъ,
Съ веселіемъ поминая трудъ,
Тебѣ обильны движутъ воды,
Тебѣ, Монархъ, плодятъ народы,
Несутъ довольство всѣхъ потребъ,
Что воздухъ и вода рождаетъ,

Что мягкая земля питаетъ,
И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

Среди городовъ русскихъ возвышается Москва. Вотъ какъ сочувственно Ломоносовъ изображаетъ ее:

Москва, стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими стѣнами
Вѣнчанну взводитъ къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Новую столицу Ломоносовъ славитъ особенно за ея прекрасную Неву.

Державные двигатели историческихъ судебъ Россіи нерѣдко являются въ одахъ Ломоносова: Дмитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Михаилъ, Алексѣй, и особенно Петръ, какъ его любимый герой, какъ насадитель науки въ Россіи. Эти явленія можно сравнить съ тѣнями воинственныхъ героевъ въ поэмахъ Оссіановыхъ, которыя проносятся въ облакахъ. Иногда отверзутся небеса, и герои вступаютъ въ бесѣду между собою: такъ, напримѣръ, Іоаннъ Грозный съ Петромъ въ самой первой одѣ. Иногда раздается изъ облаковъ громозвучный голосъ Петра. За Петромъ слѣдуетъ Елисавета, любимая его дочь. Она родилась въ годъ Полтавской битвы. Петръ получилъ извѣстіе о ея рожденіи, когда праздновалъ въ Москвѣ свою славную побѣду.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды русской звукъ гремѣлъ,
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ твоихъ....

Елисавета была русская красавица на русскомъ престолѣ. Ломоносовъ такъ воспѣлъ ея голубые глаза:

Въ тебѣ прекрасный домъ создали
Души великой небеса,
Свое блистáнье изліяли
Въ твои пресвѣтлы очеса....

Она была мастерица ѣздить верхомъ. Въ одной изъ одъ встрѣчаемъ изображеніе императрицы на рѣзвомъ скакунѣ:

Коню бѣжать не воспрещаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Но особенно славитъ поэтъ въ царицѣ кроткій духъ, побудившій ее къ уничтоженію смертной казни, и влагаетъ ей въ уста такія слова:

Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь:
Владѣть хочу зефира тише;
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свыше
Въ уста прощенье, въ сердце Богъ!

Славитъ лирикъ неизмѣримыя физическія силы Россіи, славитъ и ея воинскіе подвиги. Въ одахъ его встрѣчаемъ Донскую битву, завоеваніе Казани и Астрахани, взятіе Азова, Полтавскую побѣду, взятіе Хотина, Семилѣтнюю войну и сдачу намъ Берлина. Но выше всѣхъ военныхъ дѣлъ Ломоносовъ полагаетъ мирное призваніе Россіи водворять повсюду тишину, и среди ея распространять науки и просвѣщеніе:

И выше какъ военный звукъ
Поставить красоту наукъ.

—

Отъ той Европа ожидаетъ
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

Россійска тишина предѣлы превосходитъ,
И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюетъ воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

Государство, наслаждающееся тишиною и спокойно развивающее свои внутреннія силы,—любимая мечта поэта. Вотъ двѣ такія строфы изъ одъ 8-й и 9-й:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

—

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечь да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

Это богатое патріотическое содержаніе государственной лирики Ломоносова, подобно какъ Пиндарово, усѣяно множествомъ

отдѣльныхъ мыслей, которыя связываютъ его въ одно органическое цѣлое. Эти мысли являются иногда въ видѣ поэтическихъ образовъ, взятыхъ изъ природы: то рѣки, несущей воды къ морю, то Этны, извергающей лаву, то роя пчелъ, вылетающихъ въ луга, усыпанные цвѣтами. Иногда же онѣ являются въ видѣ глубокихъ размышленій: такова мысль о необходимости войны, которая назначена къ тому, чтобы оживлять народы къ дѣятельности противъ вреднаго для нихъ застоя.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнныхъ производятъ гадъ.

Лирикъ преимущественно почерпаетъ такія сочувственныя размышленія изъ главной мысли своей жизни — науки. Онъ указываетъ на общее назначеніе наукъ въ жизни человѣческой словами Цицерона:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Эпоха преобразованій Петра имѣетъ для Ломоносова особенное значеніе потому, что съ нея началось введеніе наукъ въ Россіи:

Тогда божественны науки
Чрезъ гòры, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху, говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды».
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Ужѐ Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Похвалы Елисаветѣ сосредоточены преимущественно въ томъ, что она назначена

Златой наукамъ вѣкъ возставить.

При вступленіи на престолъ Екатерины II, Ломоносовъ восклицаетъ:

Науки, нынѣ торжествуйте!
. . . . . .
Скажите, что для просвѣщенья
Повсюду утвердитъ ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

Онъ предсказываетъ, что она превзойдетъ Петра тѣми дѣлами,

Въ чемъ власть господствуетъ ума:
По ясныхъ знанія восходахъ,
Въ повѣренныхъ тебѣ народахъ
Невѣжества исчезнетъ тьма.

Онъ ненавидитъ односторонность Китая, окруженнаго толстыми стѣнами и вмѣняющаго въ ничто остальной свѣтъ,

Не зная, что обширны силы
Безъ храбраго искусства гнилы,
Какимъ Европы край цвѣтетъ.

Вотъ почему, съ восторгомъ любви къ просвѣщенію, онъ призываетъ науки природы въ отечество для изслѣдованія тѣхъ богатствъ, которыми она его подарила:

О вы, счастливыя науки
Прилежны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

***

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ.

Каждой наукѣ поэтъ задаетъ особенную задачу въ Россіи, и между прочимъ вотъ какой урокъ данъ механикѣ:

Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блата изсуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ Дщери соверши.

Но Ломоносовъ занимался науками не съ эгоизмомъ тѣхъ современныхъ ученыхъ, которые довольствуются или кабинетнымъ знаніемъ наукъ, удовлетворяющимъ ихъ собственной личной жаждѣ знанія, или унижаютъ науку, по выраженію Шиллера, до той коровы, которая кормитъ ихъ своимъ масломъ. Нѣтъ, Ломоносовъ любилъ науку не для себя только, а для своего народа и отечества. Онъ желалъ, чтобы она сдѣлалась собственностью всѣхъ даровитыхъ согражданъ, и такія рѣчи обращалъ къ молодымъ ученымъ своего времени:

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,

Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Въ этихъ словахъ ученый и поэтъ сливаются въ одно съ гражданиномъ. Да, это былъ ученый цѣльный, а не половинный. Идея науки пронизала его насквозь, но не отрѣпала ни отъ вѣры, ни отъ жизни, ни отъ поэзіи, ни отъ отечества, ни отъ народа. Чувство гражданина, то самое чувство, которое въ древнія времена одушевляло у насъ Пожарскихъ и Мининыхъ, внушило Ломоносову слѣдующія вдохновенныя строфы къ иноземцамъ, когда они, передъ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, вздумали посягнуть на коренныя основы жизни русскаго народа:

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольства вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдямъ дружбу
Позволила по вѣрѣ службу
Безпреткновенно приносить:
На то-ль склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

* * *

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей?
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ Россійскимъ родомъ

Умышленно отъ вашихъ главъ
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

* * *

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

Гражданинъ, сказавшій такія строфы, имѣлъ полное право подавать высокія назиданія правителямъ судебъ народныхъ, и вотъ что они слышали изъ устъ Ломоносова:

Услышьте, судіи земные,
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Въ этой строфѣ мы встрѣчаемъ одну изъ любимыхъ мыслей Ломоносова,—о *народной льготѣ*. Онъ вынесъ ее изъ крестьянскаго быта, и остался ей вѣренъ до конца жизни.

Мысль и чувство составляютъ два существенныхъ элемента лирической поэзіи, какъ болѣе субъективной. Изъ этихъ элемен-

товъ въ лирикѣ Ломоносова господствуетъ первый — мысль. Такое явленіе согласно было съ его особеннымъ призваніемъ къ наукѣ. Лирику Ломоносова можно справедливо назвать размышляющею, философскою. Этотъ элементъ находимъ во всѣхъ его произведеніяхъ, къ какому бы роду они ни относились.

Изъ художественныхъ элементовъ поэзіи, какъ искусства слова, господствуетъ въ Ломоносовѣ элементъ пластическій, ваятельный. Его слово можно сравнить съ рѣзцомъ художника. Въ его одахъ, надписяхъ, поэмахъ, трагедіяхъ, посланіи, вездѣ разсѣяны эти образы, какъ бы изваянные изъ русскаго слова рѣзцомъ искуснаго мастера. Такое преобладаніе пластическаго элемента первоначальной поэзіи русской, ея художественнаго періода — явленіе вполнѣ правильное, законное, а потому весьма осязаемое. Изъ элементовъ изящнаго, развиваемыхъ Ломоносовымъ, преобладаетъ элементъ высокаго. Вспомнимъ-ли звѣздное небо, или Россію, опершуюся локтемъ на Кавказъ, или переложеніе изъ Іова, — вездѣ видимъ тому подтвержденіе. И это опять-таки явленіе правильное: поэзія, какъ и природа, начинаетъ высокими созданіями; свѣтило въ небѣ, океанъ и горы на землѣ, предшествуютъ растеніямъ и цвѣтамъ.

Россія, въ лицѣ Императора Николая Павловича, почтила Ломоносова памятникомъ, воздвигнутымъ въ г. Архангельскѣ. Но Русскій народъ давно уже почтилъ его памятникомъ особаго рода, увѣковѣченнымъ въ пословицѣ: *уменъ какъ Ломоносовъ*.

ЛЕКЦІЯ 8.

Въ поэзіи Ломоносова одно обстоятельство особенно замѣчательно: это — отсутствіе сатирическаго элемента. Незначительное исключеніе составляютъ лишь немногія эпиграммы и рукописная ода на бороду. Послѣдняя послужила источникомъ мно-

гихъ непріятностей для автора. Тредьяковскій за нее упрекалъ Ломоносова даже въ безбожіи.

Дѣятельность творца русской науки была весьма многосторонняя. Онъ извѣстенъ, между прочимъ, введеніемъ у насъ мозаики. Мозаиковая икона Спасителя, произведеніе Ломоносова, украшаетъ торжественную залу Московскаго университета. Первый проектъ университета начертанъ, по желанію Шувалова, Ломоносовымъ. Мысль его при этомъ согласовалась съ огромными размѣрами нашего отечества: онъ желалъ колоссальнаго зданія науки въ сердцѣ Россіи; но мысли этой суждено осуществиться развѣ еще въ будущемъ. Въ Московскомъ университетѣ могла исполниться лишь одна любимая мысль его: вручить науку въ руки людей русскихъ, что̀ и началось тогда же: Поповскій и Барсовъ, первые русскіе профессоры въ Москвѣ, были учениками Ломоносова.

Современникомъ Ломоносова въ русской литературѣ былъ Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718 — 1777). Еще до Петра Великаго укоряли Русскихъ въ подражательности иностранцамъ и такъ называемомъ *чужебѣсіи*. Когда же Петръ распахнулъ настежь двери всему иностранному, эта страсть къ чужому дошла до какого-то кумиропоклоненія. Хотя ей противодѣйствовали въ словесности всѣ тѣ, на челѣ которыхъ сіяла печать оригинальнаго генія, но за то тѣ, которые были слабѣе и бездарнѣе, увлекались этою страстію до послѣдней крайности. Въ нихъ исчезало и народное, и личное достоинство. Примѣромъ тому служитъ Сумароковъ. Онъ хотѣлъ быть и Расиномъ, и Лафонтеномъ, и Ж.-Б. Руссо, но всего болѣе *господиномъ Вольтеромъ*, какъ его тогда называли. Вольтеръ для Сумарокова былъ какимъ-то идоломъ. Онъ обожалъ его, преклонялся предъ нимъ и коверкалъ его на свой ладъ.

Сумароковъ писалъ во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи, отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, и ни въ одномъ почти изъ нихъ не вышелъ изъ границъ посредственности. Но за нимъ осталось въ памяти Русскихъ почетное имя основателя русскаго театра.

Воспитанникъ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса, основаннаго при Аннѣ Іоанновнѣ, онъ сочинялъ трагедіи первоначально для своихъ младшихъ товарищей, которые были и первыми ихъ актерами. Кадетскій корпусъ послужилъ у насъ колыбелью классической французской трагедіи. Княжнинъ, зять Сумарокова, и Озеровъ, ученикъ Княжнина, получили образованіе также въ кадетскомъ корпусѣ.

Трагедія Сумарокова по внѣшней формѣ была жалкимъ подражаніемъ трагедіямъ Корнеля, Расина и Вольтера. Имена героевъ ихъ большею частію заимствованы изъ первоначальной русской исторіи, но одни только имена. Было внутреннее содержаніе въ трагедіяхъ, изображавшее благородныя личныя чувства западнаго рыцарства. Такъ, трагедія Хоревъ вся дышала чувствомъ любви къ отечеству, въ Синавѣ и Труворѣ изображается долгъ меньшаго брата; въ Семирѣ, обязанной успѣхомъ таланту актрисы Троепольской — долгъ сестры. Этимъ олицетвореніемъ чувствъ славы, чести, любви трагедія Сумарокова принесла въ свое время не малую пользу воинамъ-питомцамъ кадетскаго корпуса, между которыми считались: князь Репнинъ, князь Прозоровскій, графъ Панинъ, графъ Каменскій, графъ Румянцовъ-Задунайскій и другъ. Суворовъ хотя не воспитывался въ корпусѣ, но часто посѣщалъ его и участвовалъ трудами въ засѣданіяхъ литературнаго общества, которое основали кадеты. Изъ корпуса-же вышли: Херасковъ, Елагинъ, Свистуновъ, Мелиссино.

Но созданный кадетами театръ не сдѣлался достояніемъ русскаго общества и народа, ограничившись стѣнами корпуса. Истинная колыбель народнаго русскаго театра — въ Ярославлѣ, на берегахъ Волги. Въ то время, какъ Сумароковъ писалъ свои трагедіи для корпуса, актеры ихъ готовились въ Ярославлѣ, гдѣ собственно былъ основанъ русскій театръ купцомъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, первымъ даровитымъ русскимъ творцомъ-актеромъ. Но къ чести питомцевъ корпуса должно сказать, что игра ихъ, и особенно кадета Бекетова, имѣла значительное

вліяніе на Волкова. Около него образовались Дмитревскій и Шумскій, первый изъ которыхъ былъ также ученикомъ извѣстныхъ въ то время трагиковъ Гаррика и Лекена. Первою актрисою, которая рѣшилась пренебречь тогдашнимъ общественнымъ предразсудкомъ и выбрала сцену, была Мусина-Пушкина. О талантѣ Троепольской, вызывавшей слезы современниковъ, долго хранились преданія. Русскій театръ, какъ государственное учрежденіе, начался въ 1756 г. Первымъ директоромъ его въ Москвѣ былъ Сумароковъ, но недолго; казенные директоры, въ видахъ успѣха театра, должны были вскорѣ уступить мѣсто частнымъ лицамъ.

Сумароковъ пережилъ почти всѣ свои трагедіи, за исключеніемъ одной, которая и по смерти его еще долго оставалась на сценѣ. Трагедія эта — Лжедимитрій. Въ содержаніи и искусствѣ слабѣе другихъ, успѣхомъ своимъ она обязана была обилію либеральныхъ пѣсенъ въ ней. Прочтемъ отрывки:

Димитрій.

Все Божье и мое!

Георгій.

Себѣ я свой-ли самъ?

Димитрій.

И ты принадлежишь Царю и Небесамъ,
А будучи моимъ, своимъ себя не числи.

Георгій.

Моя-ль во мнѣ душа, кровь, сердце, умъ и мысли?

Димитрій.

То все не для тебя въ тебѣ сотворено,
Но Богу то и мнѣ совсѣмъ покорено.

Георгій.

Но Богъ свободу далъ своей послѣдней твари;
Такъ могутъ-ли то взять законно государи?

Въ другомъ мѣстѣ Лжедимитрій, изображающій гнуснаго тирана, говоритъ:

Не для народовъ я, народы для меня!

и еще въ другомъ мѣстѣ:

Россійскій я народъ съ престола презираю.

Сумарокову суждено было видѣть паденіе его трагедіи Синавъ и Труворъ; это совершилось въ Москвѣ, въ 1770 году. Москва всегда проявляла особенное стремленіе къ простотѣ и естественности въ искусствѣ сценическомъ. Не мудрено, что московскому обществу скоро опротивѣли тѣ западныя ходули, на которыхъ стояли трагедіи Сумарокова. Тогдашняя молодежь перевела слезную драму Бомарше Евгенію, которую дали на театрѣ и публика приняла съ восторгомъ. Сумароковъ взбѣсился на безвкусіе публики и жаловался въ письмѣ къ Вольтеру. Переводчика назвалъ онъ гдѣ-то безграмотнымъ подьячимъ. Поднялась литературная буря на Сумарокова; составился заговоръ: положили освистать Синава и Трувора. Въ заговорѣ участвовалъ содержатель театра, итальянецъ Бельмонти: онъ увѣрилъ московскаго главнокомандующаго, графа Салтыкова, что публика желаетъ непремѣнно видѣть на сценѣ Синава и Трувора. Сумароковъ, узнавъ о заговорѣ, противился представленію; но враждебная партія побѣдила: трагедія была дана и — освистана. Сумароковъ жаловался письменно императрицѣ Екатеринѣ, не щадя и Салтыкова, говоря, что ему поручена Москва, а не музы, что Сумароковъ — подданный императрицы, а не его, хотя онъ и кричитъ: «я такъ хочу и такъ приказываю!». Императрица отвѣчала Сумарокову: «Мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ». Съ тѣхъ поръ жизнь Сумарокова была однимъ продолжительнымъ паденіемъ. Онъ дошелъ до такого униженія своихъ трагедій, что вздумалъ составить изъ ихъ стиховъ любовную гадательную книжку и пустилъ ихъ на конфектные билетцы.

Сумароковъ былъ и лирикомъ во всѣхъ родахъ. Не смотря на преданность Вольтеру, онъ неутомимо перелагалъ въ стихи псалмы, церковныя стихиры и молитвы. Но въ его торжественныхъ одахъ наиболѣе замѣчательны тѣ, которыя онъ называлъ *вздорными* и въ которыхъ пародировалъ оды Ломоносова, выставляя въ смѣшномъ видѣ ихъ высокопарность. Замѣчательно, что Сумароковъ былъ родоначальникомъ оды-сатиры, впослѣдствіи такъ широко развитой Державинымъ. Сюда относится его остроумная ода отъ лица лжи, смѣло обличавшая современный ему рокъ. Вотъ стихи изъ нея:

Падите, смертны, предо мною;
Великая богиня я....
. . . . . .
Я ложь: вы скажете безспорно,
Колико стало мнѣ покорно
Мущинъ, ребятъ, дѣвицъ и бабъ:
Они мнѣ почести сугубятъ:
Одни меня скоты не любятъ,
А въ людяхъ рѣдкой мнѣ не рабъ.

Сумароковъ вообще имѣлъ большое призваніе къ сатирическому роду поэзіи. Отъ природы одаренный остроуміемъ, которое было еще воспитано вліяніемъ французской литературы, онъ принялся, однако, за сатиры уже поздно, послѣ своихъ неудачъ драматическихъ. Оттого сатира его ѣдка и исполнена личной желчи. Въ ней преслѣдовалъ онъ дворянскую спесь и чванство, лихоимство, плохое риѳмоплетство, плутовство всякаго рода и слѣпую страсть нашу къ французскому языку. Сатиры его служили отвѣтомъ его врагамъ на брань ихъ, и онъ съ гордостію говорилъ имъ:

Невѣжи какъ хотятъ пускай бранятъ меня,
Ихъ тѣсто никогда въ сатиру не закиснетъ;
А брань ни у кого на вороту не виснетъ.

Въ сатирахъ Сумарокова встрѣчаются иногда стихи очень мѣткіе. Вотъ отрывокъ изъ сатиры на предразсудки рода:

Ты честью хвалишься, котора не твоя:
Будь пращуръ мой Катонъ, но то Катонъ — не я.
На что о прадѣдахъ такъ много ты хлопочешь,
И спесью дуешься! будь правнукъ чей ты хочешь:
Родитель твой былъ Пирръ и Ахиллесъ твой дѣдъ;
Но если ихъ кровей въ тебѣ и знака нѣтъ,
Какого ты осла почтить себя заставишь?
Твердя о нихъ, себя ты пуще обезславишь:
Такой-ли, скажутъ, плодъ являетъ намъ та кровь!
Посѣянъ ананасъ, родилася морковь.

Притчи или басни Сумарокова долго оставались въ памяти его современниковъ. Только образцы Хемницера, Дмитріева и Крылова могли ослабить ихъ славу. Басня *Фебъ и Борей* жила долго и послѣ Сумарокова. Приведемъ небольшую притчу, чтобы дать понятіе о его остроуміи:

Ученый и богачъ.

Разбило судно,
Спасаться трудно;
Жестокій вѣтръ, жесточе какъ палачъ;
Спаслись однако тутъ ученый и богачъ.
Ученый разжился, богатый въ горѣ:
Наука въ головѣ, богатство въ морѣ.

Комедіи Сумарокова грѣшатъ наиболѣе недостаткомъ комическаго языка, котораго у насъ еще не существовало. Для созданія его нуженъ былъ талантъ выше Сумароковскаго, — талантъ Фонвизина. Но Сумароковъ двумя стихами выразилъ очень вѣрную мысль о комедіи:

Одно-ли дурно то на свѣтѣ, что грѣшно?
И то не хорошо, что глупостью смѣшно.

Въ комедіяхъ Сумароковъ обличалъ лицемѣріе и ханжество русскихъ святошъ, грабительства опекуновъ и лихоимцевъ, сочинителей пасквилей и модныхъ петиметровъ съ французскимъ языкомъ. Онъ не умѣлъ еще схватывать жизнь нравовъ русскаго общества, не имѣлъ комическаго стиля, но должно отдать ему справедливость, что онъ далъ многіе намеки для будущихъ комиковъ. Комедія его осталась не безъ преданій и для самаго Фонвизина. Въ ней встрѣчаемъ иногда благородные намеки на современныя явленія общества. Такъ, напримѣръ, онъ обратилъ вниманіе на дочерей славнаго нашего академика Крашенинникова, описателя Камчатки: онѣ жили въ горькой нищетѣ и *ходили въ крашенинѣ*, по выраженію Сумарокова.

Сумароковъ былъ, можно сказать, и первымъ русскимъ публицистомъ. Въ статьяхъ своихъ онъ обсуждалъ многіе вопросы высокой общественной важности. Таковы его предложенія: о необходимости привести русскіе законы къ единству, гдѣ въ первый разъ подана мысль о Сводѣ законовъ; объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ; о государственномъ совѣтѣ; объ обществѣ къ сохраненію силы и чистоты россійскаго слова, и проч. Кромѣ того въ его сочиненіяхъ разсѣяно множество благородныхъ мыслей о наукахъ, правосудіи, воспитаніи.

Много вредило таланту Сумарокова его непомѣрное самолюбіе и высокомѣріе. Онъ воображалъ себя такимъ полнымъ и единственнымъ властелиномъ русской литературы, что писалъ императрицѣ Екатеринѣ: «Авторъ въ Россіи не только по театру, но и по всей поэзіи я одинъ, ибо я стихъ рифмотворцевъ, которые своими сочиненіями давятъ Парнассъ, піитами не почитаю». Въ томъ-же письмѣ онъ говоритъ: «Кромѣ моихъ драмъ, ни трагедій, ни комедій во сто лѣтъ еще въ Россіи не будетъ». Такое самолюбіе не мѣшало ему, однако, отъ трагедій и комедій переходить къ конфектнымъ билетцамъ, которыми онъ также угощалъ русскую публику.

Въ русской лирикѣ средину между Ломоносовымъ и Державинымъ занималъ Василій Петровичъ Петровъ (1736 — 1800).

Уроженецъ Москвы, сынъ священника, онъ былъ питомцемъ Заиконоспасской академіи. Графъ Г. Г. Орловъ представилъ его императрицѣ Екатеринѣ. Потемкинъ любилъ въ немъ умнаго собесѣдника. Довольно долго Петровъ жилъ въ Англіи. При Екатеринѣ онъ былъ ея секретаремъ, чтецомъ и библіотекаремъ. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ сельскомъ уединеніи.

Древніе поэты, особенно латинскіе, а также и англійскіе, воспитали музу Петрова. Онъ перевелъ александрійскимъ стихомъ Энеиду Вергилія, довольно тяжело, но проложилъ тѣмъ путь для переводовъ Кострова и Мерзлякова. Въ прозѣ перевелъ онъ Мильтоновъ *Потерянный рай;* эта книга и до сихъ поръ одно изъ любимыхъ чтеній нашего простаго народа.

Ода Петрова имѣла характеръ государственный, и отзывалась на многія образовательныя учрежденія Екатерины. Но особенно прославилась его ода на Чесменскую побѣду. Своею формою она отступаетъ отъ оды Ломоносова и имѣетъ въ себѣ что-то болѣе пиндарическое. Пластическая стихія также выступаетъ въ одахъ Петрова, какъ и у Ломоносова, но не всегда удачно. Такъ, въ одѣ на взятіе Очакова, всѣ рѣки Россіи приходятъ къ Днѣпру и онъ ведетъ ихъ на свой лиманъ, чтобы показать имъ торжество Русскихъ. Петровъ очень изобилуетъ мыслями, но съ нимъ можно согласиться, когда онъ самъ такъ выражается объ этихъ мысляхъ:

Онѣ въ моей главѣ, какъ въ царствѣ мертвыхъ тѣни,
Тѣснятся, давятся, копошатся, кишатъ,
И сами выскочить изъ тьмы на свѣтъ хотятъ,
Да тутъ какая-то лѣпить ихъ есть уловка:
Вотъ это только мнѣ велика остановка! —

Много повредила языку Петрова славяно-церковная стихія. Онъ не умѣетъ отдѣлять ее отъ русской и слишкомъ употребляетъ во зло. Конечно, это было вліяніе духовной академіи, гдѣ онъ былъ исключительно воспитанъ.

Правъ былъ Гоголь, когда въ своемъ письмѣ о русскихъ поэтахъ сказалъ, что наши лирики были одарены духомъ пророчества. Это подтверждается многими доказательствами. Въ одахъ Ломоносова находимъ предсказаніе объ Амурѣ, которое исполнилось лишь на нашихъ глазахъ:

Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.

Петровъ, воспѣвая рожденіе императора Александра, говорилъ:

Ему поклонятся языки,
Его почтутъ земны владыки.

У него же есть предсказаніе о томъ, какъ Россія должна когда-нибудь стать во главѣ всего славянскаго племени и какое мѣсто должны занять въ этомъ хорѣ славянскихъ народовъ Поляки. Это сказано въ одѣ его на присоединеніе Польскихъ областей къ Россіи (1793). Въ ней видно, какъ смотрѣли мыслящіе умы наши на соединеніе Польши съ Россіею. Въ этомъ событіи они видѣли зародышъ полнаго союза славянскихъ племенъ, въ главѣ котораго должна, по своему историческому призванію, стоять Россія. Прочтемъ этотъ отрывокъ:

Пріидетъ нѣкогда то время,
Днѣпръ если можетъ что пророчь,
Въ которо все Славянско племя
Въ честь Норда препояшетъ мечъ.
Россъ будетъ тѣлеси главою,
Тронувъ свой родъ побѣдъ молвою.

Онъ каждый въ расточеньи членъ
Собравъ въедино совокупитъ,
И твердъ родствами гордо ступитъ
Межъ всѣхъ въ подсолночной колѣнъ.

***

Но вамъ, наперсники Россіи,
Поляки, первородства честь;
Вы дни предупредили сіи:
Вамъ должно прежде всѣхъ разцвѣсть.
Ставъ съ Россомъ вы въ одномъ составѣ,
Участвуйте днесь первы въ славѣ,
Въ блаженствѣ, въ имени его.
Сколь въ древности велики были,
Которы Римлянами слыли;
Днесь имя Россовъ таково.

Такъ понималъ Петровъ возможность соединенія Россіи и Польши въ общей идеѣ ихъ первороднаго славянства. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, видя междоусобицы Польши и влеченіе ихъ къ Французамъ, онъ такъ выражался о Полякахъ:

Безъ постороннія опеки
Они табунъ, не человѣки.

У насъ признаютъ въ Петровѣ только лирика, и то по одной его одѣ на Чесменскую побѣду, но ни мало не обращаютъ вниманія на его посланія, обильныя сильною сатирическою стихіею. Эти посланія обращены были къ графу Орлову, Потемкину, къ другу Петрова Силову и къ императрицѣ Екатеринѣ. Въ нихъ видно вліяніе отчасти Горація, но еще болѣе дидактическихъ поэтовъ Англіи, напримѣръ, Попа. Петровъ нападалъ въ нихъ особенно на русское бездѣйствіе и на русскую лѣнь и сильно поражалъ предразсудки дворянской спеси. Это демократическое направленіе нашихъ старинныхъ поэтовъ — почти общая

ихъ черта. Вотъ отрывокъ изъ посланія Петрова къ Г. И. Силову:

И ты, что высоко свою вздымая бровь,
Кричишь: молчите всѣ, во мнѣ дворянска кровь,
Не полагайся ты безъ мѣры на породу,
Вѣдь мы не лошади, не разнаго приплоду;
Аравской, правда, конь жарчаѣ, де, другихъ, —
Но ты не конь, отмѣнъ не кажешь намъ такихъ.
Иль мнишь, за душу паръ вложенъ въ простолюдина,
Во мѣсто крови дегть, и вмѣсто сердца льдина?
Увы, по сихъ ты поръ невѣжества во тьмѣ,
Дачъ много у тебя, а пустоши въ умѣ.
Скажи, почто твоимъ людьми не слыть крестьянамъ?
Архангелу ты свой, тѣ ровня обезьянамъ?
Чего для, сосунокъ природы дорогой,
Ты чувствуешь въ ней мать, всякъ мачиху другой?
. . . . . .
Но чѣмъ виновны мы, какіе въ насъ грѣхи?
Не толь, что бабки насъ простыя повпвали,
И алогубыхъ нимфъ отцы не призывали?
Своимп матери кормили насъ грудьми,
Неужьто для сего не можно быть людьмп?
Что вотчинъ нѣтъ у насъ, какое то безчестье?
Доброта лучшее во всѣхъ земляхъ помѣстье.
Что въ томъ, что у тебя орда велика слугъ?
Но много ль показалъ отечеству заслугъ?
. . . . . .
Не-срамъ ли, коль тебя порода къ сану близитъ,
А поведеніе до челядинцовъ пизитъ;
Иль, ежели, чему стыжуся вѣрить я,
Дучъ много за тобой, а хуже всѣхъ твоя?

Переходимъ къ писателю, жизнь и поэзія котораго олицетворяютъ идею правды. Этотъ писатель — Гавріилъ Романовичъ

Державинъ. По всей справедливости, мы должны на немъ остановиться и сосредоточить вниманіе. Но чтобы лучше достигнуть цѣли, предложимъ первоначально планъ для изученія Державина и раздѣлимъ его на три части. Первую часть посвятимъ его жизни (1743 — 1816); для нея мы имѣемъ новые и самые полные матеріалы въ недавно изданныхъ Запискахъ Державина. Во второй части постараемся обозначить главныя черты Екатерининa вѣка изъ его произведеній, потому что рѣдко можно найдти поэта, въ которомъ такъ подробно отражалась бы современная ему жизнь, какъ въ Державинѣ. Въ третьей части изучимъ поэта.

Державинъ велъ свой родъ отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ татарской орды въ Россію. Одинъ изъ сыновей Багрима, Держава, былъ его старшимъ предкомъ въ Россіи, а онъ послѣднимъ его потомкомъ. Казань и Волга послужили ему колыбелью. Въ четырехъ стихахъ онъ самъ изобразилъ рѣзкими чертами свое поприще:

Кто велъ меня на Геликонъ?
Кто направлялъ мои шаги?
Не музъ витійственныхъ содомъ:
Природа, нужда и враги.

Въ дѣтствѣ Державина встрѣчается черта, объясняющая, какъ въ самую раннюю пору могло зародиться въ немъ то чувство правды, которое впослѣдствіи созрѣло въ мысль, одушевившую его жизнь и поэзію. Онъ былъ еще трехъ лѣтъ, когда мать его, оставшись вдовою, должна была испытать всѣ муки тяжбы, отъ исхода которой зависѣлъ для нея послѣдній и бѣдный кусокъ насущнаго хлѣба. Она должна была мучиться по мытарствамъ судовъ, умолять судей корыстныхъ, и Державинъ былъ трехлѣтнимъ свидѣтелемъ страданій и слезъ матери. Тогда-то, по его словамъ, зародилось въ немъ то сѣмя правды, которому послѣ жизнь предложила почву, а поэзія извлекла отсюда лучшія свои вдохновенія.

Въ семействѣ Державина сохранилось преданіе, что первое слово, сказанное Державинымъ еще на рукахъ у кормилицы, при видѣ кометы, было: *Богъ*. Мать своими молитвами и чтеніемъ духовныхъ книгъ воспитала въ сынѣ то религіозное чувство, которое позже подвергалось многимъ искушеніямъ, однако устояло и согрѣло его поэзію.

Новая Россія, преобразованная Петромъ, предложила для воспитанія генія Державина менѣе средствъ, нежели древняя для Ломоносова. Ссыльный нѣмецъ Іосифъ Розе содержитъ въ Оренбургѣ пансіонъ. Здѣсь началось ученіе Державина. Онъ выучился нѣмецкому языку, и вотъ причина, почему лирики Германіи имѣли нѣкоторое вліяніе на его поэзію. Затѣмъ Казанская гимназія, учрежденная почти одновременно съ Московскимъ университетомъ и въ зависимости отъ него, приняла къ себѣ Державина, но не могла ему сообщить даже правильнаго знанія русскаго языка. Изъ способностей, которыя въ немъ тутъ обнаружились, замѣчательна склонность къ рисованію, которую онъ перенесъ впослѣдствіи и въ поэзію.

Слишкомъ рано окончилась школа для Державина. По обычаю того времени, еще по 17-му году онъ былъ уже солдатомъ Преображенскаго полка за отличные рисунки геометрическихъ фигуръ.

Довольно долго Державинъ несъ солдатскую службу. Забавными прибаутками въ рѳмахъ на счетъ полковъ онъ веселилъ своихъ товарищей и писалъ отъ нихъ грамотки къ семействамъ, а они исполняли за него нѣкоторыя солдатскія обязанности. Въ коронацію императрицы онъ пожалованъ въ капралы. 1770 годъ памятенъ въ жизни Державина тѣмъ, что онъ совершилъ ауто-да-фе надъ всѣмъ, что имъ было прежде написано: изъ оставшихся его стихотвореній самое раннее — *Успокоенное невѣріе*, которое относится къ 1771 году.

Во время пугачевскаго бунта, въ 1773 году, Державинъ состоялъ въ войскѣ подъ начальствомъ Бибикова. Когда бунтъ былъ усмиренъ плѣномъ мятежника, Державинъ отдыхалъ у подошвы

горы Читалагая и тутъ, въ 1774 году, написалъ пять замѣчательныхъ одъ. Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ оду *На знатность*, которая передѣлана была послѣ подъ заглавіемъ *Вельможа*, и оду *На смерть Бибикова*, въ которой онъ въ первый разъ представилъ любимый свой идеалъ гражданина. Онѣ были напечатаны въ 1776 г. подъ названіемъ Читалагайскихъ.

Съ этого года начинается гражданская дѣятельность Державина, которая, однако, шла незамѣтно, пока онъ не сталъ извѣстенъ Екатеринѣ. Странно: Державинъ былъ уже авторомъ многихъ славныхъ одъ, между прочимъ: *На смерть князя Мещерскаго, На рожденіе порфироднаго Отрока* и другихъ, а императрица еще о немъ не знала. Въ 1783 году княгиня Дашкова начала издавать журналъ *Собесѣдникъ* и въ день именинъ императрицы поднесла ей первый нумеръ этого журнала, на первой страницѣ котораго напечатана была *Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, а живущимъ по дѣламъ въ С.-Петербургѣ. Переведена съ арабскаго языка.* Странно сочетаніе всѣхъ этихъ понятій. Россія — Орда, Киргизъ-Кайсацкая царевна — Екатерина, Татарскій мурза — Державинъ. Императрица была тронута до слезъ одою и пожелала узнать имя автора. Сидя за обѣдомъ у своего начальника, онъ получилъ бумажный свитокъ съ надписью: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской царевны Мурзѣ Державину». Въ свиткѣ была прекрасная золотая табакерка, усыпанная брилліантами, и 500 червонныхъ. Державинъ показалъ подарокъ начальнику, и съ этой минуты пріобрѣлъ въ немъ врага. Начальникъ его говорилъ, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу. Но Екатерина думала иначе. Съ этой поры начинается ея личное знакомство съ Державинымъ. Онъ два раза былъ губернаторомъ, сначала въ Олонецкой губерніи (1784), потомъ въ Тамбовской (1786). Въ первой задавались ему трудныя задачи. Такъ, генералъ-губернаторъ Тутолминъ поручилъ ему исполнить проектъ, составленный для безлѣсной Екатеринославской губерніи, о разведеніи лѣсовъ въ Оло-

нецкой губерніи, наполненной лѣсами непроходимыми. Затѣмъ Державину было поручено открыть уѣздный городъ Кемь въ такомъ мѣстѣ, куда не было и дороги и гдѣ трудно было найти священника для совершенія обряда при открытіи городовъ. Державинъ исполнялъ все добросо́вѣстно, побѣждая препятствія, но рѣзко противился такимъ нелѣпостямъ, какъ предложенное ему разведеніе лѣсовъ въ лѣсной губерніи. Сѣверная природа представляла его воображенію богатую пи́щу, и здѣсь-то нашелъ онъ краски для изображенія водопада. Губернаторство въ Тамбовѣ кончилось для него несчастно: онъ долженъ былъ подъ отвѣтомъ предстать въ московскій сенатъ, однако вышелъ чистымъ и правымъ послѣ шестилѣтнихъ нравственныхъ страданій.

Въ Петербургѣ, чрезъ тогдашняго фаворита Зубова, Державинъ поднесъ Екатеринѣ свою новую оду, слабое подражаніе прежней, *Изображеніе Фелицы*, и снова пріобрѣлъ ея милость: назначенный статсъ-секретаремъ, онъ снова сблизился съ императрицей. По дѣламъ сената онъ нерѣдко долженъ былъ ей читать промеморіи. Но тутъ-же, въ новомъ сближеніи, послѣдовало и разочарованіе. Поборникъ правды и закона, онъ смѣло и рѣшительно бралъ сторону невинныхъ: стоялъ за Якоби, который всѣми былъ тѣснимъ, и противъ Логинова, гремѣвшаго золотомъ. Державинъ замѣтилъ однако, что императрица оставалась совершенно равнодушною къ его искреннимъ исканіямъ правды; что внѣшняя европейская политика привлекала ее гораздо болѣе, чѣмъ внутреннее управленіе; что она желала болѣе славы, нежели блага и правды. Увлекаемая политическими замыслами, она не понимала иногда юридическихъ докладовъ Державина и нерѣдко прерывала бесѣду съ нимъ внезапными откровеніями о томъ, что̀ таилось въ глубинѣ ея души. «Если бъ я правила 200 лѣтъ, то конечно вся Европа подчинилась-бы скипетру Россіи», говорила она. Или: «Я не умру, пока не выгоню Турокъ изъ Европы, не усмирю гордаго Китая и не осную торговли съ Индіей». А иногда: «Кто далъ, какъ не я, почувствовать Французамъ права человѣка? Я теперь вяжу узелки, пусть ихъ развяжутъ». Ей жела-

лось, чтобы ея поэтъ писалъ ей оды въ родѣ Фелицы. Но тщетно она его къ тому побуждала: вдохновеніе не являлось, восторгъ охладѣлъ, повязка спала съ очей, правда брала верхъ надъ поэтическою ложью. Тогда Державинъ писалъ одному изъ своихъ друзей:

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый ѳиміамъ;
За правду-жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ.

Въ царствованіе императора Павла раздался въ сенатѣ смѣлый голосъ Державина, когда судили заговорщиковъ польскихъ, допрошенныхъ въ тайной канцеляріи, и присуждали ихъ къ смертной казни или къ ссылкѣ въ Сибирь. «Виновны-ли были — сказалъ Державинъ въ сенатѣ Макарову, директору тайной канцеляріи — Пожарскій, Мишинъ и Палицынъ, что они, желая избавить Россію отъ рабства польскаго, учинили между собою союзъ и свергли съ себя иностранное иго?» —«Нѣтъ, отвѣтствовалъ Макаровъ, они не токмо не виноваты, но всякой похвалы и нашей благодарности достойны».—«Почему-жъ такъ строго обвиняются сіи несчастные, что они имѣли нѣкоторые между собою разговоры о спасеніи отъ нашего владѣнія своего отечества, и можно-ли ихъ винить въ измѣнѣ и клятвопреступленіи по тѣмъ-же самымъ законамъ, по каковымъ должны обвиняться въ подобныхъ заговорахъ природные поддапные?... Всей Польши не переказнить, ни заслать въ заточеніе не можно...». Замѣчательно, что смертный приговоръ польскимъ заговорщикамъ былъ подписанъ сенаторами-поляками-же: графомъ Ильинскимъ, графомъ Потоцкимъ и другими. Державинъ предлагалъ спросить сенаторовъ-поляковъ искренно, что́ они думаютъ, и увѣренъ былъ, что они отвѣтятъ то же самое, что̀ и осужденные. Слова Державина немедленно достигли до императора Павла, который приказалъ ему не умничать; тѣмъ не менѣе судьба осужденныхъ была облегчена и отдано приказаніе не забирать и не привозить въ Петербургъ Поляковъ.

Другъ Державина, Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ передалъ намъ черты его гражданскаго характера. Вотъ его слова: «Говорилъ отрывисто, но не красно, но долго, рѣзко и съ жаромъ, когда пересказывалъ о какомъ-либо спорѣ по важному дѣлу въ сенатѣ, или о дворскихъ интригахъ, и просиживалъ до полуночи за бумагой, когда писалъ заключеніе, или проектъ какого-либо государственнаго постановленія. Державинъ, какъ поэтъ и какъ государственная особа, имѣлъ только въ предметѣ: нравственность, любовь къ правдѣ, честь и потомство.

«Благородная душа его, конечно, была чужда корысти и эгоизма; но пылкость ума увлекала его иногда къ рѣшеніямъ, требовавшимъ для большей осторожности другихъ мѣръ, изъятій или дополненій. Та же пылкость его оскорблялась противорѣчіемъ, однакожъ не на долгое время: чистая совѣсть его скоро брала верхъ, и онъ соглашался съ замѣчаніями прокурора».

При Александрѣ I Державинъ представилъ государю правила третейскаго совѣстнаго суда, надъ которыми трудился нѣсколько лѣтъ, пользуясь для составленія ихъ опытностію своею и своихъ пріятелей. Этотъ предварительный судъ долженъ былъ устранить то множество тяжбъ, которымъ обременяются суды въ Россіи, благодаря ябедѣ и лихоимству. Государь принялъ проектъ Державина съ восторгомъ, обѣщалъ непремѣнно его исполнить, но успѣха, однако, не было.

Гражданская дѣятельность Державина увѣнчалась назначеніемъ его, по учрежденіи министерствъ, первымъ министромъ юстиціи. Такимъ образомъ Россія въ лицѣ государя своего наградила въ Державинѣ гражданина и поэта за его вѣрность идеѣ правды. Но утомленный продолжительною борьбою и уступя требованіямъ новаго поколѣнія, онъ вышелъ въ отставку и остатокъ жизни проводилъ то въ Званкѣ, помѣстьѣ Новгородской губерніи, то въ Петербургѣ, дѣля время между сельскимъ досугомъ и литературою. Онъ былъ свидѣтелемъ и пѣвцомъ достославнаго двѣнадцатаго года. Послѣднимъ знаменательнымъ актомъ дѣятельности Державина было то, что присутствуя въ Царскосельскомъ

Лицеѣ на испытаніи, онъ отгадалъ талантъ Пушкина и предсказалъ, что онъ отниметъ у него славу:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Записки Державина, изданныя въ наше время, вполнѣ открыли въ немъ ту сторону, о которой мы могли только догадываться по его стихотвореніямъ. Конечно, читая эти Записки, мы не имѣемъ никакого права подозрѣвать автора въ нарушеніи честности и искренности: вездѣ мы видимъ въ немъ постоянную жажду правды. Понятно, какъ непріятенъ былъ въ этомъ отношеніи Державинъ для многихъ изъ современниковъ его. Даже Екатеринѣ и Александру Державинъ, наконецъ, съ своимъ вѣчнымъ исканіемъ правды, нерѣдко становился тяжелъ. Поэтъ въ Державинѣ уступаетъ гражданину. Онъ самъ это сознавалъ, говоря:

За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Перейдемъ теперь къ вѣку Екатерины, какъ онъ изображается въ стихахъ Державина. Мы уже сказали, что этотъ вѣкъ можно изобразить стихами поэта, какъ самыми яркими красками до малѣйшей подробности. Но опасаясь потеряться въ мелочахъ, постараемся изобразить этотъ вѣкъ главными его чертами. Прежде всего замѣтимъ, что Державинъ, отражая свой вѣкъ, стоитъ выше его, не потворствуетъ ему, а напротивъ, вызывая все великое, смѣется надъ мелочнымъ и суетнымъ. Поэзія Державина, съ этой стороны, является не только зеркаломъ его вѣка, но и нравственнымъ подвигомъ, который приноситъ честь нашей словесности.

Первая черта Екатерининскаго вѣка — гуманизмъ, введенный въ основу правленія. Императрица уничтожила тайную канцелярію и пытку. Въ ея Наказѣ читаемъ простыя, но разумныя слова: «Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ могъ говорить правду. Можно-ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ

разсудкѣ и въ добромъ здоровьѣ?—Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго».

Передадимъ изъ похвальнаго слова Екатеринѣ Карамзина то, что̀ лучшіе современные умы̀ думали о ея царствованіи: «Екатерина уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія гражданской жизни. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину. Главное дѣло сей монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилась власть, не утративъ силы своей».

Державинъ въ своей поэзіи сочувствовалъ прекраснымъ началамъ этого человѣколюбія. Его лира была свободнымъ ихъ отголоскомъ. Онъ имѣлъ право сказать Екатеринѣ въ посвященіи своихъ стихотвореній:

Ты славою, — твоимъ я эхомъ буду жить.

Особенно въ двухъ одахъ: *Фелица* и *Изображеніе Фелицы* онъ сильно выразилъ это сочувствіе. Вотъ отрывки изъ этихъ одъ:

Изъ Фелицы:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

***

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

***

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

***

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не маранотъ рожъ.

Послѣдняя строфа содержитъ намеки на тѣ сцены, которыя происходили въ Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны. Смѣлый языкъ Державина уже свидѣтельствовалъ о томъ свободномъ духѣ, которымъ повѣяло при Екатеринѣ. Въ *Изображеніи Фелицы*, вотъ какія слова Державинъ влагаетъ въ уста Екатеринѣ:

Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ:
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

*
* *

Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.

*
* *

Даю вамъ право собираться
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать...

А вотъ молитва, какую влагаетъ поэтъ въ уста императрицы:

Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да волѣ слѣдуя Твоей,

Тебя люблю и добродѣтель,
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу.

Екатерина посредствомъ западнаго гуманизма успѣшно противодѣйствовала деспотизму; но, къ сожалѣнію, средства просвѣщенія христіанскаго и высшей любви, заключавшіяся въ древней жизни, оставались въ пренебреженіи. Къ тому же, западный гуманизмъ обходился не безъ яркихъ противорѣчій. Въ то самое время, какъ высшему сословію давались новыя гражданскія права, они отнимались у низшаго. Ни въ одно царствованіе не было закрѣпощено столько крестьянъ, какъ при Екатеринѣ, и при ней же крѣпостное состояніе введено въ Малороссію, гдѣ прежде его не было.

Вѣкъ Екатерины, по мнѣнію современниковъ, былъ вѣкомъ разума. Философія энциклопедистовъ, давшая разуму столь сильное преимущество, отразилась и у насъ. Но, по странному противорѣчію, случай, антиподъ разума, также не терялъ правъ своихъ и былъ предметомъ обожанія. Извѣстно, что энциклопедисты приписывали случаю даже созданіе міра. Державинъ возражалъ имъ стихами:

Коль случай сдѣлалъ все въ природѣ,
То случай — разумъ, случай — Богъ!

Но въ Россіи случай игралъ другую роль: онъ создавалъ не міры, а людей. Отъ него зависѣло и достоинство, и счастіе человѣка. Случай обожали, ему поклонялись, въ него вѣровали. Тогда-то произошло названіе человѣка *случайнаго*, къ счастію, уже исчезнувшее въ наше, болѣе разумное время.

Державинъ, какъ мы сказали, стоялъ выше своего вѣка и съ ѣдкой ироніей смѣялся надъ этимъ случаемъ, надъ идоломъ счастья,

которому такъ низко поклонялись его современники. Въ одѣ *На Счастіе*, писанной въ 1789 году, онъ остроумною сатирою сокрушилъ этотъ идолъ и насмѣялся надъ нимъ. Вотъ какъ онъ изображаетъ его:

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины!
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей денницѣ,
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною ширинкой машешь,
И производишь чудеса.

Вотъ какъ поэтъ представляетъ духъ своего времени, помѣшавшагося на мысли о господствѣ случая:

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ *трантелево* гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, музы, боги — пьяны
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

въ эти дни, когда судьба человѣка зависѣла отъ одной минуты, отъ случайнаго взгляда, отъ своенравной милости,— вотъ какую ироническую молитву обращаетъ Державинъ къ идолу своего вѣка, къ Счастію:

Въ тѣ дни и времена чудесны
Твой взоръ и на меня всемѣстный

Простри, о, надъ царями царь!
Простри и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

***

. . . . . .

Услышь, услышь меня, о, Счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;
Отъ божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрыпицы
И вьется локономъ хохолъ.

***

Но, ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
Иль легкій шаръ Монголофіера,
Блистая въ воздухѣ, летишь,
Вселенна длани простираетъ,
Зоветъ тебя, — ты не глядишь;
Но шаръ твой часто упадаетъ,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

***

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
Я храмъ тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
Твоимъ разсыплю я цвѣты;
Возжгу куренья благовонны
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты.

Вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ внѣшней воинской славы, которая гремѣла въ побѣдахъ. По словамъ Карамзина, съ Екатериною взошла на престолъ божественная любовь къ славѣ, источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ. Екатерина пріучила Россію къ побѣдамъ, о чемъ свидѣтельствовали ея вожди-герои громкими прозвищами: Румянцовъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Долгоруковъ-Крымскій, Потемкинъ-Таврическій, Суворовъ-Рымникскій; Кагулъ, Чесма, Рущукъ, Силистрія, Крымъ, Рымникъ, Измаилъ, Очаковъ вписаны въ лѣтописи нашей исторіи. Всѣ эти побѣды отдавались въ государственныхъ одахъ Петрова, Державина и другихъ лириковъ. Виновники побѣдъ, вѣнчанные лаврами, являются во всей красѣ своей въ лирическихъ рапсодіяхъ этой воинственной русской Иліады.

Державинъ сознаетъ, такъ же какъ и Ломоносовъ, всю неизмѣримость Русскаго царства. Вотъ его картина въ изображеніи Фелицы:

Престолъ ея на Скандинавскихъ.
Камчатскихъ и златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на сорокъ-двухъ столпахъ;
Какъ восемь бы зерцалъ стояли,
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Но сознать все это исполинское величіе Россіи можетъ, по мнѣнію Державина, только одинъ Русскій:

.....такъ! Россу только можно
Отечества представить духъ;
Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
И вправъ, огромность Исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына
Его, и тѣломъ и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Но гдѣ же тайна этой неизмѣримости, этого исполинскаго величія Россіи? Она—въ самомъ духѣ Русскаго народа. Она—только внѣшнее выраженіе народной силы. Чувство этой силы отдается безпрерывно въ поэзіи Державина:

Гдѣ есть народъ въ краяхъ вселенны,
Кто бъ столько силъ въ себѣ имѣлъ?

—

О, Россъ, о родъ великодушный!
О, твердокаменная грудь!
О, исполинъ царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?

—

Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ создастъ машины,
И Россъ вселенной потрясетъ!

—

. . . . . О, Россъ!
Шагни — и вся твоя вселенна!

Намъ нечего стыдиться этихъ народныхъ силъ, которыми создано внѣшнее величіе Россіи и пріобрѣтено такое огромное пространство земли, равное шестой части обитаемаго міра. Мы должны всегда возвращаться къ сознанію этихъ силъ, въ труд-

ныя времена жизни, во времена враждебныхъ столкновеній съ другими народами.

У Державина эти силы представляются не иначе, какъ въ исполинскихъ образахъ, которые онъ беретъ то изъ природы, то изъ народныхъ преданій. Русскій народъ — это

Девятый валъ въ морскихъ волнахъ.

Везувій даетъ образъ поэту для изображенія взятія Измаила. Суворовъ, любимый послѣ Румянцова герой Державина, представляется въ видѣ богатыря русскихъ сказокъ, а его подвиги — чудесами:

Вихрь полуночной летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ;
Ляжетъ на воды — воды кипятъ;
Граду коснется — градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ...

Въ самомъ дѣлѣ, то были времена богатырскія. Россія изумляла Европу своими побѣдами. Понятно, какъ могъ тогда явиться въ умѣ Потемкина *Восточный проектъ*, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ Державина:

Отмстить Крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ *Афету* водворить.

Всѣ Русскіе сочувствовали славѣ отечества. Понятно, какой восторгъ должны были зажигать въ сердцахъ оды Державина, гремѣвшія славою Россіи. Поэтъ имѣлъ право сказать Екатеринѣ:

Ты славою — твоимъ я эхомъ буду жить.

Славолюбіе тогда заражало всѣхъ. Имъ увлекался и поэтъ. Ему хотѣлось, чтобы слава отечества отразилась и на немъ лично. Онъ даже примѣнилъ къ себѣ двѣ извѣстныя славолюбивыя оды Горація: *Памятникъ* и *Лебедь*.

Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ, въ забавномъ русскомъ слогѣ,
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовалъ о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Лебедь.

. . . . . .

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.
И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;

Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.
. . . . . .
Съ Курильскихъ острововъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народа, свѣта съ полукруга,
Состявившіе Россовъ родъ,
Со временемъ о мнѣ узнаютъ
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь,
И всѣ, что бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:
«Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ,
И проповѣдая миръ міру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.

Въ этомъ исканіи славы была своя слабая сторона, своя изнанка. Прекрасенъ подвигъ гражданина, когда онъ личную свою славу соединяетъ съ славою отечества. Но умаляетъ онъ и себя и славу свою, когда отдѣляетъ ихъ отъ народа. Это ужъ— тщеславіе. Имъ грѣшилъ вѣкъ Екатерины, и оно вело къ театральному блеску, который любили тогда во всемъ.

Державинъ не сочувствовалъ театральной внѣшности Екатерининскаго времени. Онъ не воспѣлъ ея великолѣпнаго странствія въ Крымъ, но съ иронією русскою изобразилъ героя вѣка, Потемкина, съ его странною прихотью, съ его страстью къ брильянтамъ:

Онъ мещетъ молнію и громы,
И рушитъ грады и бересъ;
Волшебны созидаетъ домы,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою чистить брилліанты
И тѣшится на нихъ смотря.

Державинъ иначе употреблялъ всѣ сокровища внѣшняго міра, чѣмъ Потемкинъ. Онъ превращалъ ихъ въ яркія краски для изображенія великолѣпныхъ картинъ природы. Такъ изобразилъ онъ Сунскій водопадъ (Кивачъ) *алмазною горою*, бездною серебра и жемчуга, а хвостъ павлиній — перемѣннымъ отливомъ изумрудовъ и яхонтовъ:

Наклонитъ — изумруды блещутъ,
Повéрнетъ — яхонты горятъ.

Державинъ не сочувствовалъ Потемкину. Тщетно фаворитъ добивался отъ него похвальныхъ одъ. Но къ чести Потемкина должно сказать, что онъ былъ великодушенъ и не мстилъ поэту за его безмолвіе. Любимыми героями Державина были искатели славы отечества, а не личной своей, Румянцовъ и Суворовъ. Первый отказался отъ торжественнаго въѣзда въ столицу при торжествѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Послѣ громкихъ побѣдъ онъ удалялся въ деревню, жилъ въ хижинѣ, уставленной соломенными стульями, и удилъ рыбу, приговаривая: «Наше дѣло городки брать да рыбку удить». Суворовъ доводилъ свое отвращеніе къ роскоши и блеску до цинизма. Державинъ пѣлъ его и тогда, когда онъ былъ въ немилости. Эти истинные герои понимали духъ Русскаго народа и любовь его къ простотѣ и скромности личной и къ величію отечества. Державинъ вмѣстѣ съ народомъ имъ вполнѣ сочувствовалъ и пѣлъ ихъ подвиги отъ полноты душевнаго восторга. Ода, въ которой истинная, скромная слава отличена отъ славы блестящей и шумной, есть *Водопадъ*. Скромная, истинная слава изображена въ видѣ Румянцова, въ сельскомъ уединеніи своемъ, при всѣхъ символахъ своихъ побѣдъ и заслугъ отечеству, разсуждающаго о суетѣ жизни и тлѣнной славѣ сего міра; слава блестящая, шумная, подъ образомъ водопада, представляется какъ ложная и мгновенная. Этотъ символъ мгновенной славы переноситъ мысль поэта въ бессарабскую степь, къ смертному одру Потемкина, поразившаго, своею внезапною смертью на дорогѣ, всѣхъ современниковъ. Здѣсь дума о смерти устами поэта сми-

ряла кичливые порывы къ шумной славѣ въ сынахъ тревожнаго вѣка:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синь,
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Въ чертахъ Екатеринина вѣка, одушевлявшихъ лиру Державина, была еще одна: это — раздолье жизни. Оно, правда, началось еще при Елисаветѣ, но получило развитіе при ея наслѣдницѣ. Здѣсь разгадка той любви, которую заслужила Екатерина въ народѣ Русскомъ, давшемъ ей неоцѣненное прозвище *Матушки*, сдѣлавшемъ даже имя Екатерины самымъ популярнымъ именемъ въ Россіи. Державинъ выражалъ только мнѣніе современниковъ, говоря, что Екатерина

Велитъ и ткать, и прясть, и шить,
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить.

Девизомъ ея царствованія былъ другой стихъ Державина:

Живи — и жить давай другимъ.

За это раздолье жизни, которое такъ любитъ Русскій народъ, да и всякій, онъ охотно прощалъ своей матушкѣ-царицѣ всѣ ея недостатки.

Многія лирическія піесы Державина представляютъ намъ это раздолье тогдашней общественной и семейной жизни, какъ говоритъ самъ поэтъ:

Кто ищетъ общества, согласья,
Приди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятенъ часъ.

Пикники, откуда взяты эти четыре стиха, *Къ первому сосѣду*, *Ко второму сосѣду*, *Приглашеніе къ обѣду*, *Разныя вина*, *Кружка*, и многія другія піесы представляютъ намъ живыя картины этого радушнаго веселья. Мы передадимъ хотя нѣкоторыя, потому что безъ нихъ была бы далеко не вполнѣ выполнена наша задача — изобразить время Державина его же стихами:

Кого роскошными пирами
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

***

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И аліатико съ шампанскимъ,

И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.
(Къ первому сосѣду).
Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ,
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая,
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола вкругъ ожидая
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.
(Приглашеніе къ обѣду).

Такъ приглашалъ Державинъ И. И. Шувалова:

.... отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Разныя вина, воспѣваемыя Державинымъ по различію ихъ цвѣта, показываютъ, что уже не такъ роскошествовали его современники, какъ воображали. Но прекрасна его *Кружка, дщерь великаго ковша*, которая соединяла пирующихъ и вела свое происхожденіе отъ давней старины русской:

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая сребряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить:
Ура! ура! ура!

***

Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора
Счастливымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

* * *

Бывало старики въ винѣ
Свое все потопляли горе;
Дрались храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣно море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Это раздолье жизни переходило иногда въ роскошь. Потемкинъ, душа такихъ пировъ, не щадилъ ничего для этой роскоши. Въ лѣтописяхъ царствованія Екатерины сохранилась память праздника, даннаго Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ, 28 апрѣля 1791 года, по случаю взятія Измаила. Державинъ былъ самъ лѣтописцемъ этого волшебнаго праздника. Дворецъ былъ превращенъ въ садъ изъ лавровыхъ, померанцевыхъ и миртовыхъ деревъ съ дорожками, холмами, водоемами и гротами. Русскія качели и другія игры были разставлены въ саду. Русскія пѣсни и пляски оживляли общество. Тутъ же по дорожкамъ расхаживалъ золотой слонъ съ жемчужными бахромами, весь покрытый алмазами, изумрудами, рубинами. На двадцати-четырехъ парахъ, составлявшихъ особую кадриль, однихъ брильянтовъ было на 10.000,000 рублей. Но не этотъ блескъ одушевилъ лиру Державина. Мысль, побудившая поэта описать его, была та, что

Россія всѣми своими дарами принимала участіе въ роскоши этого угощенія. Вотъ эта мысль:

Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро:
Восточный, Западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ златой, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина,
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчевать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
И вопросить: кого такъ утощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Въ этихъ горахъ и рѣкахъ, предлагающихъ дары свои на пиръ Россіи, ярко выступаютъ пластическіе образы, напоминая болѣе стиль Ломоносова, чѣмъ Державина. Знаменательны также образы императоровъ языческаго Рима, взирающихъ съ завистью на русское угощеніе, намекающее на всемірное могущество Россіи.

Но въ этихъ матеріальныхъ наслажденіяхъ вѣка, какое бы изящество вкуса ихъ ни прикрывало, таился внутренній червь

тоски, неизбѣжной спутницы всякаго чувственнаго пресыщенія въ человѣкѣ. О самомъ неутомимомъ авторѣ этихъ праздниковъ, Потемкинѣ, разсказываютъ, что послѣ нихъ онъ нѣсколько дней сряду оставался дома, въ кругу родныхъ и приближенныхъ, утомленный лежалъ на софѣ въ шлафрокѣ, босоногій, съ обнаженной шеей, съ нахмуреннымъ челомъ, съ повислыми бровями и молча игралъ въ шахматы или въ карты. Державинъ изобразилъ его въ этомъ состояніи тяжелаго пресыщенія:

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ,
И съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радости казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Державинъ нерѣдко и въ другихъ стихотвореніяхъ напоминаетъ участникамъ современныхъ пировъ объ этой границѣ, поставленной чувствами для ихъ наслажденій, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать!

Извѣстная пьеса: *Философы пьяный и трезвый* представляетъ два противоположныя воззрѣнія на жизнь, современныя Державину. Въ пьяномъ мы видимъ сибарита, разочарованнаго во всѣхъ благородныхъ стремленіяхъ своей жизни: ни честолюбіе служебное, ни воинская слава, ни поприще правды въ судахъ, его не удовлетворили. Съ отчаянія онъ предался изнѣженной жизни и приглашаетъ къ ней своего трезваго товарища такими стихами:

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!

Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Но трезвый еще не разочаровался и носитъ въ душѣ идеалы гражданской жизни на поприщѣ чести, въ бояхъ и въ судахъ. Онъ отвѣчаетъ пьяному:

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ,
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Эти два противоположныя воззрѣнія на жизнь, эта борьба разочарованія съ чувствомъ долга, праздной нѣги, нравственнаго безсилія съ могучею силою дѣятельной воли, сопровождаютъ все наше развитіе въ новомъ періодѣ. При Державинѣ разочарованіе приводило людей къ вину; въ наше время оно приводитъ къ бездѣйствію и кончается чужими краями.

Но Державинъ, какъ мы уже сказали, хотя отражалъ вѣкъ свой во всѣхъ его главныхъ чертахъ, но стоялъ выше его внутреннею своею мыслію, которая принадлежала не времени, а, можно сказать, вѣчности. Воспитанная древними предками, заимствованная въ основѣ древней русской жизни, она сообщала поэзіи Державина нравственную силу, возвышавшую ее надъ своимъ временемъ. Эта мысль была религіозная. Въ ней находитъ онъ безпрерывное успокоеніе и усладу отъ тревогъ и волненій міра. Въ чувствѣ вѣры разрѣшаются у него всѣ бурныя чувства треволненной жизни, какъ въ полномъ аккордѣ необходимые диссонансы. Всѣмъ остроумнымъ развратникамъ онъ говоритъ въ *Успокоенномъ невѣріи:*

Прійдите, обымите Вѣру:
Она одна спокоитъ васъ....

Сильный этою идеей, поэтъ любитъ среди наслажденій вѣка устремлять мысль его на время, звономъ каждой минуты приближающее насъ къ вѣчности:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ.... и къ гробу приближаетъ.

Такова еще въ той же одѣ *На смерть князя Мещерскаго* грозная картина смерти, глядящей на всѣхъ и точащей лезвіе свое:

Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ....

***

Глядитъ на всѣхъ, — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И.... точитъ лезвее косы.

Такой образъ, выставленный среди чувственныхъ пировъ, напоминалъ вмѣстѣ съ тѣмъ современникамъ Державина, не вполнѣ оторвавшимъ себя отъ завѣта древнихъ предковъ, о неземномъ назначеніи человѣка.

Перейдемъ къ поэту. Лира Державина обнимаетъ область лирики въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Виды лирической поэзіи опредѣляются тѣми отношеніями, въ которыхъ поэтъ находится къ Богу, человѣчеству и природѣ, къ государству, обществу и сословію, съ которымъ тѣсно связанъ, къ самому себѣ лично. Державинъ въ своихъ произведеніяхъ обнимаетъ всѣ эти отношенія.

Въ числѣ его религіозныхъ одъ первое мѣсто, конечно, занимаетъ ода *Богъ*, переведенная почти на всѣ европейскіе языки,

а изъ азіатскихъ — на японскій. Замѣчательно одно преданіе изъ младенчества Державина, связанное съ этою одой. Говорятъ, что первое слово, которое Державинъ сказалъ на рукахъ у кормилицы, указывая въ небѣ на комету, тогда явившуюся, было слово «Богъ». Извѣстно, что первая мысль этой оды осѣнила Державина въ часъ воскресной заутрени, любимаго богослуженія Русскаго народа, столь сладкаго его вѣрующему сердцу. Конецъ же оды, долго ожиданный поэтомъ, вылился внезапно въ одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ минутъ вдохновенія, какія нечасты бываютъ и въ душахъ великихъ поэтовъ. Вся ода въ главномъ движеніи своемъ сходится съ еврейскою поэзіею: она представляетъ стремленіе человѣка опредѣлить Бога, стремленіе, изливающееся, наконецъ, потокомъ чувства въ благодарныхъ слезахъ къ своему Создателю. Къ религіознымъ же одамъ относятся многія переложенія псалмовъ. Державинъ перелагалъ по преимуществу псалмы правды. Лучшія изъ нихъ относятся къ одамъ, которыя мы называемъ *всечеловѣческими*. Въ этихъ одахъ поэтъ опредѣляетъ свои отношенія ко всему человѣчеству. Здѣсь главная одушевляющая идея есть *идея правды*. Мы скажемъ о нихъ въ концѣ, такъ какъ эта идея вѣнчаетъ всю жизнь и поэзію Державина. Но въ эти оды Державинъ вносилъ не только чувство восторга, но и чувство негодованія, которое обращало его лиру въ сатиру. Сюда относятся сатирическія оды: *Фелица*, *На счастье*, *Вельможа* и другія. Къ одамъ государственнымъ относятся всѣ патріотическія пьесы Державина, входящія въ побѣдоносную лѣтопись царствованій Екатерины и Павла: *На пріобрѣтеніе Крыма*, *Осада Очакова*, *Взятіе Измаила*, *Взятіе Варшавы*, *Побѣды въ Италіи*, *Переходъ Альпійскихъ горъ* и другія. Всѣ эти оды, въ свое время, питали въ русскихъ сердцахъ любовь къ славѣ отечества и воспламеняли молодыхъ воиновъ къ новымъ побѣдамъ. Пѣсни Державина, можно сказать, столько же участвовали въ войнѣ двѣнадцатаго года, сколько пѣсни Гомера въ войнахъ Грековъ съ Персами. Къ одамъ общественнымъ и сословнымъ относятся всѣ тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ особенно воспѣ-

ваетъ тогдашнее раздолье русской жизни. Но объ нихъ уже было сказано ранѣе. Къ одамъ личнымъ принадлежатъ анакреонтическія, или эротическія пѣсни. Личныя чувства и впечатлѣнія поэта даютъ имъ содержаніе. Поэзія личныхъ идеаловъ души еще не была тогда открыта. Она еще впереди — въ Жуковскомъ. Чувственный взглядъ въ лирикѣ тогда еще господствовалъ. Державинъ позволялъ себѣ въ этомъ родѣ поэзіи игривыя шалости.

Вотъ весь кругъ лирики Державина. Должно, однако, сказать, что поэтъ въ своихъ созданіяхъ почти никогда не выдерживаетъ художественной цѣлости. О немъ справедливо замѣтилъ еще критикъ Мерзляковъ, что онъ «то паритъ въ небѣ, то стелется долу». Эта неровность есть отличительная черта Державина. Какъ его взмахи вверхъ бываютъ необыкновенно внезапны, такъ и паденіе чрезвычайно быстро. Онъ какъ будто не знаетъ ровной средины въ своемъ полетѣ. Поэзія наша рождалась не вдругъ: ей надобно было постепенно развивать свои элементы.

Въ Ломоносовѣ мы видѣли господство пластическаго элемента. Державинъ развиваетъ по преимуществу элементъ живописный. Картины, изящныя въ словѣ — лучшая сторона его поэзіи. Ихъ много. Мы уже видѣли картину водопада, павлина, смерти. Обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя другія, чтобы болѣе ознакомиться съ Державинымъ-живописцемъ. Вотъ картина луны изъ *Видѣнія Мурзы*, пьесы довольно слабой:

На темно-голубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Вотъ картина, взятая изъ зимней русской природы въ одѣ *Богъ*:

Какъ въ мразный, ясный день зимой,
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Вотъ *Осень во время осады Очакова:*

Уже румяна осень носитъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино;
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ;
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ котикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ Небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Вотъ Альпійскій Сенъ-Готардъ и на немъ зима:

Ведетъ — и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути;
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ идти;
Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вкругъ волнующійся паръ;
Ничто его не потрясаетъ,

Онъ громъ и бури презираетъ;
Нахмурясь, смотритъ Сенъ-Готаръ.

***

А тамъ — волшебница сѣдая
Лежитъ на высотѣ холмовъ;
Дыханьемъ солнце отражая,
Блеститъ вдали огнями льдовъ,
Которыми одѣта зрится:
Она на всю природу злится,
И въ страшныхъ инистыхъ скалахъ,
Нависнутыхъ снѣговъ слоями,
Готова задавить горами,
Иль въ хладныхъ задушить когтяхъ.

Перейдемъ къ картинамъ другаго рода. Вотъ два инвалида изъ оды *Вельможа:*

А тамъ — израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

. . . . . .

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ, на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

Вотъ картина *Ласточки*, этой домашней, любимой птички русскаго народа:

О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь.

А вотъ картина русской пляски изъ анакреонтической пьесы *Русскія дѣвушки:*

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіисскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ....

Иногда картины у Державина выступаютъ совершенно отдѣльно, не связываясь нисколько ни между собою, ни съ цѣлымъ содержаніемъ произведенія. Такъ, напримѣръ, послѣ картины водопада Суны являются отдѣльныя картины волка, лани, коня. Отдѣльно взятыя, онѣ весьма удачны, но нарушаютъ единство цѣлаго. Дмитріевъ, въ своихъ запискахъ характеризуя Державина, замѣчаетъ, что онъ имѣлъ даръ наблюдательности и даже въ бесѣдѣ дружеской запасался картинами и сравненіями, какія

ему случайно попадались. Однажды за обѣдомъ подавали у него щуку; Державинъ замѣтилъ на ней голубое перо, и *щука съ голубымъ перомъ* явилась въ произведеніи, вскорѣ послѣ того написанномъ. Элементъ живописный никогда не покидалъ Державина и является довольно яркимъ въ самыхъ послѣднихъ его стихотвореніяхъ, гдѣ видны ужъ однѣ только, по выраженію Мерзлякова, *развалины Державина*. Къ такимъ пьесамъ принадлежитъ *Утро*, изобильное живописными красотами природы.

Говоря о живописномъ элементѣ поэзіи Державина, мы должны замѣтить въ этой живописи народныя русскія краски. Поэтъ подражалъ Анакреону и Горацію, наряжая ихъ нерѣдко въ русскую одежду. Онъ бралъ лица изъ древней миѳологіи — и писалъ ихъ съ русскихъ натурщиковъ. Такъ изобразилъ онъ сѣдаго Борея чертами русскаго старика. Мы помнимъ Суворова въ видѣ богатыря русскихъ сказокъ; *Ахинейскій витязь* изображенъ чертами Орлова, охотника до скакуновъ, до кулачнаго боя, до русской пляски, до свайки и до всѣхъ игръ Русскаго народа. Въ пьесѣ *Рожденіе красоты* красота родится подъ рукою Зевеса совершенно русская:

Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щеки и въ уста,
Небо въ очи голубыя,
Нѣгу въ грудь, — и Красота
Въ мигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась,
И настала тишина.

Вотъ *Похвала сельской жизни*, написанная въ подражаніе Горацію чертами изъ сельской жизни русской:

Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченый окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моей,

Средь коихъ самъ я господиномъ,
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!

***

А какъ жаркой еще баранъ
Младой, къ Петрову дню блюденный,
Капусты сочныя качанъ,
Пирогъ, груздями начиненный,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ.

***

Тогда-то устрицы го-гу,
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы,
И ужъ ничто не вкусно мнѣ.

Въ этихъ чертахъ Державинской поэзіи виденъ уже зародышъ того народнаго искусства, которому суждено было у насъ развиться позднѣе, въ размѣрахъ болѣе огромныхъ. При такой русской палитрѣ, при такихъ народныхъ краскахъ, поэтъ имѣлъ право призывать свою музу не въ видѣ древней крылатой богини, а въ образѣ чисто-русскомъ, какъ читаемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Приди, иль въ облакѣ спустися,
Или хоть въ санкахъ прикатися
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ:
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ Сибирскихъ, хладомъ строгихъ.

Музыкальный элементъ въ поэзіи Державина уступаетъ совершенно живописному. Есть, конечно, и у него аккорды прекрасные, гармоническіе, но за то встрѣчается и какофонія, подобную которой можно встрѣтить развѣ у Тредьяковскаго. Риѳма Державина не только не богата, но иногда болѣе похожа на со-

звучіе, чѣмъ на риѳму. Приведемъ нѣсколько стиховъ, свидѣтельствующихъ о поэтическомъ недостаткѣ его уха. Нѣкоторые изъ нихъ могли бы быть употреблены на такъ называемыя русскія скороговорки.

Полякъ, Туркъ, Персъ, Прусъ, Хинъ и Шведы.

—

Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тьма и мгла:
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

—

Иль какъ на ленъ, на шелкъ, цвѣтъ пестрота и лоскъ.

—

Такъ ты, такъ ты таковъ-то мотъ.
Сія гробница скрыла —
Затмившаго мать лунный свѣтъ.

Можно было бы умножить эту коллекцію, особенно изъ стихотвореній позднѣйшаго періода, когда этотъ недостатокъ еще болѣе усилился.

Въ заключеніе разбора поэзіи Державина обратимъ вниманіе на основную мысль его произведеній. Эта мысль не художественная, а нравственно-религіозная: это идея правды. Она была путеводною звѣздою жизни поэта. Она засвѣтилась въ немъ еще тогда, какъ ребенкомъ онъ страдалъ за мать свою отъ неправды судовъ въ отечествѣ. Жажда правды образовала въ немъ честнаго и пламеннаго гражданина. Она же посылала ему и прекрасныя вдохновенія. Поэзія Державина особенно возвышается мыслію тамъ, гдѣ говоритъ отъ имени правды.

Для преложеній Державинъ избиралъ особенно тѣ псалмы, которые именуются пѣснями правды и посвящены ей. Таково, напримѣръ: *Воцареніе Правды.*

Господь воцарился!
Земля, веселись!
Мракъ тучъ разступился!
Холмъ, въ свѣтъ облекись!

Правда и судъ утвердились
Вкругъ трона его.

По случаю ввода императоромъ Павломъ сына его Александра въ сенатъ, Державинъ воспѣваетъ *Введеніе Соломона въ судилище* и произноситъ молитву:

Боже! дай царю Твой судъ
И цареву сыну правду!

Въ одѣ *Истина* поэтъ такъ опредѣлилъ Бога:

Онъ совѣсть — внутрь, Онъ правда — внѣ.

Въ другой одѣ по торжественному случаю онъ сказалъ:

И міра царь есть рабъ Господень:
. . . . . .
Лишь правда — надъ вселенной царь.

Эта мысль дала Державину нравственную силу, въ вѣкъ привилегированнаго вельможи, написать оду *Вельможа*, которая съ одной стороны представляетъ идеалъ честнаго гражданина у престола царя, а съ другой, — сатиру на многихъ вельможъ того времени.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній
Должны быть — польза, слава, честь.
. . . . . .
Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу

Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство,
Во правосудіи — равенство,
Свободу, — во уздѣ страстей!

***

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума,
И силъ у рукъ не отнимаетъ,
Имъ взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

***

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ, —
Вельможа! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, Царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ тономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

Любовь къ правдѣ дала Державину силу направить ея стрѣлы противъ самого себя, и въ посланіи къ Храповицкому написать эти смѣлыя строфы, въ которыхъ поэтъ отказался отъ льстивыхъ одъ своихъ:

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тьмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды
Хоть близь трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали
И любили бы ее.

***

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали, —
Чувствуемъ ярмо свое.

***

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить.

***

Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я восхвалялъ.
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Предавая великодушно слова свои въ жертву правосудію, Державинъ не отказывается отъ своихъ дѣлъ, и въ другомъ посланіи къ *Храповицкому* говоритъ:

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый ѳиміамъ;
За правду жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ.

Эти слова поэтъ обращалъ, конечно, не къ одному Храповицкому, но и ко всему потомству. Онъ увѣренъ былъ, что за это исканіе *единой правды* онъ получитъ награду и въ томъ мірѣ. Эту мысль онъ выразилъ въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній, *Проблескъ:*

Въ безсмертномъ превитать я буду озареньѣ,
Какъ ясный Божій лучъ!

Идеалъ мужа правды носится нерѣдко въ произведеніяхъ Державина. Онъ не находитъ этого идеала даже и въ геройхъ своего времени. Такъ, онъ говоритъ:

Средь славныхъ подвиговъ и боевъ
Мы зримъ полки у насъ героевъ;
Но чтитъ ли ихъ взоръ мудреца?
Онъ ищетъ Росса справедлива,
Благочестива, терпѣлива,
Мужей великихъ образца.

Такой идеалъ нашелъ онъ только въ героѣ древней Руси, князѣ Пожарскомъ, и воспѣлъ ему, помимо современниковъ, истинную, нельстивую оду:

Царя творецъ и рабъ послушный,
Не ты ль, герой великодушный,
Пожарскій, мужъ великій мой?

Поэтъ желаетъ, чтобы тѣнь этого мужа, который

Избралъ достойнаго владыку
И надъ собою воцарилъ,

чаще носилась надъ умами современниковъ:

Возстань, возстань на голосъ лиры,
Великая изъ мрака тѣнь!
И ночь когда скрываетъ міры,
Или когда сіяетъ день,
Носись надъ нашими главами.

Къ другимъ же славамъ современнаго міра онъ такъ относится:

Услышьте жъ, водопады міра!
О, славой шумныя главы!

Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы!...

И въ другомъ стихотвореніи:

Доколѣ не возлюбишь правды,
Сѣдинъ геройскихъ не почтишь,
Народу не подашь отрады,
И сирыхъ гласу не внушишь,
Дотоль, о смертный! сколь ни звученъ,
И сколь ты ни благополученъ,
Хоть славой до небесъ возникъ,
Хоть сѣлъ на тронѣ превысокомъ,
Предъ любомудрымъ, строгимъ окомъ,
Еще, еще ты не великъ.

Есть одна ода у Державина, принадлежащая къ виду лирики *всечеловѣческой*. Она составляетъ яркое исключеніе по полнотѣ художественнаго цѣлаго, которое выдержано отъ начала до конца. Это — пѣснь *Властителямъ и Судіямъ*. Здѣсь олицетворена самая идея правды въ образѣ Бога, являющагося судіею въ сонмѣ земныхъ боговъ. Мысль и образъ въ этой одѣ заимствованы изъ 81-го псалма правды; *Богъ ста въ сонмѣ боговъ: посредѣ же боги разсудитъ:*

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ», рекъ, «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

* * *

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

* * *

«Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».

***

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

***

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И такъ же смертны, какъ и я.

***

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

***

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ царемъ земли!

Этою одою мы закончимъ изученіе Державина.

ЛЕКЦІЯ 9.

За Державинымъ слѣдуетъ рядъ поэтовъ лирическихъ, которые развиваютъ данное имъ направленіе въ разныхъ видахъ. Назовемъ и характеризируемъ главныхъ изъ нихъ.

Е. И. Костровъ (1750—1796), питомецъ Московскаго университета, продолжалъ оду торжественную, которая имѣла у него слишкомъ оффиціальный, академическій характеръ и не вышла изъ границъ посредственности. Онъ болѣе извѣстенъ, какъ даровитый переводчикъ десяти пѣсней Гомеровой Иліады (переведено еще болѣе, но потеряно) и поэмъ Оссіановыхъ. Гомера онъ переводилъ, правда, александрійскимъ стихомъ, но необыкновенно сильно и пластически. Костровъ же проложилъ путь другимъ нашимъ переводчикамъ Гомера — Гнѣдичу и Жуковскому, къ созданію русской терминологіи для изображенія нѣкоторыхъ обрядовъ и утварей древне-греческой жизни. Оссіана Костровъ переводилъ въ прозѣ. Его Гомеръ и Оссіанъ не мало содѣйствовали образованію нашего трагика Озерова.

В. В. Капнистъ (1756 — 1823), малороссіянинъ, другъ Державина, прославился особенно одою *На истребленіе въ Россіи званія раба* (1786). Любовь къ свободѣ вызвала эту благородную пѣснь и внушила Капнисту прекрасный стихъ:

Россія! ты свободна нынѣ.

Капнистъ склонилъ лирику Державина на тонъ болѣе элегическій. Особенно была извѣстна въ свое время его ода на смерть дочери (Юліи):

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина...

Много подражалъ Капнистъ Горацію въ его частной лирикѣ, и самъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ одъ въ томъ же родѣ: *Въ память береста*, *Обуховка* и другія. Личныя, душевныя чувства уже болѣе изобилуютъ у Капниста, чѣмъ у Державина, особенно въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Но не одами Капнистъ удержалъ за собою славу, а своею замѣчательною комедіею: *Ябеда*, о которой скажемъ послѣ.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій (1751—1829), москвичъ родомъ, далъ лирикѣ еще болѣе личное, душевное направленіе. Не даромъ онъ сказалъ:

Каждое души движенье
Жертва другу моему.
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Нелединскій прославился пѣснями, которыя похожи на романсы. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ и донынѣ еще остались въ народѣ, какъ напримѣръ:

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

—

Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ;
Всё постыло,
Всё уныло:
Друга милаго нѣтъ.

—

Милая вечоръ сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка.

Долго между современницами Нелединскаго и послѣ него повторялись слова извѣстнаго романса, котораго первая строфа слѣдующая:

У кого душевны силы
Истощилися тоской;
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнетъ въ послѣдній разъ.

У Нелединскаго нѣтъ уже оды. Ею изобилуютъ другіе два послѣдователя Державина: Херасковъ и Николевъ. Херасковъ въ свое время былъ болѣе извѣстенъ двумя поэмами: *Россіяда* и *Владиміръ*, которыя Мерзляковъ подвергъ подробному и строгому критическому разбору, своею поэмою въ поэтической прозѣ *Кадмъ и Гармонія*, и своими слезными драмами. Нынѣ произведенія Хераскова въ большинствѣ забыты, потому что чужды всякой оригинальности и представляютъ лишь плодъ изученія западныхъ подлинниковъ. Но прекрасная жизнь Хераскова, какъ друга просвѣщенія, какъ покровителя Новикова и основателя университетскаго пансіона, записана въ исторіи Московскаго университета чертами искренней благодарности. Николевъ оживлялъ еще нѣсколько оду, когда вносилъ въ нее нѣкоторую веселую шутку; но торжественную оду онъ умалилъ до той степени, на которой она подверглась бичу извѣстной сатиры Дмитріева *Чужой толкъ*. Но о немъ рѣчь еще впереди.

Изъ позднѣйшихъ лириковъ поколѣнія Державинскаго, князь И. М. Долгорукій замѣчателенъ, частію чувствительнымъ, частію легкимъ сатирическимъ направленіемъ. Его *Каминъ*, *Въ Пензѣ*, *Въ Москвѣ*, его *Война каминовъ*, *Авось*, *Везетъ*, *Живетъ* въ свое время плѣняли остроуміемъ. Но строфы изъ его *Завѣщанія* вызываютъ и теперь то искреннее простосердечное чувство, съ какимъ написаны:

О, вы, друзья мои любезны!
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны,
Они души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ кѣмъ ни схорониться,
Земля все въ землю обратится:
Се равенство природныхъ правъ!
. . . . . .

Предъ Богомъ словъ не надо много;
Душевный вздохъ къ Нему дорога;
Онъ самъ ее намъ проложилъ.

***

Не славьте вы меня стихами,
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ-три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота!

Поэтъ своимъ прозорливымъ взглядомъ какъ бы предсказывалъ иногда будущіе плоды возроставшаго эгоизма:

Другой всѣ люди стали вѣры,
Себѣ всякъ нынѣ строитъ храмъ.

Современникомъ же Державина былъ поэтъ, давшій новый, прекрасный оттѣнокъ русской поэзіи того времени, И. Ѳ. Богдановичъ (1743—1803), Малороссіянинъ и одинъ изъ первыхъ слушателей Московскаго университета. Мы сказали уже, что Русскій народъ и языкъ его, какъ выраженіе души, соединяютъ силу съ мягкостію. То же соединеніе встрѣчаемъ и въ поэзіи. Если Державинъ въ своей лирикѣ олицетворяетъ преимущественно русскую силу, то его современникъ, Богдановичъ, дополняетъ эту силу мягкостію. Вся слава Богдановича сосредоточена въ поэмѣ *Душенька*.

Содержаніе разсказа взято изъ сказки Апулея: «Золотой оселъ», передѣланной Лафонтеномъ въ поэму: «Амуръ и Психея». Страданія Психеи, гонимой Венерою за ея красоту, составляютъ сущность поэмы. Но Богдановичъ съумѣлъ греческо-француз-

скую Психею претворить въ существо истинно-русское, прелестное, граціозное, или, выразимся по-русски: *милое*. Русскій языкъ прелестью своихъ ласкательныхъ уменьшительныхъ указалъ поэту названіе для его героини, названіе народное, слышное и понятное сердцу каждаго Русскаго:

У Русскихъ Душенька она именовалась.
. . . . . .
Во славу Душенькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то Любовь въ своемъ законѣ.

Милое — одинъ изъ видовъ изящнаго въ нашей народной эстетикѣ. Понятіе это сродни тому, что̀ Италіянцы называютъ il vago, Французы — le gracieux, Нѣмцы — anmuthig. Красота милаго зависитъ не столько отъ красивой формы внѣшней, сколько отъ выраженія души въ лицѣ. Оно выражается у насъ стихомъ-пословицей: «Не по̀-хорошу милъ, а по̀-милу хорошъ». — Слово «*милое*» современно первымъ явленіямъ жизни Русскаго народа и встрѣчается впервые въ древнѣйшихъ договорахъ нашихъ князей. Карамзинъ съ своею эстетическою чуткостью ко всему русскому подмѣтилъ его и первый далъ ему то художественное значеніе, которое оно у насъ получило. Образы *милаго* встрѣчаются у насъ въ пѣсняхъ, особенно въ колыбельныхъ, дѣтскихъ, въ нашихъ сказкахъ, прибауткахъ къ нимъ, въ загадкахъ и въ пословицахъ. Языкъ въ своихъ уменьшительныхъ, ласкательныхъ, простирающихся даже на междометія, представляетъ безчисленные оттѣнки милаго. Особенно нѣжно звучитъ это милое въ нашемъ семейномъ быту, въ его уменьшительныхъ, исполненныхъ ласки и мягкости душевной.

Богдановичъ понялъ это, и его Душенька есть первое проявленіе *нашего милаго* въ художественномъ періодѣ русской поэзіи. Въ Душенькѣ Богдановича—зародышъ Свѣтланы Жуковскаго, Людмилы и Татьяны Пушкина. Объ этомъ миломъ меч-

талъ Гоголь, когда создавалъ свою Улиньку, но не достигъ идеала. Мысль Душеньки, скажемъ, еще носится въ будущемъ нашей поэзіи, къ которой можно примѣнить то, что̀ Богдановичъ сказалъ о своей Душенькѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша —
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ . . .

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности поэмы. Прекрасна картина тріумфальнаго морскаго шествія Венеры, и въ немъ особенно Тритонъ, предлагающій ей отломокъ хрустальныхъ горъ на мѣсто зеркала.

Богиня, учредивъ старинный свой нарядъ
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ея ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,

Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.

Есть въ поэмѣ и отношенія современныя. Веселые хороводы, жмурки и плетень со всякими играми, какія Душенька заводитъ у себя, напоминаютъ любовь Екатерины къ русскимъ народнымъ увеселеніямъ. Свободное обращеніе Душеньки съ журналистами указываетъ на ту же черту въ императрицѣ.

Зефиры наконецъ царевнѣ приносили
Различные листки, которые на свѣтъ
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Между полезными предерзко выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ, кому не вѣдомъ былъ законъ,
Листомарателей свободъ не нарушала,
Но ихъ твореній не читала.

Богдановичъ вставлялъ нѣкоторыя наши сказочныя преданія въ содержаніе греческой поэмы. Особенно замѣчательно изображеніе Змѣя Горынича:

О, Змѣй Горыничъ, Чудо-юдо!
Ты сытъ во всяки времена,

Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда,
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями...

Легкій, вольный стихъ разсказа Душеньки далъ образецъ для сказокъ Дмитріева, Панкратія Сумарокова и даже для басенъ Хемницера и Крылова. Богдановичъ любилъ русскія пословицы, но обходился съ ними весьма нецеремонно, перелагая ихъ въ циничные стихи съ риѳмами; можетъ быть, однакожъ, знакомство съ русскими пословицами послужило поэту къ созданію и вольнаго русскаго стиха.

Сказавъ о Душенькѣ, мы не можемъ пройти молчаніемъ вдохновенный трудъ нашего славнаго художника ваятеля-медальера графа Ѳ. А. Толстаго, который въ своихъ пластическихъ рисункахъ далъ превосходный художественный коментарій къ созданію Богдановича.

Другимъ замѣчательнымъ современникомъ Державина, въ царствованіе Екатерины, былъ Фонвизинъ (1745—1792). Москвичъ родомъ, одинъ изъ первыхъ студентовъ Московскаго университета, Фонвизинъ въ своей литературной дѣятельности представляетъ то сатирико-комическое направленіе, которое въ новомъ періодѣ нашей поэзіи сопровождаетъ ее отъ начала. Все движеніе нашего художественнаго слова обозначаютъ двѣ струи: одна заимствуетъ свой источникъ отъ идеальной жизни и полна вдохновеннаго восторга; другая, напротивъ, изображаетъ изнанку жизни и полна искренняго, честнаго смѣха. Поэзія Державина болѣе проникнута идеаломъ жизни, а если иногда и касается ея изнанки, то превращаетъ восторгъ не столько въ смѣхъ, сколько въ гнѣвное негодованіе сатиры. Поэзія Фонвизина дѣйствуетъ смѣхомъ комедіи.

Смѣшное — одинъ изъ отрицательныхъ видовъ изящнаго.

Смѣхомъ поэзія обличаетъ и поражаетъ все неразумное въ жизни. Русскій человѣкъ имѣетъ врожденную наклонность къ смѣшному и любитъ чистосердечно и искренно предавать смѣху всѣ свои недостатки. Такая наклонность служитъ вѣрнымъ залогомъ его совершенствованія. Въ пословицахъ своихъ онъ такъ выражается о смѣхѣ: «Всякій смѣхъ у воротъ стоитъ, дотуда не отойдетъ пока не отсмѣетъ»; «Въ чемъ живетъ смѣхъ, въ томъ и грѣхъ». Пословицы его противъ глупыхъ исполнены безпощаднаго остроумія. Еще въ древности Слово Данінла Заточника выражалось о нихъ, что дураковъ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, а что они сами себя рождаютъ. Наши старинныя сказки и преданія исполнены комическаго остроумія. Русскій человѣкъ въ самомъ діаволѣ видитъ дурака и выражается о немъ иронически: «Самъ дуракъ въ яму залѣзъ, да и всѣхъ туда тащитъ». Одинъ изъ древнихъ русскихъ проповѣдниковъ XV вѣка, Григорій Цамблакъ, выразился такъ о діаволѣ: «Онъ изъ царства своего да изгнанъ будетъ и *смѣху да преданъ будетъ*»!

Мы уже знаемъ, какую страсть къ комическому имѣлъ Петръ Великій и какъ онъ въ своихъ пародіяхъ на обычаи отжившей старины предсказалъ развитіе нашей комедіи. Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ русской литературы новаго періода была не ода, не плодъ идеальнаго вдохновенія, а Кантемирова сатира, поражавшая грубую дѣйствительность жизни. Ода Ломоносова увлекла, напротивъ, въ міръ идеальный. Мы уже знаемъ, что творецъ русскаго слова въ поэзіи почти чуждался сатирическаго элемента, хотя не совсѣмъ. Современникъ его, Сумароковъ уже любилъ сатиру, въ ней болѣе отличался, чѣмъ въ одѣ и ввелъ ея стихію въ лирику. Въ одѣ Державина сатирическій элементъ получилъ еще большее развитіе. Ода-сатира, начатая Сумароковымъ, усовершенствована Державинымъ.

Мы уже знакомы нѣсколько съ комедіями Сумарокова и знаемъ, что нѣкоторые мотивы комическаго изобрѣтены имъ; но его комедія не создала еще стиля, не имѣетъ языка, безъ котораго нѣтъ художественной комедіи. Сумароковъ имѣлъ послѣдо-

вателя въ Лукинѣ, который написалъ комедію *Мотъ*, гдѣ вывелъ нѣсколько карикатуръ, снятыхъ съ подлинниковъ. Комедія Веревкина: *Такъ и должно* болѣе напоминаетъ слезныя драмы Дидерота. Замѣчательно въ ней лицо домоваго дурачка Фоки.

Къ числу комическихъ нашихъ писателей принадлежитъ и императрица Екатерина II. Ея комедіи хотя также лишены художественнаго достоинства и комическаго языка, но въ нихъ замѣтна остроумная наблюдательность и выведены многія рѣзкія черты современныхъ нравовъ. Особенно замѣчательны двѣ ея комедіи: *О, время!* (1772) и *Имянины госпожи Ворчалкиной*. Въ первой изъ нихъ изображены три русскія барыни: Ханжахина, Вѣстникова и Чудихина, имена которыхъ даютъ уже намеки на ихъ характеры. Ханжахина олицетворяетъ грубое ханжество и суевѣріе: она сѣчетъ своихъ людей, когда они внезапнымъ приходомъ помѣшаютъ ея молитвѣ, и увѣрена, что шестнадцатый ребенокъ, рожденный ею, былъ камень, который носитъ она за пазухой. Чудихина боится сѣсть на томъ мѣстѣ, гдѣ 30 лѣтъ тому назадъ сидѣлъ покойникъ. Она пресерьезно говоритъ, что у нея въ животѣ щука, а въ спинѣ собака, и что она чувствуетъ, когда онѣ тамъ ссорятся. Во второй комедіи выведена дура Степанида, которую Ворчалкина держитъ для вранья. Въ этой же комедіи дворянинъ Дремовъ преважно хвалится тѣмъ, что дѣдушка его былъ названъ Дремовымъ отъ государя, который дремать изволилъ, когда велѣлъ его за услуги отечеству назвать Дремовымъ. — Мы видимъ, что всѣ эти черты, смѣшныя и грубыя, взяты изъ дѣйствительности, но воспроизведены не художественно.

Первымъ истиннымъ художникомъ въ русской комедіи является Фонвизинъ. Онъ же создалъ у насъ и комическій стиль или языкъ, безъ котораго невозможна комедія. Фонвизину посчастливилось болѣе другихъ писателей въ исторіи русской словесности. Князь П. А. Вяземскій посвятилъ ему классическую монографію, въ которой обозрѣлъ вѣкъ, жизнь и всю дѣятельность комика, литературную и гражданскую.

Фонвизинъ оставилъ намъ: *Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ*, къ сожалѣнію недоконченное и письма изъ заграницы. Въ этихъ произведеніяхъ содержатся превосходные матеріалы для изученія біографіи и личности писателя.

Фонвизинъ родился и получилъ первоначальное воспитаніе въ старинной русской дворянской семьѣ. Но лишь только былъ учрежденъ Московскій университетъ и открыты двѣ его гимназіи для дворянъ и для разночинцевъ, какъ отецъ Фонвизина немедленно отдалъ двухъ своихъ сыновей въ первую. Фонвизинъ весьма комично разсказываетъ о своемъ первомъ ученіи въ университетѣ: какъ на экзаменахъ у латинскаго учителя пять пуговицъ его кафтана означали пять склоненій, а четыре пуговицы на камзолѣ — четыре спряженія; какъ ученики на вопросы учителя объ именахъ и глаголахъ, къ какому склоненію или спряженію они относятся, должны были отвѣчать, смотря по тому, за какую пуговицу онъ хватался, и проч. Золотую медаль Фонвизинъ, по словамъ его, получилъ изъ географіи, и вотъ за какой отвѣтъ. Учитель спросилъ, куда течетъ Волга. Одинъ ученикъ отвѣчалъ: *въ Черное*, а другой: *въ Бѣлое море*, Фонвизинъ же отвѣчалъ: *не знаю*. Въ этихъ смѣшныхъ разсказахъ трудно узнать, что̀ принадлежитъ истинѣ, и что̀ комическому остроумію автора. Мы знаемъ однако отъ самого Фонвизина, что въ Московскомъ университетѣ онъ познакомился съ французскою и нѣмецкою литературою; что съ большимъ сочувствіемъ онъ слушалъ лекціи логики профессора Шадена, который читалъ по-латыни. Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что первые литературные опыты переводовъ Фонвизинъ совершилъ въ университетѣ подъ руководствомъ профессора Рейхеля и напечаталъ ихъ въ его же журналѣ.

Конечно, развитіе ума наукою въ Фонвизинѣ, при его природномъ дарованіи къ смѣшному, помогло Фонвизину развить комическій талантъ и озарить разумнымъ художественнымъ смѣхомъ все неразуміе окружавшей его тогда русской жизни. Мы замѣтимъ, что два нашихъ превосходныхъ комика, Фонвизинъ

и Грибоѣдовъ, были питомцами Московскаго университета: первый при самомъ началѣ его основанія, когда наука, перенесенная съ Запада, сильно спрыснула русскую почву въ молодомъ поколѣніи; второй при вторичномъ возрожденіи университета, когда онъ въ царствованіе Александрово по мысли Муравьева пріобрѣлъ новыя силы къ своему процвѣтанію.

Фонвизинъ одаренъ былъ отъ природы рѣдкою чувствительностію души. Такое психологическое явленіе встрѣчается почти во всѣхъ лучшихъ комикахъ. Комическій смѣхъ, при наружномъ весельѣ, скрываетъ глубину душевнаго чувства. Чувствительность увлекла поэта къ страсти и заблужденію. Онъ самъ искренно сознается въ тѣхъ паденіяхъ, которыя испытала его волнуемая душа. Литературнымъ памятникомъ его духовной борьбы осталось *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*. Есть преданіе, что оно было напечатано въ 1763 году, на масляницѣ, когда императрица Екатерина на три дня уничтожила цензуру и позволила печатать все. Позднѣе, чувствительность въ Фонвизинѣ, подъ вліяніемъ болѣзни, сказывалась сильною наклонностію къ меланхоліи. Фонвизинъ своею жизнію и поэзіею, такъ сказать, предсказываетъ Гоголя.

Два раза Фонвизинъ былъ за границею. Письма его оттуда представляютъ образецъ прозы, замѣчательной для своего времени, и если бы они не были изданы уже послѣ писемъ Карамзина, то Фонвизина смѣло можно бы назвать преобразователемъ русской прозы. Къ тому же, въ Фонвизинѣ не было того сочувствія ко всемірному образованію Запада, какое одушевляло Карамзина. Какъ комикъ, онъ, по свойству своего дарованія, подмѣчалъ болѣе изнанку въ жизни народовъ. Да и время, когда онъ путешествовалъ, много послужило ему въ этомъ: во Франціи общество было наканунѣ революціи и обнаруживало всѣ признаки нравственнаго разложенія. Многія наблюденія, касающіяся недостатковъ народнаго характера, остаются и донынѣ непзмѣнно вѣрны. Въ Римѣ Фонвизинъ глубоко сочувствовалъ художественной жизни Италіянскаго народа, но не увлекся религіозными яв-

леніями этой жизни, и глубокомысленно замѣтилъ, что папское богослуженіе представляетъ не столько служеніе Богу, сколько поклоненіе папѣ. Черты италіанскаго характера укрылись отъ глазъ Фонвизина: онъ замѣтилъ въ немъ лишь одни недостатки.

Фонвизинъ оставилъ намъ только двѣ комедіи: *Бригадиръ* и *Недоросль;* третья комедія, *Выборъ гувернера*, осталась недоконченною. Содержаніе комедій Фонвизина сводится къ одной идеѣ, ихъ одушевляющей,—къ идеѣ воспитанія. Эта мысль была мыслію его вѣка, она руководила Екатерину и ея государственныхъ сподвижниковъ. «Воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства», говоритъ Фонвизинъ устами Стародума въ Недорослѣ: «мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что̀ для отечества можетъ выдти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ! Сколько дворянъ-отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ».

Замѣчательно, что всѣ важнѣйшія комедіи въ нашей словесности имѣютъ государственный характеръ. Да, русская комедія, по своему значенію, родня политической комедіи Аристофана. Не на отдѣльные нравы общества, не на личные характеры нападаетъ она, но на недостатки въ основахъ самой политической жизни общества: такъ Фонвизинъ обличаетъ недостатки въ воспитаніи, Капнистъ — въ судахъ, Грибоѣдовъ — въ формахъ свѣтской жизни общества, Гоголь—въ гражданской администраціи и во всемъ общественномъ устройствѣ.

Комедія «Бригадиръ» была написана въ 1763 году. Въ лѣтописяхъ русской словесности достопамятно дѣйствіе, которое эта комедія произвела на все современное общество въ Петербургѣ. Фонвизинъ читалъ ее въ Эрмитажѣ, въ кабинетѣ наслѣдника престола, въ гостиныхъ просвѣщенныхъ вельможъ того времени. Вѣрность схваченныхъ типовъ поразила. Въ бригадирше

всякій узнавалъ бабушку, тетку; всѣмъ она была сродни. Комическій языкъ поражалъ всѣхъ жизнію, снятою на мѣстѣ. Общему очарованію много содѣйствовало мастерство Фонвизина читать комедіи. Извѣстно, что Фонвизинъ былъ большой мастеръ передразнивать другихъ. Такъ, копируя Сумарокова, онъ говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ. Онъ схватывалъ не одни только внѣшніе признаки человѣка, но и весь его характеръ. Онъ могъ не называть лицъ, когда читалъ свои комедіи; но всѣ узнавали ихъ по особенному голосу. Когда онъ читалъ слова бригадирши, то всѣ ее слышали и какъ будто видѣли воочію. Такимъ же комическимъ свойствомъ одаренъ былъ и Гоголь. Его комедіи, имъ самимъ читанныя, были гораздо лучше всѣхъ возможныхъ представленій на сценѣ.

«Недоросль» явился въ 1782 году. Память перваго представленія этой комедіи соединена съ словами, которыя Потемкинъ сказалъ автору при выходѣ изъ театра: «Умри, Денисъ, или больше ничего ужъ не пиши!» Такъ и случилось: Недоросль былъ послѣднею комедіею Фонвизина.

Въ Бригадирѣ Фонвизинъ поразилъ недостатки того воспитанія, которое, послѣ реформы Петровой, основывалось нерѣдко на однѣхъ пустыхъ формахъ французскаго разговорнаго языка въ общежитіи. Это былъ одинъ лоскъ внѣшній, скрывавшій внутри основу совершенно гнилую. Но мы пройдемъ лучше по порядку всѣ художественно созданныя лица этой комедіи — и въ нихъ всего ярче раскроется весь комизмъ ея содержанія.

Бригадиръ, выведенный Фонвизинымъ и давшій названіе комедіи, положилъ конецъ этому чину, прежде бывшему въ большой силѣ до злоупотребленія, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный стихъ Державина:

И цѣлый свѣтъ сталъ Бригадиръ.

Бригадиръ является однимъ изъ вредныхъ слѣдствій реформы Петра, черствымъ плодомъ введеннаго имъ военнаго деспотизма и табели о рангахъ. Бригадиръ думаетъ, что все образованіе

молодаго человѣка должно состоять въ чтеніи артикула, военнаго устава и межевой инструкціи. О наукахъ, напримѣръ, о грамматикѣ, онъ такъ мыслитъ: «На что̀, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до 60-ти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ». Онъ увѣренъ, что если Богъ и не считаетъ волосъ на головѣ у всѣхъ людей, но у бригадира считаетъ ихъ непремѣнно: «ежели у пяти классовъ волосъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?» На справедливое замѣчаніе жены, что у Бога генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ, онъ, съ угрозою сдѣлать ей, что на ея головѣ нечего и считать будетъ, возражаетъ: «Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло!» — Любимые предметы разговоровъ бригадира — баталіи, экзерціи, фортеціи, — все слова Петровой эпохи. Обожаніе табели о рангахъ и военный деспотизмъ уничтожили въ бригадирѣ всѣ человѣческія чувства, что̀ особенно видно изъ его обхожденія съ женою и сыномъ. Бригадирша искренно сознается, что ея Игнатій Андреевичъ вымещалъ на ней вину каждаго рядоваго. Бригадиръ же выражается о женѣ, что она умна какъ корова, а прекрасна какъ сова. Ему ничего не стоитъ назвать ее даже при другихъ дурищей. Сыну своему онъ говоритъ: «Иванъ! не бѣси меня. Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу».

Не мудрено, что отъ такого отца произошелъ Иванушка, котораго можно назвать нравственнымъ уродомъ. Отецъ отдалъ его на руки французскому кучеру̀, а потомъ послалъ въ Парижъ. «Ему, т. е. кучеру, говоритъ Иванъ, долженъ я за любовь мою къ Французамъ и за холодность мою къ Русскимъ. Ежелибъ malheureusement я попалъ къ Русскому, который бы любилъ свою націю, я можетъ-быть и не былъ бы таковъ». — «Всякой, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про Русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ что онъ уже сталъ больше Французъ, нежели Русской». — «Тѣло мое родилось въ Россіи, но духъ мой принадлежитъ коронѣ Французской!» Эти слова ясно говорятъ объ отношеніи Ивана къ отечеству. По-

рвавъ съ нимъ всѣ связи, Иванъ, разумѣется, разрываетъ ихъ и съ семействомъ. Вотъ разговоръ его съ отцомъ: «Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?» — Дуралей, я твой отецъ! — «Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, animaux, одинаковы?» — Это къ чему? Конечно, всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?..... «Когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?». Объ отцѣ и матери онъ, зѣвая, такъ выражается: «Quelles espèces!»

Бригадирша — chef-d'oeuvre Фонвизина въ этой комедіи. Не даромъ современники были въ восторгѣ отъ этого типическаго характера. Бригадирша таскалась по всѣмъ походамъ за своимъ мужемъ *безъ жалованья*, какъ она выражается, и отвѣчала дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Пренаивно она разсказываетъ совѣтницѣ о варварскихъ поступкахъ своего мужа: «Однажды съ сердцовъ толкнулъ меня въ грудь; такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула. А онъ, мой батюшка, хохочетъ да тѣшится. Недѣль черезъ 5, 6 и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть было Богу души не отдала безъ покаянія». Когда совѣтница, выслушавъ это простодушное признаніе, спрашиваетъ бригадиршу: «Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было на тотъ свѣтъ не отправилъ?» Бригадирша отвѣчаетъ ей: «Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна за мужемъ». Бригадиршино: *Такъ и жить* достойно знаменитаго Корнелева: Qu'il mourût! въ Горацiяхъ.

Совѣтникъ ведетъ свое начало отъ лицъ, выведенныхъ еще Сумароковымъ. Это — ханжа, взяточникъ и лицемѣръ, лишенный всякаго чувства чести, и приказная строка, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ увѣренъ, что кто умѣетъ толковать уложеніе и указы, тотъ нищимъ быть не можетъ. Онъ сочувствуетъ обычаямъ старины, когда за вину отца наказывали сына, а за вину сына отвѣчалъ отецъ. Ко всякому случаю у него готовы тексты Св. Писанія, а между тѣмъ чортъ сидитъ въ его тѣлѣ. Онъ думаетъ, что въ книгахъ не можетъ быть лжи, и вѣритъ всему пе-

чатному, какъ святынѣ. За безчестье себѣ и женѣ, онъ требуетъ деньги, опредѣленныя закономъ, не уступя изъ нихъ ни полушки. Совѣтница, жена его, помѣшана на романахъ и на французскомъ языкѣ. Она не умѣетъ говорить на немъ, но безпрерывно, по обычаю времени, перешедшему у насъ теперь въ современную журналистику, вставляетъ въ разговоръ французскія слова. Иванушка, въ признаніи своей любви къ ней, говоритъ, что все его несчастіе состоитъ въ томъ, что она Русская, и она съ нимъ соглашается.

Вотъ пять главныхъ лицъ комедіи. Но кромѣ ихъ еще есть лица нравственно-совершенныя, выводимыя въ противуположность порочнымъ. Таковы Добролюбовъ и Софья, дочь совѣтника. Эти лица представляютъ большой недостатокъ въ художественномъ созданіи, и благодаря имъ, авторъ нисколько не достигаетъ той нравственной цѣли, какую имѣлъ въ виду при ихъ изображеніи. Они холодны, скучны, чужды живаго комическаго языка и докучаютъ своими нравственными сентенціями. Зритель зѣваетъ отъ скуки при появленіи ихъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ ихъ ухода и выхода на сцену лицъ порочныхъ, заставляющихъ его отъ души смѣяться. Идеалъ добра тускнѣетъ въ этихъ холодныхъ и мертвыхъ изображеніяхъ добродѣтели; онъ ярче выступаетъ въ душѣ, когда она художественнымъ простодушнымъ смѣхомъ озаряетъ все неразумное въ жизни.

Дѣйствіе въ Бригадирѣ состоитъ въ перекрестной интригѣ между порочными лицами. Бригадиръ любезничаетъ съ совѣтницей и находитъ соперника себѣ въ сынѣ Иванушкѣ. Совѣтникъ неравнодушенъ къ бригадиршѣ. Его изъясненіе въ любви къ ней подаетъ поводъ къ презабавной сценѣ, едва ли не лучшей во всей комедіи, но не оцѣненной нашими критиками. Комизмъ состоитъ въ томъ, что бригадирша нисколько не понимаетъ любовнаго языка совѣтника и приходитъ въ неистовство, когда сынъ, заставшій совѣтника на колѣняхъ передъ матерью, объясняетъ ей, въ чемъ дѣло. Здѣсь бригадирша обнаруживаетъ замѣчательную чистоту нравовъ старинной русской жены, которая служила

сильною опорою въ семейной жизни предковъ и ставитъ бригадиршу высоко надъ всѣми другими порочными лицами комедіи.

Внѣшняя завѣса Петровой реформы скрыла отъ глазъ русскаго общества многія язвы, таившіяся глубоко внутри отечества. Фонвизинъ въ *Недорослѣ* смѣлою рукою художника отдернулъ эту завѣсу и обличилъ язвы. Здѣсь на первомъ планѣ является семейство Простаковыхъ. Въ Бригадирѣ мы видѣли деспотизмъ мужа надъ женою; здѣсь же, напротивъ, жена деспотически управляетъ мужемъ, крестьянами, и искажаетъ нелѣпымъ баловствомъ человѣческій образъ на родномъ сынѣ. Въ лицѣ Митрофанушки Фонвизинъ поразилъ отсутствіе человѣческаго воспитанія, чѣмъ страдали многія дворянскія семейства Россіи, и съ того времени имя Митрофанушки сдѣлалось у насъ именемъ комически-нарицательнымъ; а имя нарицательное *недоросль* — именемъ почти позорнымъ. Прежде званіе *недоросль изъ дворянъ* употреблялось даже въ нашихъ гражданскихъ актахъ, но комедія Фонвизина уничтожила его, какъ и чинъ бригадира. Такова сила комедіи!

Простакова — главное дѣйствующее лицо въ Недорослѣ. Въ ея образѣ мы видимъ весь тотъ вредъ, какой можетъ причинять обществу злая до безумія женщина, поставленная полновластною среди своего семейства. Простакова, между прочимъ, доказываетъ, что права женщины у насъ не были такъ стѣснены, какъ воображаютъ нѣкоторые порицатели древней русской жизни. Но злоба къ людямъ не изгладила окончательно въ Простаковой чувства любви: она любитъ безъ памяти своего Митрофанушку, но любитъ по-своему. Это любовь болѣе животная, нежели человѣческая. Простакова выразила сама характеръ этой любви словами: «У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобы сука щенятъ своихъ выдавала?»

Чтобы понять нравственную сторону Простаковой, приведемъ съ ея собственныхъ словъ ея родословную и характеръ ея отца, Скотинина: «Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ: да, кромѣ мена еъ братцемъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ

изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!» Вотъ что Простакова сама говоритъ о родителяхъ: «Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало, добрые люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобы хоть братца отдать въ школу. Кстати ли! Бывало, изволитъ закричать: «Прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ». Этотъ самый Скотининъ, не зная грамоты, былъ воеводою 15 лѣтъ; послѣ всякаго челобитчика, отворялъ сундукъ и что-нибудь въ него вкладывалъ. Лежа на этомъ сундукѣ съ деньгами, онъ умеръ съ голоду.

Другой образчикъ семьи представляетъ Скотининъ, братъ Простаковой. Личность его развита особенно въ обычаѣ громко прокричать: «Я!» когда услышитъ свое имя. Характеръ же его выражается въ симпатіи къ свиньямъ до такой степени, что и будущихъ дѣтей своихъ онъ готовъ называть поросятами. «Люблю свиней, сестрица!...» «Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу».

Чтобы докончить характеристику этого рода, нельзя забыть и дядю Скотинина, Вавилу Фалелѣева, замѣчательнаго развитіемъ физической силы. Племянникъ его, Тарасъ, разсказываетъ о немъ, какъ онъ разъ, верхомъ на борзомъ походцѣ, разбѣжался хмѣльной въ каменныя низкія ворота и, забывъ наклониться, хватилъ себя лбомъ о притолоку. «Я хотѣлъ бы знать», спрашиваетъ Скотининъ, «есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который отъ такого тумака не развалился? А дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?»

Простакова, однако, выдѣляется въ своей семьѣ тѣмъ, что уже чувствуетъ потребность воспитанія. Но удовлетворяетъ она этой потребности своеобразно. Въ Митрофанушкѣ развиты всего болѣе животные инстинкты. Ничто такъ не характеризуетъ его, какъ чтеніе псалтыри съ Кутейкинымъ: «Азъ есмь скотъ, а

не человѣкъ, поношеніе человѣковъ». Отношенія Митрофанушки къ отцу и къ матери видны изъ перваго его разсказа о томъ, какъ ему, съ вечера наѣвшемуся пироговъ, всякая дрянь лѣзла въ голову. На вопросъ матери: «Какая жъ дрянь?» онъ отвѣчаетъ: «Да то ты, матушка, то батюшка», — и при томъ еще съ такою подробностію: «Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку». Ему жаль стало, но не битаго отца, а мать, которая устала, колотя своего мужа.

При Митрофанушкѣ находится его няня, Еремѣевна, образчикъ старинныхъ русскихъ нянь, но въ искаженномъ видѣ. Своею непоколебимою преданностію господамъ она стоитъ нравственно выше ихъ; но эта преданность не столько человѣческая, сколько животная, — преданность собаки, которую бьютъ и которая все такъ же ластится къ своимъ хозяевамъ. Но изъ устъ ея раздается человѣческій ропотъ, когда она говоритъ Кутейкину, что *благостыня* ей: по пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день.

Митрофанушка имѣетъ трехъ учителей. Выгнанный изъ семинаріи Кутейкинъ представляетъ изнанку современнаго духовнаго сословія. Въ немъ съ глубокою ироніей поражена черта его корыстолюбія. Честный Цифиркинъ представляетъ, напротивъ, типъ безкорыстія нашихъ старыхъ военныхъ. Фонвизинъ, въ изображеніи этихъ двухъ лицъ, потворствовалъ обществу, которое не сочувствовало духовенству, а льстило военной службѣ, ведшей начало свое отъ временъ Петра.

Третій учитель Митрофанушки—Нѣмецъ, но съ русскимъ именемъ, передѣланнымъ на нѣмецкій ладъ—Адамъ Адамычъ Вральманъ. Бывши прежде кучеромъ, онъ съ козелъ попалъ въ воспитатели дворянскаго сына. Его прежнее званіе напоминаетъ нѣмецкое происхожденіе *кучера* (Kutscher) въ Россіи. Вральманъ говоритъ ломанымъ по-нѣмецки русскимъ языкомъ. Эта черта взята Фонвизинымъ изъ нашихъ народныхъ нравовъ. Русскій любитъ посмѣяться надъ Нѣмцемъ и въ смѣшномъ видѣ изобразить его походку, платье, парикъ и ломку по-своему русскаго языка. О святкахъ, когда костюмируется русскій народъ, въ его

маскарадныхъ увеселеніяхъ вы нерѣдко встрѣтите наряженнаго Нѣмца съ исковерканною русскою рѣчью. Вообще, нѣтъ такого удовольствія Русскому, какъ потѣшиться надъ нѣмецкимъ человѣкомъ въ Россіи, точно такъ, какъ для Француза большое удовольствіе посмѣяться надъ Англичаниномъ. Впервые внесенный Фонвизинымъ въ русскую комедію, мотивъ Нѣмца, говорящаго по-русски, впослѣдствіи былъ очень плодовитъ въ нашихъ комедіяхъ и нашелъ множество подражателей. Вральманъ гораздо хитрѣе и Цифиркина, и Кутейкина. Тѣ, хотя и не важные учители, но честно и искренно настаиваютъ на томъ, чтобы Митрофанушка учился и въ чемъ-нибудь да успѣлъ. Вральманъ же, какъ хитрый Нѣмецъ, поддѣлывается подъ баловство матери и настаиваетъ на томъ, чтобъ Митрофанушка ничему не учился.

Недоросль, такъ же какъ и Бригадиръ, грѣшитъ изображеніемъ добродѣтельныхъ лицъ. Они бездушны и мертвы; но изъ нихъ надобно исключить Стародума. Это лицо живое, типъ характеристическій: это—старый, честный и благородный служака временъ Петровыхъ, который, обидѣвшись учиненною надъ нимъ неправдою, удалился отъ двора и службы и сохранилъ въ чистотѣ всю цѣлость благородной души своей. Вотъ прекрасная исторія этой отставки, выраженная притчею о табакеркѣ.

Стародумъ.

Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другаго; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ.

Итакъ, вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ?

(Открываетъ свою табакерку).

Стародумъ.

(Беретъ у Правдина табакъ).

— Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку. Другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Приведемъ еще замѣчательное опредѣленіе должности: «Должность! А, мой другъ! Какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Еслибъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что̀ такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи, и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ — подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!». Князь П. А. Вяземскій, въ своемъ классическомъ разборѣ комедій Фонвизина, называетъ Стародума *подобіемъ хора въ древней трагедіи.* Въ хорѣ трагикъ выражалъ или свои собственныя размышленія, возбуждаемыя дѣйствіемъ трагедіи, или размышленія всей лучшей стороны того общества, которое присутствовало при представленіи. Въ комедіяхъ древнихъ, какъ въ Аристофановыхъ, поэтъ выражалъ себя и свое общество въ такъ называемомъ *парабазѣ* (παράβασις). Греки, въ своемъ чудномъ сознаніи всѣхъ разнообразныхъ законовъ и явленій изящнаго, сознавали необходимость дополнять стихію смѣшнаго, комическаго открытымъ разумнымъ сознаніемъ

того идеала общественнаго добра, который искажался въ порокахъ и недостаткахъ общества. Въ парабазѣ онъ возстановлялся, и поэтъ отъ смѣха переходитъ къ серіознымъ думамъ и даже къ слезамъ. Французская комедія, которую мы усвоили себѣ, не поняла этого высокаго стремленія комедіи греческой. Она замѣнила парабазъ холодными резонерами, которые наводили скуку на зрителей. Фонвизинъ, къ сожалѣнію, послѣдовалъ примѣру французскихъ комиковъ; но въ созданіи Стародума онъ, по чувству художественному, сталъ выше ихъ. Гоголь, какъ истинный и полный художникъ, отвергъ вовсе стихію резонерства; но по требованію общественно-нравственнаго чувства, столь сроднаго комику, создалъ къ своему Ревизору отдѣльный парабазъ въ *Театральномъ разъѣздѣ*.

Въ Недорослѣ сходятся и переплетаются два дѣйствія. Одно изъ нихъ представляетъ любовную интригу, безъ которой немыслима новая комедія. Она сосредоточена около Софьи, племянницы Стародума. Узнавъ, что она будетъ его наслѣдницей, Простакова прочитъ за нее Митрофанушку. Братъ ея, Скотининъ, также ухаживаетъ за нею, узнавъ, что въ ея деревнѣ водятся отличныя свиньи, — и дядя является соперникомъ племяннику, что̀ подаетъ поводъ къ забавнымъ, но грубымъ домашнимъ сценамъ. Простакова устроиваетъ даже насильственное похищеніе Софьи, но все это прекращаетъ Стародумъ. Другое комическое дѣйствіе Недоросля не имѣетъ ни завязки, ни развязки, а состоитъ въ отдѣльныхъ картинахъ, относящихся къ воспитанію Митрофанушки. Сюда относится первое явленіе комедіи. Мать примѣряетъ новый кафтанъ на сына. Сцена эта имѣетъ глубокое значеніе, какъ въ самой комедіи, такъ и вообще въ новой русской общественной жизни, въ которой кафтанъ и вообще внѣшность получили столь важное значеніе на счетъ внутренняго достоинства. Воспитаніе новаго Русскаго человѣка временъ Петровыхъ какъ будто началось съ кафтана, а не съ головы и сердца. Портной Тришка, который ни у кого не учился, однако сшилъ кафтанъ, представляетъ образчикъ народной русской смышлености. Когда барыня спра-

шиваетъ его: «Да первой-то портной у кого же учился? Говори, скотъ!» Тришка отвѣчаетъ: «Да первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего». Далѣе слѣдуютъ утреннія сцены Митрофанушки съ матерью и съ няней Еремѣевной; сцены уроковъ Кутейкина и Цифиркина, прерываемыхъ приходомъ Вральмана, и наконецъ, превосходныя сцены экзамена Митрофанушки, который совершается въ присутствіи Стародума. Все это дѣйствіе, хотя, повидимому, и состоитъ въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ сценахъ, но представляетъ во внутреннемъ содержаніи глубокое, цѣльное единство. Здѣсь также во всемъ видна только внѣшность, не блистательная какъ въ высшемъ обществѣ, но столь же нелѣпая и безумная. Плоды такого воспитанія обнаруживаются въ заключительномъ поступкѣ Митрофанушки съ матерью,—поступкѣ, который представляетъ черту высоко-комическую, но вмѣстѣ показывающую, что комическое, на вершинѣ своего развитія, граничитъ съ трагическимъ. Когда Простакова, пораженная правосудіемъ правительства и оставленная всѣми, бросается обнимать сына, надѣясь въ немъ найдти себѣ утѣшеніе, и говоритъ ему: «Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!» — Митрофанъ отвѣчаетъ: «Да отвяжись, матушка! Какъ навязалась....». Тогда Простакова въ отчаяніи восклицаетъ: «И ты, и ты меня бросаешь! А! неблагодарный!» и падаетъ въ обморокъ. При этой сценѣ жалость смѣняетъ смѣхъ, и серьезная дума смежаетъ уста пораженнаго зрителя. Здѣсь-то выступаютъ невольно наружу тѣ внутреннія слезы, которыя подъ личиною смѣха скрываетъ всякая высокая комедія.

Въ развязкѣ Недоросля важную роль играетъ правительство: оно, какъ deus ex machina, является подъ конецъ, чтобы развязать всѣ узлы, положить преграду произволу крѣпостнаго права и возстановить общественное правосудіе, оскорбленное зрѣлищемъ безнравственныхъ поступковъ Простаковой. Почти всѣ наши комики сознавали эту законную силу правительства и выдвигали ее въ концѣ своихъ комедій.

Черты комическаго остроумія разсѣяны и во всѣхъ другихъ

сочиненіяхъ Фонвизина. Мы заключаемъ ихъ разборъ отрывками изъ его *Всеобщей придворной грамматики*, которая блещетъ смѣлымъ остроуміемъ и приноситъ честь, какъ ея автору, такъ и императрицѣ, позволявшей при своемъ Дворѣ говорить такъ искренно противъ этого же Двора. Авторъ предувѣдомляетъ, что рукопись этой Грамматики была найдена въ Азіи, гдѣ, какъ сказываютъ, былъ первый царь и первый дворъ. Древность сочиненія глубочайшая; на первомъ листѣ изображены слова: «вскорѣ послѣ всеобщаго потопа». Прочтемъ отрывки изъ него.

Вопр. Что̀ есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языкомъ и перомъ.

Вопр. Что̀ значитъ хитро льстить?

Отв. Значитъ говорить и писать такую ложь, которая была бы знатнымъ пріятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что̀ есть придворная ложь?

Отв. Есть выраженіе души подлой предъ душою надменною. Она состоитъ изъ безстыдныхъ похвалъ большому барину за тѣ заслуги, которыхъ онъ не дѣлалъ, и за тѣ достоинства, которыхъ не имѣетъ.

Вопр. Что̀ есть число?

Отв. Число у двора значитъ счетъ, за сколько подлостей сколько милостей достать можно.....

Вопр. Что̀ есть придворный падежъ?

Отв. Придворный падежъ есть наклоненіе сильныхъ къ наглости, а безсильныхъ къ подлости. Впрочемъ, бо̀льшая часть бояръ думаютъ, что всѣ находятся предъ ними въ *винительномъ падежѣ;* снискиваютъ же ихъ расположеніе и покровительство обыкновенно *падежомъ дательнымъ*.

О глаголахъ.

Вопр. Какой глаголъ спрягается чаще всѣхъ, и въ какомъ времени?

Отв. Какъ у двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ; для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ *быть должнымъ*. (Для примѣра прилагается здѣсь спряженіе *настоящаго времени*, чаще всѣхъ употребительнѣйшаго).

Настоящее.

Я долженъ.	Мы должны.
Ты долженъ.	Вы должны.
Онъ долженъ.	Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?

Отв. Весьма рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ.

Вопр. А въ будущемъ?

Отв. Въ будущемъ спряженіе сего глагола употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу *будетъ*, если еще не есть.

Фонвизинъ, подобно Сумарокову, дѣятельно способствовалъ обновленію русскаго театра. Но комедіи болѣе посчастливилось у насъ, чѣмъ трагедіи. Въ этомъ отношеніи наша литература сходствуетъ съ литературою древняго Рима. Современникомъ и ученикомъ Сумарокова былъ А. О. Аблесимовъ († 1784), который часто переписывалъ стихотворенія своего учителя. Комическая опера его *Мельникъ* имѣла успѣхъ народный, и долго оставалась на сценѣ, возбуждая сочувствіе въ публикѣ всѣхъ сословій. Причиной успѣха было то, что содержаніе оперы схвачено изъ народной жизни. Мельникъ-колдунъ есть у насъ типъ, который впослѣдствіи воспроизведенъ былъ Пушкинымъ въ его «Русалкѣ» и еще недавно графомъ А. К. Толстымъ въ его романѣ «Князь Серебряный», но честь изобрѣтенія этого типа остается за Аблесимовымъ. Кромѣ того, въ этой оперѣ есть еще другое явленіе народной жизни, остроумно очерченное въ видѣ русской загадки:

Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,

Самъ и пашетъ, самъ орётъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

Эта загадка есть русскій однодворецъ, плодъ отсутствія у насъ маіората и дѣленія наслѣдственныхъ имѣній поровну между братьями. Въ однодворцѣ сходилось у насъ и дворянство и крестьянство, подавая другъ другу руку.

Еще ближе къ Сумарокову былъ Я. В. Княжнинъ (1742—1789), начавшій драматическое поприще подъ его покровительствомъ и женатый на его дочери. Княжнинъ былъ ровесникомъ и соперникомъ, но силою дарованія неравнымъ Фонвизину. Они встрѣчались нерѣдко въ домѣ Нелединскаго-Мелецкаго и обмѣнивались между собою остроумными эпиграммами. Такъ, Фонвизинъ спрашивалъ у Княжнина: «Да когда же выростетъ твой Росславъ? Онъ все кричитъ: я Росъ, я Росъ!»—Онъ выростетъ, когда твоего Бригадира произведутъ въ генералы, отвѣчалъ Княжнинъ.

Княжнинъ писалъ трагедіи и комедіи. Первыя скоро были забыты, за исключеніемъ *Вадима Новогородскаго*, который былъ напечатанъ уже по смерти автора княгинею Дашковою и впослѣдствіи сожженъ публично за либеральныя идеи. Долѣе держались на сценѣ и привлекали публику комедіи Княжнина: *Хвастунъ*, *Чудаки*, и комическія оперы, особенно *Сбитеньщикъ*. Пушкинъ мѣтко охарактеризовалъ Княжнина эпитетомъ *переимчиваго*. Въ свои трагедіи Княжнинъ вносилъ стихи и цѣлыя тирады изъ французскихъ трагиковъ. Въ комедіяхъ онъ также подражалъ Французамъ; въ «Хвастунѣ» — комедіямъ Корнеля и Грессета: «*Le Menteur*». Но «Хвастунъ» хвастовствомъ Верхолета и слуги его Полиста имѣлъ еще нѣкоторое отношеніе къ хвастовству свѣтскому, какимъ отличались у насъ свѣтскіе щеголи новой Петровской эпохи. «Чудаки» своими странностями также родня своенравнымъ оригиналамъ между русскими барами. Но и здѣсь въ Княжнинѣ виденъ переимщикъ и подражатель. Тромпетинъ и Свирѣлкинъ — копіи съ Трисотина и Вадіуса. Опера «Сбитень-

щикъ» взята изъ комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ». Какъ ни старался Княжнинъ подладить своего сбитеньщика Степана подъ русскіе нравы, но это ему не удалось. Остроумный куплетъ о счастіи пережилъ оперу:

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него куда съ умомъ!
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.

Въ новомъ періодѣ русской словесности двѣ струи идутъ параллельно между собою, одна превышая другую: первая — оригинальная, вторая — подражательная. Оригинальную усвоили писатели геніальные и даровитые, подражательную — посредственные и бездарные. Первые дѣйствуютъ свободно по сочувствію къ народной жизни; вторые раболѣпствуютъ Французамъ и заимствуютъ ихъ произведенія. Фонвизинъ черпалъ художественный смѣхъ изъ источниковъ русской жизни; Княжнинъ — изъ французскихъ комедій и оперетъ.

Воспитаніе, какъ мы уже сказали, было господствующею идеею въ комедіяхъ Фонвизина. Но, какъ комикъ, онъ обнималъ и другіе вопросы общественной жизни, хотя и не пользовался ими для своихъ комедій. Таковъ былъ вопросъ о судопроизводствѣ, которое страдало у насъ издавна неправосудіемъ и лихоимствомъ. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ къ водворенію правосудія Фонвизинъ почиталъ гласность и первымъ шагомъ къ ней печатаніе тяжбъ и рѣшеній судебныхъ. Вотъ какъ онъ выразилъ объ этомъ свои мысли въ письмѣ къ сочинителю *Былей и небылицъ*, т. е. къ императрицѣ Екатеринѣ, которая подъ этимъ именемъ печатала свои сочиненія въ Собесѣдникѣ. Фонвизинъ предложилъ императрицѣ вопросъ: отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Императрица отвѣчала: оттого, что вольныхъ типографій до 1782 года не было. Вслѣдъ за этимъ отвѣ-

томъ написано было имъ письмо, изъ котораго предлагаемъ отрывокъ:

«Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: отчего тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія....

«Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся думать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ, воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О, если бъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель *Былей и небылицъ*, съ радостью начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь, и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни объявленными во всенародное извѣстіе. Если бъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ, пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ, безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки; какъ при чтеніи каждой строки языкъ его нѣмѣетъ, и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія! Вотъ г. сочинитель *Былей и небылицъ*, вотъ портретъ, достойный забавной, но сильной кисти вашей!»

Этими мыслями Фонвизинъ пролагалъ послѣдующимъ комикамъ, какъ, напримѣръ, Капнисту, Судовщикову и другимъ, путь къ изображенію неправды судовъ въ своихъ комедіяхъ.

Бесѣды Екатерины съ лучшими современными умами, бесѣды литературно-общественныя, съ содержаніемъ которыхъ знакомилъ ея журналъ Собесѣдникъ, были весьма плодотворны какъ для общества, такъ и для словесности. Въ этихъ бесѣдахъ зарож-

дались и затѣмъ высказывались многія живительныя идеи, которыя связывали людей, мыслящихъ единствомъ благородной цѣли— совершенствованія общественнаго. Комедія и сатира не имѣютъ иной задачи: комедія хохотомъ, а сатира негодованіемъ и шуткой, обличая язвы общества и поражая его пороки, черезъ это разумное ихъ познаніе возвышаютъ идеалъ гражданскаго благоустройства и нравственнаго воспитанія въ народѣ. Конечно, онѣ однѣ безсильны, чтобы окончательно водворить то и другое: онѣ предлагаютъ лишь средства отрицательныя; средства же положительныя заключаются въ чемъ-то высшемъ.

ЛЕКЦІЯ 10.

Писатель, стоящій между Державинымъ и Карамзинымъ, другъ обоихъ былъ И. И. Дмитріевъ (1760—1837). Къ нему питало особенное сочувствіе и все молодое поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ. Симбирскъ былъ его родиной, Волга его вскормила — и онъ благодарно воспѣлъ ее.

Сатирою *Чужой толкъ* Дмитріевъ нанесъ рѣшительный ударъ торжественной одѣ Державина, когда она, въ лицѣ его безчисленныхъ подражателей, дожила до оффиціальности и не отличалась ничѣмъ, кромѣ пустаго звона. Дмитріевъ обличилъ борзыхъ нашихъ одописцевъ своими стихами:

А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другого,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова.

Остроумно онъ раскрылъ тайну сочиненія этихъ одъ въ слѣдующемъ сатирическомъ изображеніи:

И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,

Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *Ода!*
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: *такого дня и года!*
«Тутъ какъ?... *Пою!..* Иль нѣтъ, ужъ это старина!
«Не лучше ль: *даждь мнѣ Фебъ?...* Иль такъ: *не ты одна*
«*Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта?*
«Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
«Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
«И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
«Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
«Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
«Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
«Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
«Не ловко что-то все. — Да просто напишу:
«Герой, ликуй! ликуй! Герой ты!» возглашу.
«Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ!*
«*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта*
«*И то, и то...* А тамъ?... Извѣстно: *многи лѣта!*
«Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
«Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть,
«Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.

Дмитріевъ самъ разсказывалъ, что Державинъ обидѣлся его сатирою; но размолвка между друзьями длилась не долго. Дмитріевъ самъ не писалъ торжественныхъ одъ, хотя и не отказывался отъ лирики. Онъ посвящалъ ее не современнымъ полководцамъ, а героямъ древней Руси. Въ *Ермакѣ* онъ воспѣлъ поко-

рителя Сибири, въ *Освобожденіи Москвы* — князя Пожарскаго. Когда потомки Ломоносова были избавлены отъ рекрутства, Дмитріевъ на эту царскую милость Павла откликнулся благородными стихами. Лирика сердечныхъ чувствъ и движеній, съ успѣхомъ начатая Нелединскимъ-Мелецкимъ, привлекала также Дмитріева. Его пѣсни: *Стонетъ сизый голубочекъ*, *Что съ тобою, ангелъ, стало?* и *Всѣхъ цвѣточковъ болѣ, розу я любилъ*, долго раздавались въ устахъ прекраснаго пола. Въ его подражаніяхъ элегіямъ Тибулла и въ нѣкоторыхъ антологическихъ пьесахъ мы видимъ зародышъ поэзіи Батюшкова; въ удачномъ переводѣ стихами Мольеровой сцены: Триссотинъ и Вадіусъ — начало нашего художественнаго комическаго стиха; въ остроумныхъ эпиграммахъ — колючее зерно безчисленныхъ эпиграммъ Батюшкова, Пушкина и другихъ. Въ художественной формѣ своихъ сказокъ Дмитріевъ подражалъ Лафонтену; въ вольномъ стихѣ разсказа продолжалъ и усовершенствовалъ стихъ Богдановича. Въ сказкахъ онъ имѣлъ достойнаго преемника по простотѣ разсказа, по остроумію изобрѣтенія, въ лицѣ *Панкратія Сумарокова*. Наконецъ, басни Дмитріева могли быть побѣждены у насъ только баснями Крылова, которому онъ указалъ дорогу и котораго безкорыстно и великодушно вызвалъ самъ на это поприще. Дмитріевъ отходитъ отъ школы Державина большею чистотою художественной отдѣлки стиха. Онъ во всемъ и ровнѣе и добросовѣстнѣе, благоразуміе вкуса сопутствуетъ ему вездѣ. Онъ не возносится такъ высоко какъ Державинъ, но за то и не падаетъ такъ низко.

Дмитріевъ умѣлъ остановиться во-время. Увидѣвъ успѣхи новыхъ поколѣній, онъ заблаговременно самъ отказался отъ пера и жилъ въ Москвѣ, въ мирномъ, но созерцательномъ бездѣйствіи, принимая живое участіе въ движеніи современной литературы. Мы помнимъ его въ это время. Онъ отличался чудною пластическою рѣчью, когда разсказывалъ анекдоты о своихъ современникахъ. Однажды только нарушилъ онъ литературное молчаніе, именно въ *Четверостишіяхъ;* но это не обошлось ему даромъ:

Пушкинъ и Языковъ осмѣяли ихъ въ рѣзкихъ пародіяхъ, поразительно сходныхъ съ подлинниками.

Отъ Дмитріева переходимъ къ младшему его другу, Карамзину, на изученіи котораго должны остановиться съ особеннымъ вниманіемъ. Какъ Державинъ представилъ намъ идею правды, такъ Карамзинъ — идею добра. Добро мы должны оказывать ближнему въ силу Божественной заповѣди любить его. Ближе всего къ намъ наше отечество, наши сограждане, какъ братья одной семьи, составляющей Россію. Но въ XIX вѣкѣ, когда всѣ народы стали сливаться въ одинъ общій союзъ человѣчества, уже стало невозможнымъ отдѣлять отъ сего послѣдняго свое отечество. Во взаимномъ союзѣ двухъ идей: отечества и человѣчества, можетъ только олицетвориться идея добра. Такъ понималъ и олицетворялъ ее Карамзинъ. Въ сердцѣ его соединялись двѣ любви, какъ онъ самъ то свидѣтельствовалъ въ письмахъ къ другу своему Дмитріеву. Описывая внутреннюю сладость исторической работы, Карамзинъ такъ выражается о ней: «Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность къ Небу за свое историческое дѣло. Знаю, что́ и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ *отечеству* и *человѣчеству*». Въ другомъ мѣстѣ выражена та же самая мысль: «Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ Русскій». Такъ дѣлается для насъ ясно въ сознаніи самаго историка, какъ два слитыя чувства къ человѣчеству и отечеству, воспитанныя въ немъ цѣлою жизнію, соединенно одушевляли его при главномъ трудѣ, которому онъ посвятилъ самыя зрѣлыя силы и самые плодотворные годы своей жизни.

Карамзинъ представляетъ превосходный образецъ соединенной любви къ человѣчеству и отечеству. Въ немъ эти два чувства уравновѣшивались, поддерживая и питая другъ друга. Примѣромъ своей жизни онъ доказалъ, что одно безъ другаго не можетъ быть полно. Любовь къ человѣчеству, не примѣненная къ нашимъ ближ-

нимъ, олицетворяемымъ для насъ въ отечествѣ, перерождается въ отвлеченный и праздный космополитизмъ. Любовь къ отечеству, не озаренная свѣтомъ любви къ человѣчеству, переходитъ въ узкій или квасной патріотизмъ. Карамзинъ научилъ Русскихъ избѣгать и той и другой крайности; но, къ сожалѣнію, не всѣ слѣдуютъ его примѣру.

Наша личность, обращенная всѣми своими сочувствіями къ добру и пользѣ человѣчества и не разорвавшая связей съ отечествомъ, можетъ служить прекраснымъ сосудомъ для того, чтобы передавать всемірное добро своему народу: такова была личность Карамзина. Жизнь Карамзина раздѣляется на двѣ части: въ первой всестороннимъ образованіемъ онъ готовитъ себя на подвигъ отечественный, во второй — обрекаетъ себя на служеніе отечеству въ Исторіи Государства Россійскаго. Разсмотримъ обѣ половины этой прекрасной, цѣльной жизни.

Н. М. Карамзинъ родился въ годину смерти Ломоносова, 1765 года декабря 1-го, въ селѣ Михайловскомъ, Оренбургской губерніи. Дѣтство свое онъ проводилъ въ Симбирскѣ, на берегахъ Волги. Въ младенчествѣ уже постигло его несчастіе: онъ лишился матери. Вотъ въ какихъ грустныхъ чертахъ онъ оплакиваетъ свое младенческое сиротство:

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый,
Въ груди моей напечатлѣнъ,

И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство.

Это обстоятельство положило печать грустной меланхоліи на характеръ Карамзина. Онъ любилъ ей предаваться и считалъ ее первымъ источникомъ поэзіи, воображая, что элегія была первымъ ея родомъ. Грусть, впрочемъ, какъ мы уже сказали, сродна Русскому человѣку. Сиротство Карамзина могло послужить прекрасною колыбелью для этого чувства.

Дмитріевъ въ Запискахъ своихъ разсказываетъ, какъ въ 1770 году, въ Симбирскѣ, будучи 10-ти лѣтъ, былъ съ своимъ братомъ на чьей-то свадьбѣ, и какъ русская няня подводила пятилѣтняго мальчика къ новобрачной. Этотъ мальчикъ былъ Карамзинъ. Онъ, по его же словамъ, воспитался въ образованной русской семьѣ, гдѣ родители не стыдились говорить на природномъ языкѣ. Кромѣ русской няни, въ первоначальномъ воспитаніи Карамзина принималъ участіе Нѣмецъ-врачъ, человѣколюбивый, добрый, кроткій и любившій дѣтей. Карамзинъ читалъ съ нимъ басни Геллерта. Но любимымъ чтеніемъ Карамзина были, по обычаю того времени, сказки и романы, воспламенявшіе его воображеніе. Онъ самъ разсказывалъ, какъ, подъ вліяніемъ этого чтенія, однажды въ бурный вечеръ онъ забрался въ оружейную своего отца, схватилъ въ ней саблю и отправился на гумно, чтобы тамъ сражаться съ злыми волшебниками. Но этимъ мечтамъ вскорѣ явилась противодѣйствіемъ римская исторія. Восьми лѣтъ Карамзинъ уже читалъ эту исторію; Сципіоны и Аннибалы привлекали его и образовали будущаго историка.

Нельзя пройти молчаніемъ одного обстоятельства изъ жизни Карамзина. Когда императоръ Александръ Павловичъ, въ 1824 году, отправлялся въ Симбирскъ, Карамзинъ вручилъ государю записку о достопримѣчательностяхъ этого города, и въ нихъ указалъ на Бѣлый Ключъ и на столѣтняго старца Елисея Кашинцова, который звонилъ въ колокола въ тотъ день, какъ Симбирскъ праздновалъ полтавскую побѣду, и былъ гребцомъ на лодкѣ

Петра Великаго, когда онъ плылъ по Волгѣ въ Астрахань, отправляясь въ персидскій походъ. Этотъ Елисей Кашинцовъ угощалъ Карамзина въ его ребячествѣ банею и чаемъ и, вѣроятно, передавалъ ему свои славныя воспоминанія. Сверхъ того, на Карамзина дѣйствовало въ его дѣтствѣ знакомство съ мѣстными дворянами. Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ: *Рыцарь нашего времени*, смѣси правды съ вымысломъ, онъ славитъ этихъ *достойныхъ матадоровъ* провинціи, бесѣда которыхъ имѣла вліяніе на изображеніе характера его героя, Леона, подъ которымъ, по всему вѣроятію, должно разумѣть его самого. Онъ приводитъ договоръ братскаго общества дворянъ, которые клянутся честію благородныхъ людей жить и умереть братьями, стоять другъ за друга горою во всякомъ случаѣ, не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ для услугъ взаимныхъ, поступать всегда единодушно, наблюдать общую пользу дворянства, вступаться за притѣсненныхъ и помнить русскую пословицу: *тотъ дворянинъ, кто за многихъ одинъ;* не бояться ни знатныхъ, ни сильныхъ, а только Бога и государя; смѣло говорить правду губернаторамъ и воеводамъ; никогда не быть ихъ прихлебателями и не потакать противъ совѣсти. «А кто изъ насъ не сдержитъ своей клятвы, тому будетъ стыдно, и того выключить изъ братскаго общества».

Вотъ съ какою благодарностію онъ обращается къ дворянамъ, которые дѣйствовали благотворно на его дѣтство: «Добрые люди! миръ вашему праху! Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣтствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словоохотную, отъ васъ заимствовалъ русское дружелюбіе, отъ васъ набрался духу Русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ обярахъ: ибо спѣсь и высокомѣріе не замѣняютъ ея, ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ! — Добрые старики! миръ вашему праху!» — Отъ этихъ-то дворянъ происходитъ то Симбирское дворянство, которое воздвигло у себя монументъ Карамзину.

Москва была второю, духовною родиной Карамзина. Тогда въ древней столицѣ университетъ развивалъ уже свою многостороннюю дѣятельность, и въ числѣ профессоровъ съ особенною пользою дѣйствовалъ профессоръ Шаденъ. Онъ, первый, познакомилъ молодыхъ ученыхъ Россіи съ философіею Канта. Шаденъ содержалъ пансіонъ для воспитанія молодыхъ дворянъ, и въ этой школѣ получилъ воспитаніе и Карамзинъ. Шаденъ переносилъ науку къ намъ съ Запада добросовѣстно и умѣлъ ее примѣнять къ основамъ русской жизни. Изъ устъ своего профессора Карамзинъ могъ воспринять сознаніе тѣхъ монархическихъ началъ, которымъ онъ остался вѣренъ въ теченіе всей жизни. Еще въ пансіонѣ Шадена уже образовался въ немъ будущій публицистъ. Въ то время была война между Англіей и Соединенными Штатами. Карамзинъ позже вспоминалъ о томъ, съ какимъ восторгомъ онъ читалъ донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ, какъ имена Роднея и Гоу не сходили у него съ языка, какъ праздновалъ онъ съ товарищами ихъ побѣды и какого сочувствія былъ исполненъ къ Англійской націи.

Шестнадцати лѣтъ Карамзинъ окончилъ воспитаніе въ пансіонѣ Шадена и поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ, куда записанъ былъ еще въ малолѣтствѣ подпрапорщикомъ. Въ Петербургъ онъ привезъ письмо къ Дмитріеву отъ отца его. Дмитріевъ съ любовію принялъ «румянаго и миловиднаго юношу», какъ говоритъ о немъ въ своихъ Запискахъ. Они сблизились. Къ этому времени относятся первые опыты Карамзина въ литературѣ. Онъ занимался тогда переводами и напечаталъ ихъ два: *Разговоръ Австрійской Маріи-Терезіи съ нашей императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ* и *Деревянная нога, идиллія Геснера* (1783). Любопытно прочесть хотя нѣсколько строкъ изъ послѣдняго перевода, который принадлежитъ семнадцатилѣтнему Карамзину. Здѣсь слышенъ первый, еще дѣтскій лепетъ нашего будущаго исторіографа. «Старикъ ободрился и началъ: потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцевъ, коихъ память должна пребыть незабвенна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы вмѣсто

чтобъ ходили повѣся голову, страдая подъ игомъ рабства, взираете нынѣ съ радостію на восходящее солнце, и утѣшительныя пѣнія распространяются повсюду».

Военная служба не привлекала Карамзина: онъ имѣлъ другое призваніе. По кончинѣ отца, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ и переѣхалъ въ Симбирскъ. Здѣсь онъ едва не увлекся свѣтскимъ обществомъ своей образованной родины. Опытный за вистомъ, любезный съ дамами, ораторъ передъ отцами семействъ, онъ блисталъ и плѣнялъ всѣхъ. Но бездѣйствіе литературное было для него губительно. Онъ сбирался переводить Вольтерову сказку о бѣломъ быкѣ, но съ нѣмецкаго перевода. Свѣтская пустота угрожала даровитому юношѣ. Отъ нея избавилъ Карамзина пріѣхавшій тогда въ Симбирскъ директоръ Московскаго университета И. П. Тургеневъ, который уговорилъ его переѣхать въ Москву. Здѣсь Тургеневъ познакомилъ Карамзина съ Новиковымъ, основавшимъ въ то время Дружеское Типографское Общество. Тогда то открылось для Карамзина новое поприще. Онъ получилъ возможность въ этой просвѣщенной атмосферѣ довершить свое образованіе. Общество Новикова было для него настоящимъ университетомъ.

Н. И. Новиковъ, одинъ изъ первыхъ студентовъ университета по его основаніи, но исключенный вмѣстѣ съ Потемкинымъ за нехожденіе на лекціи, которыя тогда читались только по латыни, принадлежитъ къ числу славныхъ и незабвенныхъ дѣятелей нашей литературы Екатерининскаго періода. Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1780 года, онъ содержалъ университетскую типографію на откупѣ, который былъ ему данъ кураторомъ Херасковымъ, и двинулъ просвѣщеніе общественное своею многостороннею дѣятельностію, въ которой умѣлъ соединять европейскую стихію съ народною русскою. О первой свидѣтельствуютъ *Московскія Вѣдомости*, разнообразныя изданія и безчисленные переводы, имъ напечатанные; о второй — 30 томовъ *Древней Россійской Вивліоѳики*, перваго печатнаго сборника документовъ и актовъ, касающихся русской исторіи.

Мы имѣемъ свидѣтельство самого Карамзина, какъ очевидца тому движенію, какое Новиковъ далъ книжной торговлѣ въ Москвѣ и во внутреннихъ городахъ Россіи. Въ 1767 году было только двѣ книжныхъ лавки въ Москвѣ, а книгъ не продавалось въ годъ и на 10,000 рублей. Въ 1792 году книжныхъ лавокъ было уже 20, и всѣ вмѣстѣ онѣ выручали около 200,000 рублей. Московскія Вѣдомости до Новикова расходились въ Россіи въ количествѣ не болѣе 600 экземпляровъ, а при Новиковѣ, въ теченіе десятилѣтняго откупа ихъ вмѣстѣ съ типографіею, число подписчиковъ возросло до 4,000. Кромѣ Москвы, завелись книжныя лавки и въ губернскихъ городахъ Россіи. Изъ Типографскаго Общества выходили книги самаго разнообразнаго содержанія, удовлетворяя потребностямъ всѣхъ сословій. Тогда и для грамотной части народа открылся источникъ чтенія новый и живительный. Новиковъ одинъ изъ первыхъ печаталъ народныя пѣсни. 449 заглавій его книгъ приведено въ спискѣ, по которому разсматривалъ ихъ преосвященный Платонъ. Но этотъ списокъ далеко не объемлетъ всей книжной дѣятельности Новикова. Къ сожалѣнію, этотъ незабвенный человѣкъ, достойный монумента, сдѣлался жертвою несправедливаго гоненія и умеръ въ деревенской ссылкѣ, въ одиночествѣ, въ крайней бѣдности, находя утѣшеніе только въ религіозныхъ письмахъ своего друга Гамалѣи.

Съ цѣлію оживленія книжной дѣятельности, Новиковъ привлекалъ въ основанное имъ Общество всѣхъ даровитыхъ людей молодаго поколѣнія. Студенты, семинаристы, даже церковно-служители соединялись у него вмѣстѣ, въ его типографіи. Въ числѣ самыхъ даровитыхъ изъ нихъ были Карамзинъ и А. А. Петровъ. Дружба соединяла ихъ, несмотря на противуположность характеровъ. Петровъ былъ угрюмъ, молчаливъ, твердъ какъ истинный мужъ и практическій философъ, но подчасъ насмѣшливъ; Карамзинъ, напротивъ, веселъ, любезенъ, мечтателенъ и чувствителенъ какъ младенецъ, но безъ малѣйшаго признака желчи. Оба друга съ восторгомъ слушали мистическія лекціи профессора Шварца о Богопознаніи и о высокомъ предназначеніи человѣка.

Шварцъ, другъ Новикова и основатель педагогической семинаріи при Московскомъ университетѣ, былъ въ своей философіи послѣдователемъ Іакова Бёма и Сен-Мартена. Записки его лекцій, черезъ его учениковъ, дошли даже до нашего времени. Близь Меншиковой башни у Чистыхъ Прудовъ, въ одномъ старинномъ домѣ жили оба друга. Карамзинъ долго еще помнилъ три перегородки своей квартиры, изъ которыхъ за одною было Распятіе подъ чернымъ крепомъ, а за другою бюстъ мистика Шварца. Впослѣдствіи, во время заграничнаго странствія, Карамзинъ въ Берлинѣ вспоминалъ о веселыхъ московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ. Живя въ Москвѣ, Карамзинъ вмѣстѣ съ Петровымъ занимался литературами Запада. Морицъ, Ж.-Ж. Руссо, Штиллингъ, Стернъ, Оссіанъ, Шекспиръ, Лессингъ, Галлеръ были его любимыми писателями. Тогда-то образовалось въ немъ то строгое эстетическое чувство, которое впослѣдствіи постоянно его сопровождало. Теорія аббата Баттё служила ему руководствомъ при разборѣ писателей. Изъ Москвы Карамзинъ началъ переписку съ Лафатеромъ, физіогномикой котораго онъ занимался съ увлеченіемъ. Здѣсь же изучалъ онъ творенія Боннета, и особенно его *Созерцаніе природы*. Къ этому времени относятся многіе переводы, сдѣланные Карамзинымъ, какъ членомъ Дружескаго Общества: таковы *Бесѣды съ Богомъ*, *Штурмовы размышленія*, *Галлерова поэма о происхожденіи зла*, *Шекспирова Юлій Цезарь*, *Лессингова Эмилія Галотти*. Въ переводахъ соревновалъ Карамзину Петровъ, переведшій тогда съ нѣмецкаго перевода индійскую поэму *Бхагаватъ-Гита*, которая и въ Западной Европѣ была еще необыкновенною новостью. Тогда же Карамзинъ, вмѣстѣ съ своимъ Агатономъ (такъ называлъ онъ Петрова, послѣ его смерти вспоминая объ немъ въ извѣстной статьѣ: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона*), издавалъ въ теченіе двухъ лѣтъ, при Московскихъ Вѣдомостяхъ, журналъ *Дѣтское Чтеніе*, вышедшее въ двадцати частяхъ и впослѣдствіи вновь изданное. Этотъ журналъ представляетъ для насъ занимательную школу Карамзинскаго слога. Отсюда, можно сказать, начинается новый

строй современнаго намъ языка. Что касается до содержанія и выбора статей, то и до сихъ поръ Дѣтское Чтеніе можетъ служить образцомъ вкуса и занимательности. Желательно было бы въ наше время встрѣтить новое его изданіе. Самое юное поколѣніе, конечно, читало бы его съ наслажденіемъ.

Довершивъ образованіе въ обществѣ Новикова, Карамзинъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ представлъ своему другу Дмитріеву, какъ онъ самъ говоритъ, «благочестивымъ ученикомъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка». Сохранивъ прежній веселый нравъ и любезность въ общежитіи, онъ обнаруживалъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ одно стремленіе къ высокой цѣли.

Въ маѣ 1789 года Карамзинъ отправился заграницу, не на счетъ компаніи Новикова, какъ нѣкоторые увѣряли, но на собственномъ иждивеніи, какъ свидѣтельствуетъ Дмитріевъ. Тогда онъ простился въ Москвѣ, и навсегда, съ своимъ другомъ Петровымъ, память котораго осталась святыней его сердца. Карамзинъ путешествовалъ по Западной Европѣ не какъ Ломоносовъ, студентъ и школьникъ, не какъ Фонвизинъ, пасмѣшливый комикъ, но съ полнымъ участіемъ къ западному образованію во всемъ томъ, что́ оно представляетъ прекраснаго въ человѣчествѣ, однако безъ пристрастія, безъ увлеченій, безъ отреченія отъ своего народнаго характера. Карамзинъ представляетъ первый образецъ просвѣщеннаго русскаго путешественника по Западной Европѣ. Вотъ почему его Письма нашли такой сильный отголосокъ въ нашемъ обществѣ и служили долго любимымъ его чтеніемъ.

Въ Кёнигсбергѣ Карамзинъ встрѣтился съ Кантомъ. Тогда еще не многіе въ Европѣ разумѣли ученіе славнаго философа Германіи. У насъ въ Москвѣ знакомилъ съ нимъ профессоръ Шаденъ. Едва ли Карамзинъ могъ понимать Канта, не читавши, какъ видно, его сочиненій; но въ общей идеѣ уже понималъ его значеніе въ наукѣ, придавая ему эпитетъ der alles zermalmende Kant (выраженіе Мендельсона). Въ Берлинѣ и Лейпцигѣ Карамзинъ чи-

талъ нѣмецкимъ ученымъ русскіе стихи, и они предсказывали ему будущее развитіе русской словесности. Въ Берлинѣ бесѣдовалъ онъ съ Морицомъ, въ Лейпцигѣ его плѣнили эстетическія лекціи профессора Платнера. Но особенно привлекъ его вниманіе Веймаръ, какъ столица просвѣщенія тогдашней Германіи. Памятны вопросы, которые Карамзинъ задавалъ въ Веймарѣ: «Здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гёте?» Памятенъ также отвѣтъ, сдѣланный ему на вопросъ: «Дома ли они?» — Всѣ во дворцѣ. Гердеръ своимъ всемірнымъ гуманизмомъ привлекъ особенное сочувствіе Карамзина. «У него одна мысль, и эта мысль— цѣлый міръ»: такъ выразилъ онъ свое мнѣніе о Гердерѣ словами современнаго ему нѣмецкаго писателя. Свиданіе съ Виландомъ замѣчательно тѣмъ, что молодой русскій литераторъ своею искренностію и добротою побѣдилъ черствую суровость Нѣмца, любившаго Аѳинянъ, но ни мало не подражавшаго имъ въ своемъ обращеніи. Карамзинъ не видался съ Гёте, но замѣтилъ въ окнѣ его греческій профиль.

Два Швейцарца особенно плѣнили Карамзина: Лафатеръ въ Цюрихѣ и Боннетъ въ Женевѣ. Съ первымъ Карамзинъ началъ переписку еще изъ Москвы. Личное знакомство еще болѣе сблизило ихъ. Съ Боннетомъ онъ бесѣдовалъ о недавно умершемъ Галлерѣ, котораго предсмертное письмо Боннетъ самъ читалъ Карамзину. Въ его кабинетѣ Карамзинъ началъ русскій переводъ его книги: «Contemplation de la Nature». Чистыя религіозныя убѣжденія, соединенныя съ созерцательнымъ изученіемъ природы, влекли къ нему Карамзина. Не сочувствовалъ онъ воззрѣніямъ холодныхъ раціоналистовъ сѣверной Германіи; ему было и теплѣе и живительнѣе у философовъ Швейцаріи, которые разумомъ не отвергали сердца. Та же самая чувствительность дружила его съ Маттиссономъ, нѣмецкимъ поэтомъ, жившимъ въ Ліонѣ воспитателемъ дѣтей у одного богатаго банкира. Въ Парижѣ молодой Скиѳъ Карамзинъ, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ счастіе узнать Бартельми-Платона. Лагарпъ былъ его сосѣдомъ по улицѣ. Историкъ Россіи Левекъ и Мармонтель, отличавшійся

въ своихъ сочиненіяхъ тономъ лучшаго общества, заслужили вниманіе Карамзина.

Къ сожалѣнію, Карамзинъ не побывалъ въ Италіи, и только Дрезденская галлерея познакомила его съ высокими произведеніями итальянскаго искусства. Въ Англіи Карамзинъ былъ, но не долго. Онъ читалъ англійскія книги, но не могъ говорить и понимать Англичанъ, произношеніе которыхъ затрудняло его. По «Письмамъ Русскаго путешественника» разсѣяно множество глубокомысленныхъ, остроумныхъ наблюденій Карамзина, которыя показываютъ, съ какимъ сочувствіемъ онъ наблюдалъ жизнь просвѣщенныхъ народовъ Запада и какъ въ то же самое время не измѣнялъ особенностямъ своего народнаго характера. Восемнадцать мѣсяцевъ длилось странствіе Карамзина. Оно воспитало въ немъ способность чувствовать красоты физическаго и нравственнаго міра. Приставая въ Кронштадтѣ къ русскому берегу, онъ восклицалъ въ восторгѣ: «Берегъ! отечество!» Говорить по-русски и слышать русскихъ людей было для него великимъ счастіемъ. Карамзинъ на дѣлѣ ощутилъ вѣрность своего прежняго замѣчанія, что для того, чтобы еще больше полюбить Россію, надобно было изъ нея выѣхать.

Довершивъ полное образованіе путешествіемъ по западной Европѣ, Карамзинъ, двадцати-пяти лѣтъ, выступилъ на поприще русской словесности, во всеоружіи мысли и слова. Это поприще его имѣетъ два періода: въ первомъ онъ преобразуетъ русскій слогъ и готовитъ внѣшнія формы рѣчи для совершенія великаго подвига — Русской Исторіи; во второмъ совершаетъ этотъ великій, главный подвигъ своей жизни.

Первый періодъ обнимаетъ 13 лѣтъ. На окраинахъ его стоятъ два извѣстные журнала: *Московскій Журналъ* и *Вѣстникъ Европы*. Каждому изъ нихъ Карамзинъ посвятилъ по два года: первому — 1791 и 1792, второму — 1801 и 1802. За время между этими двумя журналами выходили альманахи: *Мои Бездѣлки*, *Аглая*, *Аониды*. Къ этому же времени относятся *Письма Русскаго Путешественника*, которыя начали выходить въ Московскомъ

Журналѣ, всѣ повѣсти и множество переводовъ. Въ повѣстяхъ Карамзинъ открылъ новый міръ душевныхъ чувствъ и страстей для русскихъ писателей. Первый журналъ его имѣлъ характеръ болѣе литературный, второй — болѣе политическій. Здѣсь, въ первый разъ, Россія въ лицѣ Карамзина пріобрѣла славнаго публициста. Въ теченіе указанныхъ 13-ти лѣтъ Карамзинъ совершилъ полное преобразованіе въ русской словесности, вызвалъ въ ней новые интересы человѣческіе, общественные и личные, и далъ ей новыя, легкія, общедоступныя формы, тотъ слогъ, который донынѣ служитъ формой нашего языка.

Излагая внѣшнюю біографію писателя, необходимо заглянуть и въ его внутреннюю жизнь. Въ этотъ періодъ душа Карамзина, слѣдившаго за всѣми крупными событіями современной жизни, испытала много бурныхъ чувствъ. Осьмнадцатый вѣкъ, послѣднимъ кровавымъ актомъ заключившій свой исходъ, поколебалъ было вѣру Карамзина въ высокое призваніе человѣчества. Но вѣра въ Провидѣніе спасла его отъ отчаянія и бездѣйствія. Эти внутреннія перевороты души выражалъ Карамзинъ въ перепискѣ между двумя друзьями, Милодоромъ и Филалетомъ. Первый изображаетъ отчаяніе тѣхъ, которые, при видѣ кровавой зари заходящаго вѣка, усомнились въ успѣхѣ человѣчества, второй — утѣшительныя надежды молодаго поколѣнія.

«Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эоирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя не ровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству.* Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! Радость сіяла на лицахъ нашихъ и свѣтлый ручеекъ, и зе-

лепая травка, и алый цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества».

«Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій, и пр. и пр.?...

«Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, наслаждятся истинными благами жизни...

«О, Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система?... Она разрушилась въ своемъ основаніи!

«Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!... . .«Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія?—Вѣкъ просвѣщенія! Я не узнаю тебя — въ крови и пламени, не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!»

Филалетъ отвѣчаетъ Милодору: «Новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!... Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся навѣки отъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны...

....«Такъ, Милодоръ! я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе руки Твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!*. . . . .

«Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишне величали осьмойнадесять вѣкъ, и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — напримѣръ, въ девятомнадесять вѣкѣ нравственность болѣе исправится; разумъ, оставивъ всѣ химическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему».

Тридцати-восьми лѣтъ Карамзинъ посвятилъ себя историческому труду. Двѣ повѣсти, заимствованныя изъ древней русской жизни: *Наталья боярская дочь* и *Марѳа Посадница*, *Похвальное слово Екатеринѣ II* и политическія статьи въ Вѣстникѣ Европы служили къ такому труду переходомъ и нѣкоторымъ приготовленіемъ. Съ 1803 года принялся онъ за *Исторію Государства Россійскаго* и неуклонно служилъ ей до конца жизни.

Но Карамзинъ не нашелъ бы средствъ къ совершенію предпринятаго имъ великаго труда, если бы не встрѣтилъ себѣ покровителя въ бывшемъ питомцѣ, тогдашнемъ попечителѣ Московскаго университета, М. Н. Муравьевѣ. Это лицо памятно намъ не столько въ исторіи нашей литературы, сколько въ исторіи нашего просвѣщенія. Мы, вмѣстѣ съ товарищами по мѣсту воспитанія, помнимъ, съ какимъ восторгомъ читали стихи Муравьева изъ Эпистолы къ И. П. Тургеневу:

Изъ трехсотъ праздныхъ мѣстъ спартанскаго совѣта
Народъ ни на одно не избралъ Педарета:

«Хвала богамъ, сказалъ, народа не виня,
«Есть триста человѣкъ достойнѣе меня».

Три тома сочиненій Муравьева свидѣтельствуютъ, какъ дѣятельно и благоразумно онъ занимался воспитаніемъ императора Александра. Ученикъ профессоровъ Поповскаго, Барсова и Шадена, Муравьевъ былъ возстановителемъ Московскаго университета во второмъ полустолѣтіи его существованія, и вызвалъ какъ изъ-за границы, такъ и внутри отечества, новыхъ достойныхъ людей для того, чтобы двинуть науки впередъ, согласно современнымъ требованіямъ. Муравьеву, въ 1803 году, открылъ свою душу и Карамзинъ, замысливъ великій трудъ. Муравьевъ явился достойнымъ посредникомъ между нимъ и императоромъ Александромъ. Всѣ архивы Россіи, государственные и церковные, были открыты Карамзину. Всякую рукопись и всякій актъ онъ могъ имѣть у себя на письменномъ столѣ и изучать свободно. Отъ 1803 до 1816 года трудъ совершался въ Москвѣ зимою, а лѣтомъ въ 25-ти верстахъ отъ нея, въ селѣ Астафьевѣ, принадлежавшемъ князю Вяземскому. Здѣсь, до сихъ поръ еще, можно видѣть ту комнату, осѣненную липами, гдѣ трудился нашъ исторіографъ. Крестьяне и дворовые села Астафьева еще долго помнили утреннія прогулки, которыя Карамзинъ совершалъ верхомъ каждый день подъ дубки, саженные, по преданію, Петромъ Великимъ. Въ 1811 году, за годъ до нашествія Наполеона на Россію, исторіографъ читалъ въ Твери императору Александру отрывокъ изъ своей исторіи о нашествіи Батыя, и чтеніе такъ увлекло государя, что продолжалось за полночь. Трудъ шелъ непрерывно, всякій день; только однажды случился продолжительный перерывъ: это было въ 1812 году, когда Карамзинъ долженъ былъ на нѣкоторое время проститься съ своею исторіею. За нѣсколько дней до вступленія непріятеля въ Москву, въ домѣ графа Ростопчина, вдохновенный историкъ пророчилъ гибель Наполеону. Два экземпляра написанныхъ томовъ исторіи были готовы: лучшій изъ нихъ онъ отдалъ на сохраненіе женѣ, а другой въ архивъ

иностранныхъ дѣлъ. Онъ самъ хотѣлъ сѣсть на коня и примкнуть къ арміи, но просьбы семьи и неоконченное великое дѣло его удержали. За себя онъ благословилъ на брань Жуковскаго и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ вслѣдъ за своимъ семействомъ. Послѣ великой всенародной жертвы, сожженія Москвы, онъ писалъ къ другу своему Дмитріеву: «Мнѣ больно издали смотрѣть на происшествія рѣшительныя для нашего отечества.... Вся моя библіотека обратилась въ пепелъ, но исторія цѣла: Камоэнсъ спасъ Луизіаду. Жаль многаго, Москвы еще болѣе: она возрастала семь вѣковъ... Какъ ни жаль Москвы, какъ ни жаль нашихъ мирныхъ жилищъ и книгъ, обращенныхъ въ пепелъ, но слава Богу, что отечество уцѣлѣло и что Наполеонъ бѣжитъ зайцемъ, пришедши тигромъ».

Въ 1816 году первые восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго были приготовлены къ изданію. Карамзинъ для этой цѣли долженъ былъ покинуть любимую Москву и переселиться въ Петербургъ, гдѣ его ожидала типографія. 60,000 рублей ас. было отпущено изъ казны на напечатаніе Исторіи. Въ 1818 году вышло первое изданіе первыхъ восьми томовъ. По свидѣтельству Пушкина, 3,000 экземпляровъ разошлись очень быстро, и потребовалось новое изданіе. Въ 1821 году вышелъ девятый томъ, содержащій ужасы Іоанна Грознаго, и цензурою котораго была совѣсть историка, по его же словамъ. За нимъ, въ 1824 г. послѣдовали два другіе, осѣнившіе драматическимъ вдохновеніемъ поэзію Пушкина.

Занятый окончаніемъ труда, осыпанный милостями царскими, почтенный дружбою матери народа и двухъ царей, которая нерѣдко приходила къ историку и разъ застала его больнаго въ халатѣ, Карамзинъ все-таки мечталъ о Москвѣ и стремился къ ней, какъ это видно изъ писемъ его къ Дмитріеву: «Исторія дастъ средства купить домикъ и умереть въ Москвѣ, гдѣ я жилъ, провелъ молодость, началъ старость. Тамъ должно мнѣ и умереть. Тамъ земля дружелюбнѣе откроетъ мнѣ свои нѣдра,

какъ старому знакомому. Берега Невы прекрасны; но я не лягушка и не охотникъ до болотъ».

Въ 1824 году вотъ что̀ узнаемъ мы о ходѣ историческаго труда изъ тѣхъ же писемъ къ Дмитріеву: «Еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому или спесивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить еще съ нѣкоторою полнотою духа, живостью сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь паралича. Но да будетъ воля Божія! Въ сердцѣ моемъ есть желаніе еще сильнѣйшее: не пережить жены, сохранить дѣтей и друзей».

Чтобы имѣть понятіе о томъ состояніи духа, въ какомъ находился историкъ незадолго до кончины, прочтемъ еще отрывокъ изъ письма къ Дмитріеву, писаннаго въ самый мѣсяцъ его смерти: «Всѣ мои отношенія перемѣнились. Но остался Богъ тотъ же и моя вѣра къ Нему та же: если надобно мнѣ зачахнуть въ здѣшнихъ болотахъ, то смиряюсь духомъ и не ропщу. Имѣю часто сладкія минуты въ душѣ, и въ ней бываетъ какая-то сладкая тишина, неизъяснимая и несказанно пріятная». Силы старца между тѣмъ слабѣли, а трудъ не прекращался, духъ не измѣнялъ силъ, и твореніе историческое росло до насильственнаго перерыва, все въ томъ же величіи и красотѣ, если еще не выше. Уже корабль, по повелѣнію императора, былъ готовъ везти больнаго историографа къ берегамъ Италіи, гдѣ онъ былъ намѣренъ окончить свою исторію. Описавъ бѣдствія междуцарствія, онъ начиналъ уже разсказъ о спасеніи отечества въ 1612 году, какъ вдругъ Провидѣнію угодно было вырвать перо изъ рукъ историка на роковыхъ послѣднихъ словахъ: *Орешекъ не сдавался*... 22 мая 1826 года Карамзина не стало. Извѣстно, что онъ намѣренъ былъ довести свой разсказъ до восшествія на престолъ дома Романовыхъ, а всю новую исторію Россіи обнять въ общемъ обозрѣніи, котораго основныя мысли заключаются въ его *Запискѣ о древней и*

новой Россіи, написанной имъ еще въ 1810 году для императора Александра. XII-й томъ вышелъ въ 1829 году. Неблагодарно было бы миновать въ исторіи словесности забвеніемъ ту щедрую пенсію, которою императоръ Николай I достойно наградилъ великій трудъ. Семейство Карамзина до сихъ поръ получаетъ 50,000 рублей ас. ежегодно. Симбирское дворянство, въ 1846 году, воздвигло памятникъ своему славному согражданину.

Обозначивъ въ главныхъ чертахъ біографію Карамзина, мы перейдемъ теперь къ изученію его произведеній и раздѣлимъ изслѣдованіе наше на три части: въ 1-й разсмотримъ его какъ перваго русскаго гуманиста, во 2-й какъ писателя, въ 3-й какъ историка.....

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ [1].

Къ стр.

5 (Послѣ словъ: черта народнаго характера).

Русскій народъ и въ жизни признаетъ неизмѣннымъ только одинъ Божественный законъ, законъ вѣры и благодати, а изъ-подъ гражданскаго закона всегда старается какъ-нибудь вырваться.

13 (Послѣ словъ: названы совѣтниками).

Замѣчательно, что когда учреждены были у насъ министерства, то министерство народнаго просвѣщенія названо было русскимъ именемъ; но мы никакъ не рѣшились министерство юстиціи назвать министерствомъ правосудія. Такой поступокъ приноситъ честь нашей откровенности. Ужъ то хорошо, что мы министерство народнаго просвѣщенія не назвали министерствомъ публичной инструкціи. Въ этомъ мы видимъ вѣрный залогъ того, что со временемъ мы и министерство юстиціи переведемъ на русское нравы и достойно назовемъ *служеніемъ правосудію*.

---

[1]) Въ копіи, по которой печатались лекціи, оказались нѣкоторые пропуски; недостававшія въ ней мѣста возстановляются здѣсь по подлинной рукописи.

Къ стр.

47 (Послѣ словъ: якшаться съ чуждыми народами).

И въ лицѣ послѣдняго патріарха ѳеократія противилась просвѣщенію.

63 (Послѣ словъ: перешли въ народную пословицу).

Рукою Шевырева на поляхъ приписано: «Вставить о произведеніяхъ свѣтскихъ личностей: Даніила Заточника, автора Слова о Полку Игоревѣ, Курбскаго, Котошихина».

66 (Послѣ словъ: въ большомъ почетѣ).

Извѣстно, въ какомъ почетѣ находилась до XVIII вѣка въ западной Европѣ астрологія со всѣми ея предразсудками. Извѣстно, какъ славный полководецъ тридцатилѣтней войны Валленштейнъ былъ ими одержимъ и какъ принесъ имъ въ жертву свою воинскую славу.

128 (Послѣ словъ: сочиненіе *о скудости и богатствѣ*).

Если Италія славитъ своего Бандини, предшествовавшаго Адаму Смиту, то мы также въ правѣ гордиться своимъ Посошковымъ.

129 (Послѣ словъ: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя:

Исполнить эту мысль дастъ возможность только освобожденіе крестьянъ.

149 (Послѣ словъ: среди нѣмецкой колоніи, которая его [Ломоносова] окружала).

Гигантъ боролся за Русскихъ, и желалъ, чтобы наука сдѣлалась собственностью его соотечественниковъ.

173 (Послѣ словъ: къ какому бы роду они ни относились).

Поэзія мыслящая сродни наукѣ. Такъ отъ мыслящей лирики Греческаго народа родилась его философія.

Къ стр.

174 (Послѣ словъ: были учениками Ломоносова).

Въ продолженіе своего болѣе нежели столѣтняго существованія, Московскій университетъ не всегда оставался вѣренъ высокимъ указаніямъ своего предначертателя, а нерѣдко отъ нихъ уклонялся и потому еще далеко не въ полнѣ совершилъ свое назначеніе. Если онъ хочетъ искренно его достигнуть, то долженъ записать въ сердцѣ своемъ всю жизнь Ломоносова неизгладимыми чертами, помнить то бѣдное званіе, откуда онъ вышелъ, нужды и препятствія, съ какими боролся ради науки, долженъ подобно Ломоносову оставаться неизмѣнно вѣрнымъ идеѣ науки и уразумѣть ее истинныя отношенія къ религіи, къ жизни, къ государству, къ искусству и словесности, точно такъ же какъ разумѣлъ ихъ Ломоносовъ. Въ этой непоколебимой вѣрности его завѣту и въ неуклонномъ его исполненіи заключается все будущее Московскаго университета.

175 (Вмѣсто словъ: князь Репнинъ и проч. до слова: Суворовъ).

Князь Репнинъ, побѣдитель Юсуфа, князь Прозоровскій, образователь у насъ легкой строевой конницы, графъ Панинъ, взявшій Бендеры, графъ Каменскій, первый тактикъ европейскій по мнѣнію Фридриха II, графъ Румянцовъ-Задунайскій и другіе.

177 (Послѣ слова: билетцы, въ самомъ концѣ страницы).

Страсти, его терзавшія всю жизнь, исказили его лицо. Современники говорятъ, что всѣ черты лица его, казалось, были на пружинахъ и онъ моргалъ безперерывно. Говорятъ, что лѣтомъ въ деревнѣ онъ въ ярости гонялся за мухами, когда онѣ мѣшали ему писать.

191 (Послѣ словъ: вездѣ мы видимъ въ немъ постоянную жажду правды).

Въ Русскомъ царствѣ, гдѣ рѣдко ее встрѣчали и теперь еще встрѣчаютъ, это была великая заслуга.

195 (Послѣ словъ: въ Малороссію, гдѣ прежде его не было).

Отсюда началось имя *крымака*, столь ненавистное для Малороссовъ.

202 (Послѣ словъ: оно вело къ театральному блеску, который любили тогда во всемъ).

Театральное путешествіе Екатерины II въ Крымъ, въ 1787 году, служитъ однимъ изъ яркихъ тому доказательствъ. Сегюръ, одинъ изъ участниковъ и очевидныхъ свидѣтелей этого путешествія, называетъ его страницею изъ *Тысячи и одной ночи* (une page des Mille et une nuits). Оно было предпринято съ цѣлью узнать разнообразные нравы народовъ, обитающихъ въ Россіи; но, по замѣчанію Сегюра, нравы народные было бы также трудно узнать изъ этого путешествія, какъ изъ волшебной оперы (une féerie d'opéra), на которую оно было похоже. Дороги во мракѣ ночей освѣщались горѣвшими лѣсами. Горы пылали въ огнѣ. Дворцы какимъ-то волшебствомъ возникали для пріема императрицы. Сады поспѣвали за одну ночь. То дикія пещеры, то храмы Діаны, то гаремы являлись на смѣну безпрерывной декораціи театральнаго странствія. Внезапные флоты наполняли воды. Полки казаковъ и татаръ прибѣгали изъ степей. Посельяне въ праздничныхъ одеждахъ разныхъ областей водили хороводы и пѣли пѣсни. Племена кочевыя, какъ напримѣръ, калмыки, располагались по берегамъ Днѣпра въ своихъ палаткахъ. Стада верблюдовъ, нарочно пригнанныхъ, паслись какъ будто въ аравійской пустынѣ. Господари Валахіи, кавказскіе князья, цари грузинскіе встрѣчали императрицу Россіи при ея выходахъ на берегъ. Въ заключеніе императоръ Австрійскій Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, блисталъ въ свитѣ Русской государыни. Но вся эта блистательная декорація, стоившая Россіи несчетныхъ милліоновъ, прикрывала голодъ, терзавшій народъ внутри

Къ стр.

202 ся; а вдали, на западѣ, готовилась французская революція 1789 года.

Главнымъ героемъ и душою театральной стороны вѣка былъ Потемкинъ. Онъ весь и жилъ и дышалъ этою блестящею внѣшностью. Къ нему шли слова Сегюра: Je connais le prince de Potemkine: son coup de théâtre a eu lieu. Потемкинъ любилъ театральные подвиги: онъ заложилъ городъ Екатеринославль на высокой горѣ, гдѣ не было воды, и церковь, размѣрами огромнѣе римскаго Петра, въ которой никогда не было службы. Онъ любилъ блескъ брильянтовъ на своей одеждѣ и на башмакахъ своихъ. Его шляпа, обремененная драгоцѣнными камнями, спорила цѣнностью съ кафтаномъ Орлова, стоившимъ милліонъ рублей. Извѣстно, что Потемкинъ любилъ пересыпать брильянты изъ руки въ руку и тѣшился ихъ праздным блескомъ.

253 (Послѣ словъ: французскихъ комедій и оперетъ).

Фонвизинъ до сихъ поръ еще живетъ, а Княжнинъ давно уже умеръ для нашего общества.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ XXXIII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

Абдулъ-Гамидъ, султ. **4.** 32. 46.

Аблесимовъ, А. О. **5.** 251.

Абнеръ. 4. 91.

Ага-Мехметъ-ханъ. 4. 277. 293.

Аделаида, сестра Людовика XVI. **4.** 172.

Адресы Отдѣленію русскаго языка и словесности отъ разныхъ учрежденій въ день столѣтія со времени учрежденія Россійской Академіи. XIX. XX.

Адріанъ, патр. **5.** 47. 114.

Академія Наукъ. Россійское Собраніе при Академіи Наукъ. V.—Съ Академіею Наукъ соединена Россійская Академія.—Россійская Академія преобразована во II Отдѣленіе Академіи Наукъ. XII.—Учреждена при Академіи премія Пушкина. XVIII.—На изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи назначено по 5.000 руб. ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ. **1.** 5.

Академія Россійская. См. Россійская Академія.

Аксаковъ, И. С. **1.** 17. **5.** 136. 137.

Аксаковъ, К. С. **5.** 8.

Acta Sanctorum. **1.** 47.

Александра Павловна, вел. княжна. **4.** 98. 223. 225. 281. 286. 287. 289. 316.

Александръ Павловичъ. VII. **4.** 96. 97. 100. 101. 194. 217—221. 223. 225. 226. 269. 289. 290. 327. 332. **5.** 182. 190. 191. 220. 260. 271. 275.

Александръ VI, папа. **5.** 37.

Алексій, митропол. **5.** 28.

Алексѣй Михайловичъ. Его «Урядникъ, или Новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути». **5.** 61—63. 67. 76. 78. 113. 165.

Алексѣй Петровичъ, царев. **5.** 112.

Алипій, иконопис. **5.** 69.

Альбертъ. **4.** 198.

Альдъ Мануцій. **5.** 37.

Альзира. **4.** 105.

Амфилохій, архим. Ему присуждена Ломоносовская премія. **1.** 2. 3.— Его ученые труды. **2.** 2—16.—Оцѣнка этихъ трудовъ академ. Ягичемъ. **2.** 7—108.

Анакреонъ. **3.** 14. **5.** 217.

Анна Іоанновна. **5.** 194.

Анна Ѳеодоровна, велик. княг. **4.** 282.

Ангальтскій домъ. **4.** 249.

Ангальтъ, графъ. **4.** 241.

Ангальтъ-Бернбургскій принцъ. **4.** 30. 35. 305.

Анжуйскій домъ. **4.** 191.

Анна Павловна, велик. княжна. **4.** 224.

Антіохъ. **2.** 43. 45. 47. 48.

Антингъ, силуэтистъ. **4.** 273. 274.

Антонинъ, архим. **2.** 8. 9.

Антуанетта, принцеса Кобургская. **4.** 279.

Апостолъ, напечатанный Иваномъ Ѳедоровымъ. **1.** 52.

Аракчеевъ. XI.

Аристотель Фіоравенти. **5.** 46.

Аристотель. **2.** 32. **3.** 13.

Аристофанъ. **5.** 238.

Армфельтъ. **4.** 40. 44. 308.

Аррасскій епископъ. **4.** 201.

Арсеньевъ, акад. XIV.

Archiv für slavische Philologie, издаваем. въ Берлинѣ академик. Ягичемъ. **1.** 7. **2.** 86. 87. 95. 97. 113.

Артуа, графъ. **4.** 144. 170. 173. 200. 201. 203. 212. 246. 248. 254. 255. 281. 298.

Аѳанасьевъ, **5**. 85. 87.
Багримъ, мурза. **5**. 185.
Байронъ. **5**. 142.
Балицкій, И. И. **2**. 72.
Бальи, астрон. **4**. 208.
Бандини. Дополн. 277.
Бандури. **2**. 176.
Баратынскій, писат. **5**. 137. 139.
Барнавъ. **4**. 71. 79. 161.
Барсовъ, профес. **5**. 174. 272.
Бартельми. **5**. 2. 267.
Баттё, аббатъ. **5**. 265.
Батый. **5**. 272.
Батюшковъ, К. Н. **3**. 90—94. **5**. 136. 137. 257
Батюшковъ, П. Н. III.
Бауэръ. **4**. 30. 208.
Бахеръ. **4**. 267. 268.
Бахминъ, М. **5**. 50.
Безбородко. **4**. 181. 183.
Безсоновъ. **1**. 50. **5**. 113.
Бекетовъ, кадетъ. **5**. 175.
Бельзэнсъ. **4**. 125. 142. 167. 194.
Бельмонти. **5**. 177.
Бёмъ, Іаков. **5**. 142. 143. 265.
Бередниковъ. XIV.
Бернигъ. **4**. 33.
Берни, кардин. **4**. 172.
Бернсдорфъ. **4**. 296.
Бернулли. **5**. 148.
Берчичъ. **2**. 45. 49. 52—55. 61. 64.
Бецкій. **4**. 226. 275.
Бибиковъ. **5**. 186.
Бишофсвердеръ. **4**. 80.
Бобровъ, художн. XX.
Бово, князь. **4**. 107.
Богдановичъ, И. Ѳ. **5**. 136—138. Его «Душенька». **5**. 229—233. 257.
Богдановъ, Анат. II.
Бодянскій, проф. **1**. 48.
Божеряновъ. XX.
Болтинъ, акад. VI. IX.

Бомбель. **4.** 194. 296.
Бомарше. **5.** 253.
Боннетъ. **5.** 265. 267.
Боркъ. **4.** 243.
Ботвиль. **4.** 163.
Боткинъ, В. П. **1.** 18. 37.
Бранкъ Младеновичъ. **2.** 70.
Бретэль. **4.** 169. 174. 192. 194. 207. 296.
Брюларъ. **4.** 214.
Брюсъ, графъ. **4.** 18.
Буало. **5.** 131.
Будбергъ. **4.** 279. 280. 312.
Будиловичъ. **2.** 180.
Бужинскій Гавріилъ. **5.** 128.
Бужинскій, Павелъ. **3.** 30.
Булгаринъ, Ѳ. **1.** 19.
Буличъ. Н. Н., проф. I. XVIII—XIX.
Булье, маркизъ. **4.** 112—119. 131. 132. 136. 164—166. 169.
Буняковскій, В. Я., вице-президъ. акад. наукъ. III.
Буслаевъ, акад. Его «Историческая грамматика». XV. **1.** 48. **2.** 76. 77. 84. **5.** 42.
Бутковъ, акад. XIV.
Буфлеръ. **4.** 296.
Бычковъ, А. Ѳ., акад. Имъ открыта въ рукописяхъ Публичной Библіотеки старинная русская повѣсть о «Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли».— Его воспоминаніе объ А. Е. Викторовѣ. **1.** 8. 46—53.
«Бѣлая Палата» въ Ростовѣ (Ярославск. губ.). II.
Бѣлинскій. **1.** 45.
Бѣлостѣнецъ. **2.** 48.
Бѣльскій, Иванъ. **5.** 50.
Бѣляевъ, И. Д. **1.** 49.
Бэрке Эдмундъ. **4.** 128. 131. 142.
Бэръ, акад. XII. XVI.
Бюлеръ. **4.** 112.
Бюхнеръ. Его «Stoff und Kraft». **1.** 37. 38.
Бюэль. **4.** 125. 126. 129. 130. 133. 135. 143. 146. 147. 165. 172. 177. 191. 299. 301. 302. 304.
Вагнеръ. **4.** 244. 322—325. 333.
Ваза, графъ. **4.** 314. 315. 317.
Вакенницъ. **4.** 114.

Валленштейнъ. **5.** 37. Дополн. 277.
Вальполь, посланникъ. **4.** 63. 64.
Ванъ-деръ-Ноотъ, адвок. **4.** 104. 228.
Варшавскій университетъ. XX.
Василевскій, С. В. **3.** 29. 30.
Василій Амасійскій. **5.** 55.
Василій Великій. **2.** 23. 28.
Василій Темный, велик. кн. **5.** 49.
Вассіанъ, святит. **5.** 65.
Ваттенбахъ. **2.** 8. 10. 14. 15. 18. 19. 149. 152. 161. 173.
Вахтмейстеръ. графъ, **4.** 22.
Вейнбергъ, П. И. I. XVIII, XIX. **1.** 1.
Венелинъ. XVI.
Вердеръ, профес. **1.** 14.
Веревкинъ, **5.** 235.
Веселовскій, А. Н., акад. I. Приготовилъ для печати продолженіе изслѣдованія своего о русскихъ былинахъ. II. XVIII. XIX.—Издалъ VI—X главы своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха». Его замѣтки по литературѣ и народной словесности. **1.** 7. 8.
Вико, филос. **5.** 3. 14.
Викторія, сестра Людовика XVI. **4.** 172.
Викторовъ, А. Е. Смерть его. I.—Его дѣятельность въ Московскомъ публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ. — Его образованіе, служба ученая и педагогическая, ученые труды. **1.** 10. 11. 46—53. **2.** 22. 26—28. 30—33.
Викторъ Гюго. **5.** 49.
Виландъ. **5.** 267.
Вимпфенъ. **4.** 129. 145. 146. 150.
Віоменпль. **4.** 112.
Владиміръ Александровичъ, великій князь **1.** 1.
Владиміръ Мономахъ. **5.** 49. 65. 159.
Владиміръ Святой, вел. кн. русск. **2.** 109. **4.** 240. Его Исповѣданіе вѣры. **5.** 23. 48. 90.
Властарь. **2.** 28.
Вобанъ, графъ, **4.** 112.
Воейковъ. **3.** 91.
Волковъ, Ѳ. Г. **5.** 175. 176.
Волконскій, князь. **4.** 253.
Володимерко, князь галицкій. **2.** 98.
Вольное Россійское Собраніе при Московскомъ университетѣ. V.

Вольтеръ. **4.** 91. 131. 138. 145. 162. 191. 245. 321. 334. 335. **5.** 142. 174. 177. 178.

Вольфъ, Христіанъ. **5.** 142. 143. 147.

Вонифатьевъ, Стеф. **5.** 67.

Воронцовъ, графъ С. Р. **4.** 178.

Воскресенскій, Гр. **2.** 56.

Востоковъ, акад. XII—XVI. XIX. **2.** 39. 72. 83. 87. 98.

Вяземскій, князь А. А. **4.** 181.

Вяземскій, князь П. А. XIV. **3.** 39. **5.** 136. 137. 139. 235. 247. 272.

Гавриловъ, литогр. **2.** 11.

Гага, графъ. **4.** 314—317.

Гаджибей (нынѣшняя Одесса). **4.** 35.

Гаевскій, В. П. XVIII.

Галіани, аббатъ. **4.** 139. 324.

Галичское четвероевангеліе 1144 года. **1.** 3. **2.** 74—102.

Галлеръ. **5.** 265. 267.

Гамалѣя. **5.** 143. 264.

Гамель, акад. **5.** 89.

Гамель, докт. **3.** 90.

Ганка. XVI.

Гарвей. **4.** 204.

Гардтгаузенъ. **2.** 7—9. 10. 12. 18. 19. 24. 26. 27. 34. 145. 146. 155. 157.

Гаррикъ, трагикъ. **5.** 176.

Гаррисъ, посланн. **4.** 29. 56.

Гартманъ, Н. Н. XX.

Гассанъ-паша. **4.** 34. 35.

Гастферъ. **4.** 54.

Гвидо-Рени, живопис. **5.** 70.

Ге (*Георгъ*, кор. англ.) **4.** 5. 8. 10—13. 42. 52. 55. 66. 71. 74. 121. 155.

Гегель. **1.** 13. 31. 37. **5.** 39.

Гегю (англ. король *Георгъ*, шведск. *Густавъ* и прусск. *Фридрихъ-Вильгельмъ*). **4.** 29. 30. 56. 63. 73. 121. 122. 176.

Гедвига, корол. польск. **4.** 240.

Гейманъ. **4.** 112. 114—117. 119. 165. 166.

Гейне. **5.** 142.

Гейнзель. **1.** 7.

Гейтлеръ, проф. **2.** 13. 42. 59. 61. 64. 106. 108. 112. Мнѣніе академика Ягича о сочиненіи его «Die albanesischen und slavischen Schriften». **2.** 113—189.

Геллертъ. 5. 260.

Гельбигъ, авторъ сочин. «Russische Günstlinge». 4. 266.

Гельвецій. 4. 242.

Генріада. 4. 127. 132.

Генрихъ, принцъ. 4. 55. 56. 58. 59. 67—69. 72. 119. 128. 154. 190. 253—255. 258. 260. 264. 268. 311. 327.

Генрихъ IV. 4. 124. 127. 173. 174. 195. 202.

Генрихъ VIII, кор. англ. 5. 38.

Георгъ, кор. англ. 4. 243.

Гераклій, царь грузин. 4. 295.

Гердеръ. 5. 267.

Гермогенъ, патр. Его воззванія. 5. 66. 67.

Герцбергъ, графъ. 4. 29. 58. 60. 63. 64. 71—74. 77. 78. 81. 82. 84. 85. 92. 95. 103. 136. 150. 154—157. 204. 244. 254. 267. 268. 287.

Герцогиня Мекленбургская. 4. 278. 279. 311—313.

Герцогиня Орлеанская. 4. 214.

Герцогиня Саксенъ-Готская. 4. 105. 278. 284.

Герцогъ Брауншвейгскій. 4. 73. 85. 195. 197. 201. 206. 208.

Герцогъ Готскій. 4. 138. 249.

Герцогъ Зюдерманландскій. 4. 25. 38. 307.

Герцогъ Курляндскій. 4. 259.

Герцогъ Орлеанскій. 4. 162. 212—214.

Герцогъ Пармскій. 4. 159.

Герцогъ Саксенъ-Веймарскій. 4. 248. 249.

Гёрцъ, графъ. 4. 249. 267.

Гессенъ-Дармштадтскій ландгр. 4. 199. 244.

Гёте. 1. 23. 5. 142. 267.

Гиббонъ, истор. 4. 164. 177.

Гильфердингъ, А. Ѳ. 5. 4.

Гинтеръ. 5. 158. 159. 161.

Глика. 2. 32.

Глинка. 5. 136.

Глуховъ. 4. 237.

Гнѣдичъ, Н. И. Нѣсколько данныхъ для біографіи его по неизданнымъ источникамъ. — Его записная книжка. — Свѣдѣнія о службѣ и литературныхъ трудахъ его. — Изъ переписки Гнѣдича. 3. 1—42. 47—76. 79—84. 87—98. 5. 136. 137. 226.

Гоголь. Н. В. 1. 15. 17. 18. 5. 2. 19. 122. 136—140. 182. 231. 237—239. 248.

Годунова, Ксенія. 5. 89.

Годуновъ, Борисъ. **5.** 46. 78.
Голиковъ, писат. **5.** 137.
Голицына, княг. **4.** 300.
Головацкій, Я. Ѳ. **2.** 85.
Головинъ. **5.** 115.
Головкинъ, графъ. **4.** 275. 276.
Голубинскій, Ѳ. А., проф. **1,** 47.
Гомеръ. **3.** 11—15. **5.** 226.
Гончаровъ, И. А. XVI. XVIII. **1.** 11. 29.
Горацій. **4.** 163. **5.** 183. 201. 217. 226.
Горскій. А. В., проф. **1.** 47. **2.** 2. 75. 88.
Гоу, адмир. **5.** 262.
Грабовскій. **4.** 234.
Грамматика, главнѣйшій предметъ для Россійской Академіи. V.
Грейгъ, С. А., адмир. III.
Грейгъ, адмир. **4.** 19. 22. 23. 25. 31.
Грейлеръ, проф. **2.** 129.
Грейфенштейнъ. **4.** 323.
Грессетъ. **5.** 252.
Гречъ, Н. И. **1.** 19. **3.** 91.
Грибоѣдовъ, А. П. **5.** 136. 139. 237. 238.
Григорій Богословъ. **2.** 28. 31. 53. 94. 180.
Григорій, архіеписк. Россійск. См. *Цамблакъ*.
Григоровичъ, В. И., проф. Объ открытомъ имъ на Аѳонѣ глаголическомъ четвероевангеліи. **1.** 9. 49.
Григоровичъ, Д. В. **1.** 45. **5.** 19.
Гриммъ. Переписка его съ императрицею Екатериною II. **4.** 1—339.
Гриньянъ. **4.** 278.
Гроссъ. **4.** 303.
Гротъ, Я. К., академ. Его ученые труды. — Его статьи въ періодическихъ изданіяхъ, сотрудничество въ шведскомъ журналѣ и начало изданія на французскомъ языкѣ писемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II. IV. XV. XVII. XIX. XX. **1.** 6. 7.
Груберъ. **2.** 113.
Гумбольдтъ, Вильгельмъ. **1.** 23.
Густавъ III, кор. **4.** 1. 54. 55. 62. 81. 85. 170. 176. 307.
Густавъ-Адольфъ, кор. **4.** 19. 24. 25.
Гю (Густавъ, кор. шведск., и Фридрихъ-Вильгельмъ, кор. прусск.). **4.** 5. 8. 10. 13. 14. 16. 20. 42. 52. 55. 60. 66. 121. 170. 255. 257. 263. 268.

Гюбшманъ. **2.** 111. 112.
Давыдовъ, Денисъ. **5.** 136. 137.
Давыдовъ, И. И., акад. XIV.
Даль, В. И. **5.** 10.
Дальбергъ. **4.** 291.
Дама́ (Damas). **4.** 278.
Даничичъ. **2.** 81.
Данилъ, митропол. **5.** 34—36.
Дашкова, княгиня, презид. Россійской Академіи. VI. **4.** 188.
Де-Бремъ, сардин. мин. **4.** 61.
Декоршъ, послан. **4.** 212.
Де-Линь, князь. **4.** 42. 47. 104. 145. 148. 150. 263. 327.
Де-Лоссъ, графъ. **4.** 266.
Дельвигъ. **5.** 130. 136. 137.
Деляновъ И. Д., министръ народнаго просвѣщенія. III.
Держава, сынъ Багрима. **5.** 185.
Державинъ, Г. Р. VI. XX. **1.** 6. **4.** 52. **5.** 17. 122. 125. 136—138. 144. 160. 180. — Жизнь Державина. — Главныя черты Екатеринина вѣка изъ его произведеній. — Державинъ-поэтъ. **5.** 184—225. 226. 229. 233. 234. 239. 255—258.
Дерфельденъ. **4.** 32. 287.
Джемсъ, Ричардъ, священ. **5.** 89.
Джонъ Фальстафъ. **4.** 15. 19. 24. 26—31. 46. 121.
Дильманнъ, проф. **2.** 104.
Діонисій Ареопагитъ. **5.** 30.
Діонисій Суздальскій. **5.** 31.
Дидро. **4.** 328.
Дмитріевъ, И. И. X. **5.** 136. 137, 179. 190. 216. 228. 233. 255—258. 260. 262. 266. 273. 274.
Дмитревскій. **5.** 176.
Дмитрій Донской. **5.** 63. 163.
Дмитрій Палеологъ. **2.** 29.
Дмитрій Ростовскій. **5.** 5. 40. 41. 126.
Добровскій. **5.** 4.
Долгорукій, князь И. М., поэтъ. **5.** 228. 229.
Долгоруковъ Василій, князь. **5.** 117.
Дондуковъ-Корсаковъ, князь, вице-презид. Академіи Наукъ. XIII.
Дополненіе къ Областному великорусскому словарю. XIV.
Достоевскій, Ѳ. М. XVI. **1.** 37.

Древле-славянская псалтирь Симоновская до 1280 года, изданіе архим. Амфилохія. **2.** 36—74.

Древняя Россійская Вивліоѳика. 5. 263.

Дружеское Типографское Общество. 5. 264. 265.

Дубельтъ, Л. В. **1.** 18.

Дюмурье. 4. 201. 235. 238.

Дю-Ру. 4. 130.

Дѣтское Чтеніе, журналъ Карамзина. **5.** 265.

Евстаѳій, архим. **1.** 50.

Екатерина II, императр. IV. **4.** 1—339. **5.** 129. 169. 171. 177. 181. 187. 191. 195. 198. 200. 202. 204. 207. 212. 232. 235. 237. 238. 253. 254. 279.

Екатерина Медичи. 4. 145.

Екатерина Павловна, велик. княжна. **4.** 99.

Елагинъ. 5. 175.

Елена Павловна, велик. княжна. **4.** 98. 223. 225. 281. 285—287. 289.

Елизавета Алексѣевна, императр. **4.** 220. 224—226. 289.

Елизавета Петровна, императр. **5.** 116. 129. 139. 148. 165. 169. 204.

Ереси религіозныя. 5. 31.

Ершовъ. 5. 84.

Ефраимъ. 4. 155. 156.

Ефремъ Сиринъ. 2. 86. 90.

Жанлисъ, графиня. **4.** 214. 215.

Жанъ-Батистъ Руссо. 5. 161. 174.

Жанъ-Жакъ Руссо. 5. 142. 265.

Жаркой. 4. 99.

Женэ. 4. 119. 171.

Жилле. 4. 198.

Житецкій, П. **2.** 85.

Житія святыхъ. 5. 68—71.

Жуковскій, В. А. X. XIV. **1.** 1. **5.** 9. 17. 84. 85. 136—140. 213. 226. 230. 273.

Журданъ. 4. 306.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1. 7.

Жюинье, маркизъ. **4.** 246.

Загоскинъ, писат. **5.** 136.

Заіончекъ, 4. 235.

Зайнали Гассанъ-Беглербей, паша. **4.** 35.

Захарій. 2. 87.

Зейдлицъ. 4. 114.

Зельмира. 4. 86. 90. 106.
Зиновій, инокъ. 5. 39.
Злобинъ. 5. 78.
Зографское евангеліе. 1. 9.
Зубовъ, графъ Валер. 4. 34. 111. 181. 185. 236. 262. 293—295.
Зубовъ, графъ Плат. 4. 185. 225. 276.
Зубовъ Николай. 4. 254.
Ибрагимъ, паша. 4. 32.
Игельстромъ, баронъ. 4. 40. 43. 233. 288. 308.
Игорь, князь. 5. 72. 75.
Извѣстія Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. XV.
Изембургъ, принцъ. 4. 199.
Изяславъ. 4. 240.
Иларіонъ, митроп. 5. 23.
Иліада, 3. 11. 14. 15. 18. 31. 5. 226.
Ильинскій, графъ. 5. 189.
Иннокентій, епископъ. XIV.
Исторія государства Россійскаго, Карамзина. 5. 259. 271. 273 — 275.
Исторія русской литературы, Касп. Смита. 1. 7.
Историческая грамматика, Буслаева. XV.
Италинскій. 4. 275. 276.
Іеверъ, княжество. 4. 249. 250. 253.
Іоакимъ, патр. 5. 40.
Іоаннъ Дамаскинъ. 2. 22.
Іоаннъ Златоустъ. 2. 21. 22. 27. 28.
Іоаннъ Лѣствичникъ. 2. 26. 27.
Іоаннъ Эксархъ. 2. 83. 152.
Іоаннъ III, царь. 5. 46. 165.
Іоаннъ IV Грозный. 5. 46. 49. 50—61. 68. 78. 90. 117. 165. 273.
Іоаннъ XXII, папа. 5. 28.
Іосифъ II, императ. 1. 7. 4. 56—58. 128. 263. Дополн. 279.
Іосифъ Волоцкій. 5. 32. 34. 39. 66.
Калайдовичъ. 2. 96.
Калонна. 4. 121. 142. 295.
Каменскій, генер. 4. 31. 32. 5. 175.
Камю. 4. 146. 150.
Кантакузинъ, Іоаннъ. 2. 32.
Кантемиръ, князь. 5. 2. 122. 130. 133—135. 234.

Кантъ. **1.** 23. 37. **5.** 262. 266.

Каннистъ, В. В. **3.** 12. 13. **5.** 136. 137. 139. 226. 238. 254.

Капрара, нунцій. **4.** 61. 138.

Караджичъ. XVI.

Карамзинъ, Н. М. Х. **3.** 91. **5.** 2. 12. 17. 111. 122. 136. 137. 139. 140. 144. 192. 198. 230. 237. Свѣдѣнія о его жизни. — Новиковъ, какъ пособникъ въ образованіи Карамзина. — Пребываніе Карамзина за границей. — Литетатурная его дѣятельность. — Исторія государства Россійскаго. — Покровительство Муравьева. — Смерть его. **5.** 255—280.

Кардель. **4.** 184. 322—325. 333.

Карицкихъ, Настасья и Марья, сестры Гнѣдича. **3.** 87. 88.

Карлети. **4.** 255.

Карлъ I, кор. англ. **4.** 165.

Карлъ V, императ. **5.** 46. 157.

Карлъ XII. **4.** 19.

Кассіанъ. **5.** 33.

Кастера, истор. **4.** 6. 50.

Кастри, марш. **4.** 135. 150. 163. 170. 257. 259. 297. 304.

Кауницъ, князь. **4.** 84. 85.

Кауфманъ, Анджелика. **4.** 285. 286.

Качановскій, Влад. I.

Качеповскій, акад. XIV.

Кашинцовъ, Елисей. **5.** 260. 261.

Кваренги. **4.** 223. 287. 288.

Кельхенъ, лейбъ-хирургъ. **4.** 318.

Кинбурнъ, крѣпость. **4.** 3. 4.

Кипріанъ, митропол. **2.** 39. **5.** 29. 65.

Кириллъ Бѣлозерскій. **5.** 28. 65. 70.

Кириллъ, митроп. **2.** 100.

Кириллъ Туровскій. **2.** 96. **5.** 24.

Кирхгофъ. **2.** 119. 120. 122. 137.

Кирша Даниловъ. **5.** 110.

Клериссо, архитект. **4.** 332. 333.

Клерфей, австр. полковод. **4.** 265. 268.

Климентъ. **2.** 115. 140. 141. 166. 178.

Клоцъ, графъ. **2.** 154. 187.

Ключъ къ исторіи государства Россійскаго, Карамзина, составленный Строевымъ. Х.

Книга Большому Чертежу, изд. Россійскою Академіей. Х.

Кнорринтъ, генер. **4.** 33.

Княжнинъ, Я. В., академ. VI. **5.** 136—139. 175. 252. 253. Дополн. 280.
Кобенцель, графъ. **4.** 150. 204.
Козляниновъ. **4.** 47.
Козодавлевъ, редакт. «Собесѣдника любителей россійскаго слова». VI.
Кольцовъ, поэтъ. **5.** 137.
Колычевъ. **4.** 338.
Коммиссія по присужденію Пушкинскихъ премій. XVIII.
Комитетъ для составленія общаго устава Академіи Наукъ. XIII.
Комитетъ по сооруженію памятника Пушкину. XVII.
Комнинъ, Іоаннъ. **2.** 23.
Кондаковъ Н. П., проф. Его альбомъ видовъ и древностей Синайскаго монастыря. **2.** 9. 10. 64.
Конде, принцъ. **4.** 144. 297. 298. 305.
Кондорсэ. **4.** 159. 208.
Константинъ Павловичъ, велик. князь. **4.** 97. 100. 220. 222. 231. 232. 278. 284. 289. 290.
Константинъ Философъ. **2.** 107. 109. 142. 143. 187—189.
Конфланъ. **4.** 114.
Копенгагенскій университетъ. **1.** 7.
Коніевичъ, И. **2.** 71.
Корилла. **4.** 185.
Корнель. **5.** 252.
Корниловъ, П. П. III.
Коссовичъ, К. А. **5.** 4.
Костомаровъ, Н. И. **5.** 42.
Костровъ. **3.** 13. **5.** 136. 181. 226.
Костюшко. **4.** 233. 235. 237. 239. 241.
Котельниковъ, акад. IX.
Котляревскій, проф. **1.** 4.
Коцебу. **4.** 102. 103.
Кояловичъ, М. О. XIX.
Краонъ, князь. **4.** 107. 108.
Крашенинниковъ, акад. **5.** 180.
Крижаничъ. Его книга «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». **5.** 113.
Крузе, адмир. **4.** 38. 39. 42. 47.
Крыловъ, И. А. X. XIV. **5.** 9. 122. 136—138. 179. 233. 257.
Ксифилинъ, Іоаннъ. **2.** 32.
Куникъ А. А., акад. Его записка объ изданіи алфавитнаго указателя

книгъ на славянскихъ нарѣчіяхъ въ 1-мъ Отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ. II.

Курбскій, Андрей. **5.** 50—54.

Курицынъ, Ѳедоръ, дьякъ. **5.** 32.

Курфюрстъ Саксонскій. 4. 228. 249. 264.

Кутузовъ, послан. **4.** 245.

Кюстинъ. 4. 197. 198.

Лабзинъ. 5. 143.

Лавровскій, П. А. **2.** 56.

Лагарпъ. 4. 334. **5.** 267.

Ламанскій, В. И. **2.** 56.

Ламартинъ. 5. 49.

Ламетъ. 4. 79. 126. 161.

Ланской. 4. 184.

Ла-Рошъ-Ламбертъ, графиня. **4.** 304.

Ласкарисъ. 5. 1. 37.

Ласточка, стихотвор. Гнѣдича. **3.** 25.

Лаудонъ, фельдмарш. **4.** 42. 58.

Лафайэтъ. 4. 104. 121. 122. 133. 162. 238.

Лафатеръ. 4. 202. **5.** 265. 267.

Лафонтенъ. 5. 174. 229. 257.

Лебрёнъ, живопис. **4.** 147. 285—287.

Левашовъ. 4. 23. 24.

Левекъ, истор. **5.** 267.

Лежеръ, Лун. **2.** 173.

Лейбницъ. 5. 47. 119. 120. 142. 143.

Лейонанкеръ, адмир. **4.** 39.

Лекенъ, трагикъ. **5.** 176.

Леоніана, шуточная поэма имп. Екатерины II. **4.** 102.

Леопольдъ, австр. императ. **4.** 43. 58. 61. 62. 73. 85. 128. 137. 156. 178. 191.

Лепехинъ, акад. VI. IX. XII.

Лермонтовъ, М. Ю. **5.** 136.

Лескинъ, проф. **2.** 9.

Лессингъ. 5. 265.

Ливенъ, генер. **4.** 225. 281. 315.

Ливіо. 4. 250.

Лицей Александровскій. XX.

Лобановъ, М. Е. **3.** 11. 16—18. 28—32. 94—96.

Логиновъ. 5. 188.

Ломбардъ, мальтійск. кавалеръ. **4.** 3.

Ломоносовская премія. Присужденіе ея архимандриту Амфилохію. **1.** 2. **2.** 1—36.

Ломоносовъ, акад. XII. **5.** 9. 12. 16. 121. 122. 125. 131. 136. 138. 139. 140. 142—144. Свѣдѣнія о его жизни.—Ломоносовъ и наука.—Взглядъ его на отношеніе науки къ вѣрѣ, государству и народной жизни и на отношеніе наукъ между собою.—Ломоносовъ какъ словесникъ и поэтъ. **5.** 145—173. 174. 178. 180—182. 186. 198. 208. 213. 234. 257. 266.

Лоранъ. 4. 323.

Лувуа. 4. 58.

Луиза Баденская, принцесса, впослѣдствіи императрица. **4.** 220.

Лукинъ. 5. 235

Луккезини, марк. **4.** 71. 235. 238. 244. 248. 255. 263. 268. 275. 287.

Лѣтописи. 5. 67. 68.

Людовикъ XI. **5.** 38.

Людовикъ XIV. **4.** 124. 130. 131. 286.

Людовикъ XV. **4.** 170. 214.

Людовикъ XVI. **4.** 117. 118. 120. 150. 164. 165. 170. 175. 200. 204. 206. 235. 247.

Людовикъ XVII. **4.** 262. 264.

Людовикъ XVIII. **4.** 262. 265. 297. 298. 303. 305. 306.

Люкнеръ, генер. **4.** 110.

Лютеръ. 4. 322. **5.** 115.

Магницкій. Его ариѳметика. **5.** 145.

Магометъ. 2. 32.

Мадалинскій. 4. 233. 241.

Маззей. 4. 191. 228. 230.

Мазепа. 5. 115. 117.

Майковъ, А. Н. Присужденіе ему полной преміи Пушкина. XVIII. **1.** 1.

Майковъ, А. Н. Его избраніе въ члены-корреспонденты Отдѣленія русскаго языка и словесности. XVI.

Макарій, митропол. **5.** 36. 49.

Макаровъ. 5. 189.

Макартней. 4. 261.

Максимовичъ, М. А. **2.** 102.

Максимъ Грекъ. 2. 32. 39. **5.** 1. 37—39. 50. 66.

Максимъ, митроп. **2.** 100.

Малала, Іоаннъ. **1.** 47.

Малебраншъ. 4. 328.

Malet Dupan. **4.** 256.
Малле, аббатъ. **3.** 12.
Мамоновъ. **4.** 184. 185.
Мансуръ, имамъ. **4.** 7.
Мануилъ Критскій. **2.** 30.
Манфредини. **4.** 204. 255.
Манштейнъ. **4.** 235.
Марабуты (Турки). **4.** 9. 10. 14. 183.
Маріинское евангеліе. **2.** 45—47. 52. 54. 59. 61. 78. 146. 161.
Марія-Антуанетта. **4.** 165. 207. 208. 212. 213. 215.
Марія Павловна, велик. княжна. **4.** 98. 225. 285.
Марія-Терезія. **4.** 24.
Марія Ѳеодоровна, великая княгиня. **4.** 6.
Мармонтель. **5.** 2. 267.
Марколини, графъ. **4.** 154.
Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. На изданіе ихъ назначено по 5,000 руб. въ теченіе трехъ лѣтъ. **1.** 5.
Матица Сербская. XVI.
Маттисонъ, поэтъ. **5.** 267.
Матюшкина, граф. **4.** 226.
Мейеръ, Густ. **2.** 149.
Мелиссино. **5.** 175.
Менгсъ. **4.** 337.
Мендельсонъ. **5.** 266.
Мерзляковъ. **5.** 136. 181. 213. 217. 228.
Мерси, графъ. **4.** 207.
Местмахеръ. **4.** 260. 266.
Миклошичъ, И. **2.** 51. 53. 64. 67. 70. 83. 90. 98. 113. 117. 136.
Миллеръ, Вс. Ѳ. Мнѣніе академ. Ягича о его статьѣ «Къ вопросу о славянской азбукѣ». **2.** 108—113. **2.** 149. 184.
Миллеръ, Ѳ. О. проф. **1.** 1.
Миносъ. **4.** 159.
Мирабо. **4.** 71. 90. 124. 160—162.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь. **5.** 89. 165.
Михаилъ IX Палеологъ. **2.** 29.
Михайловскій. XIV.
Михельсонъ, генер.-лейтен. **4.** 32. 33.
Мицкевичъ. **5.** 2.
Могила, Петръ. Волошск. князь. **5.** 39.
Моклеръ, пасторъ. **4.** 324. 325.

Молешотъ. 1. 37.
Молитва, Гпѣдича. 3. 27. 28.
Моммзенъ. 5. 17.
Монморанси, 4. 132.
Монморень, франц. мин. 4. 10. 13. 147. 198.
Монтескьё 5. 2.
Монфоконъ. 2. 173.
Мордвиновъ, послан. 4. 186.
Мориць, писат. 5. 265. 267.
Моро. 4. 306.
Московскій университетъ. XX. 5. 139. 144. 174. 226. 228. 229.
Московскія Вѣдомости. 5. 263. 264.
Московское Общество любителей россійской словесности. XX.
Московское Юридическое Общество. XX.
Муравьевъ, М. Н. 136. 137. 237. 271. 272.
Муральтъ. 2. 29.
Муртаза Кули-ханъ. 4. 277. 293. 295.
Мусина-Пушкина. 5. 176.
Мусинъ-Пушкинъ, акад. IX.
Мусинъ-Пушкинъ, попечит. 1. 16. 18.
«**Мысли объ исторіи русскаго языка**», Срезневскаго. XV.
Мѣрило Праведное, книга. 5. 63. 64.
Надеждинъ. Его «Сонмище нигилистовъ». 1. 30.
Наполеонъ I. 4. 120. 241. 5. 272.
Нарышкинъ, об.-шенкъ. 4. 226.
Нарышкинъ, Л. А., оберъ-шталмейст. 4. 101. 102. 159. 189. 226. 289.
Нассау-Зигенскій князь, адмир. 4. 34. 39. 40—42. 47.
Невоструевъ, К. 2. 2. 75. 78. 88.
Неккеръ. 4. 60. 133. 136. 140. 150. 162. 256. 259.
Некрасовъ, Н. 1. 15.
Нелединскій-Мелецкій. 5. 136. 139. 226. 228. 252. 257.
Нессельродъ. 4. 69.
Несторъ. Его лѣтопись. 5. 67. 68. 119.
Никитинъ, живопис. 5. 121.
Никифоръ, митропол. 5. 65.
Николаи, баронъ А. П. III.
Николай Павловичъ, императоръ. XII. 4. 290. 5. 173.
Николевъ, писат. 5. 228.
Никонъ, патр. 5. 16.

Нилъ, святой. **5.** 33.
Нилъ Сорскій. 5. 33. 34.
Ноаль. 4. 132.
Новиковъ, Н. И. V. **5.** 136. 143. 228. 263—266.
Нолькс. 1. 7.
Нолькенъ, баронъ. **4.** 17—20.
Нѣгошъ Данінлъ, черногорск. митропол. **5.** 116.
Обольяниновъ, лейтен. **4.** 2.
Огоновскій. 2. 85.
Одинцовъ. 4. 47.
Озерецковскій, акад. VI. IX.
Озеровъ. 5. 136. 137. 139. 175.
Окландъ. 4. 81.
Оленинъ, акад. IX.
Ольга Павловна, велик. княжна. **4.** 217. 424.
«Описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки». 1. 2.
Опытъ Областнаго великорусскаго словаря. XIV.
Орлеанскій домъ. 4. 191.
Орловъ, графъ А. Ѳ. **1.** 16. 18.
Орловъ, графъ Г. Г. **5.** 181. 183.
Орловъ, князь. **4.** 336.
«Основанія фонетики», Сиверса. **1.** 7.
Основьяненко. 5. 136.
Оссіанъ. 5. 226. 265.
Островскій, А. Н. XVI.
Остромирово евангеліе. 1. 9. **2.** 56.
Отдѣленіе II, русскаго языка и словесности. Публичное засѣданіе онаго въ воспоминаніе столѣтія со дня открытія Россійской Академіи. III. — Положеніе объ Отдѣленіи. XIV.— Изданія Отдѣленія. XIV. XV.— На усиленіе средствъ Отдѣленія исходатайствованъ отпускъ по 5.000 руб. ежегодно. **1.** 4.
Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году съ Приложеніями къ нему. **2.** 1—191.
Отэнь. 4. 169.
Павелъ, монахъ. **2.** 27.
Павелъ Петровичъ, I. VI. **4.** 6. **5.** 19. 189. 212. 220. 257.
Павловъ. 4. 129.
Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ съ IX по XVII вѣкъ, архим. Амфилохія. **2.** 7—36.
Палладій. 2. 28.

Палласъ, акад. XII. **4.** 23. 48.
Панаевъ В. И., акад. XIV.
Панинъ, графъ. **4.** 202. 206. **5.** 175.
Партовъ, предсѣдатель Россійской Академіи. VII.
Пассекъ, генер. **4.** 228.
Пейкеръ, ценз. **1.** 16.
Пекарскій, акад. **1.** 4. **2.** 71.
Пелла. **4.** 157.
Перевощиковъ, акад. **5.** 153.
Переджи-Шанумъ, персид. принцесса. **4.** 293. 294.
Петіонъ, меръ. **4.** 191.
Петровъ, А. А. **5.** 264—266.
Петровъ, В. П. **5.** 136. 180—184.
Петръ, митропол. **5.** 28. 70.
Петръ I. **4.** 226. 247. **5.** 1. 16. 47. 78. 90. Петръ—первый представитель періода развитія личности.—Петръ въ дѣлѣ религіи, народности, языка и словесности. — Языкъ Петра, устный и письменный. — Черты личности Петра въ развитіи русскаго ума и слова. **5.** 111—125. 129. 138. 143. 158. 165. 169. 174. 234. 239. 261. 272.
Петръ III. **1.** 6.
Пиндаръ. **4.** 204.
Пироговъ, Н. И. **1.** 34. 37.
Пискаревъ, Д. **1.** 49.
Письма Русскаго путешественника, Карамзина. **5.** 268.
Питтъ. **4.** 66. 74. 79. 80. 111. 156. 183. 212. 256.
Піатоли. **4.** 228.
Платнеръ, проф. **5.** 267.
Плетневъ, акад. XIV. **1.** 6. 7. 12. 13. 45. **3.** 91.
Плутархъ. **4.** 44. 97.
Побѣдоносцевъ, К. П., оберъ-прокуроръ свят. син. III.
Повалишинъ, адмир. **4.** 37. 39. 42. 47.
Погодинъ, акад. XIV.
Пожарскій, князь. **5.** 223. 257.
Позднякъ, Д. П. **3.** 29—30.
Полевой, Н. **5.** 137.
Полозовъ. **3.** 39—41.
Полонскій, Я. П. Присужденіе ему преміи Пушкина. XVIII. **1.** 1.
Поль-Джонсъ. **4.** 14. 108—110.
Пономаревъ, А. И. **3.** 97. 98.
Понятовскій. **4.** 288.

Поповскій, професс. **5.** 174. 272.
Поповъ, А. **2.** 94.
Попъ, поэтъ. **5.** 183.
Порфирій, еписк. **2.** 18. 19.
Пословицы, поговорки, сказки и пѣсни русскія народныя. 5. 75—111.
Посошковъ Ив., крестьян. Его сочиненіе «О скудости и богатствѣ». **5.** 128. 129.
Поссевинъ, Антон. **5.** 50.
Посьетъ, генер.-адъют., мин. путей сообщенія. XX.
Потебня, А. **2.** 85.
Потемкинъ, князь. **4.** 4. 30. 32—35. 45. 47. 50. 52. 53. 99. 101. 107. 108. 110—112. 179—183. 189. 220. 325—327. **5.** 181. 183. 200. 202. 203. 207. 209. 239. Дополн. 280.
Потоцкій графъ, сенат. **5.** 189.
Потоцкій, Игнат. **4.** 263.
Поттъ, А. **2.** 83.
Поученіе Владиміра Мономаха. **5.** 49.
Преміи. Пушкина. XVIII, Жуковскаго. **1.** 1. Котляревскаго. **1.** 4.
Принцесса Баденская и ея дочери. **4.** 219. 220.
Принцесса Оранская. 4. 89.
Принцъ Ангальтъ-Цербстскій. 4. 249.
Принцъ Виртембергскій. 4. 106.
Принцъ Кобургскій. 4. 33. 34. 196. 201.
Принцъ Ксаверій Саксонскій. 4. 261.
Принцъ Нассаускій. 4. 14. 23. 36. 37. 104. 107. 117. 173. 191. 235. 238.
Принцъ Орлеанскій. 4. 213—215.
Прозоровскій, Д. **2.** 23.
Прозоровскій, князь. **5.** 175.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ. **5.** 40. 118. 122. 126—128. 146.
Пугачевъ. 4. 18. 21. 325.
Пулковская астрономическая Обсерваторія. XII.
Пушкинъ, А. С. X. XVI. XVII. **1.** 7. 21. 35. 36. 38. 44. **5.** 2. 10. 16—18. 83. 84. 86. 106. 122. 125. 130. 136—140. 145. 191. 230. 251. 257. 273.
Пушкинъ, адмир. **4.** 39. 47.
Пушкинъ, графъ. **4.** 49.
Пыпинъ. 5. 42.
Рагузинскій. 5. 116.
Радзивиллъ, княгиня. **4.** 259

Радзивиллъ, князь Антонъ. **4.** 259. 260.
Разумовскій, графъ. **4.** 15—18.
Раймондъ Медулльонскій. 2. 27.
Ранке, Леопольдъ. **1.** 11.
Ранеиъ Тоирасъ, истор. **4.** 324. 325.
Распинъ. 5. 174.
Рауль, фотогр. **2.** 9.
Рафаэль Менгсъ. 4. 217.
Рачкій, Фр. **2.** 113. 117. 141.
Редернъ, графъ. **4.** 155.
Рейтергольмъ. 4. 296. 308. 310. 311. 317.
Рейфенштейнъ. 4. 172. 216. 217.
Рейхель, проф. **5.** 236.
Рекамье. 5. 2.
Ренанъ, Эрнестъ. **1.** 11.
Рене. 4. 75.
Реньеръ. 4. 169.
Ріокуръ, графъ. **4.** 153. 157.
Репнинъ, князь. **4.** 34. **5.** 175.
Рибасъ, генер. **4.** 35.
Рихманнъ. 5. 148.
Рихтеръ, Жанъ-Поль. **1.** 30.
Ришельё, герцогъ, Одесск. губернат. **4.** 79. 110—112.
Роберъ. 4. 167.
Родней, адмир. **5.** 262.
Розбергъ, адъюнктъ. XIV.
Розе, Іосифъ. **5.** 186.
Россійская Академія. Рѣчь о ея значеніи и дѣятельности. IV.—Связь ея съ «Собесѣдникомъ любителей россійскаго слова».—Лучшая пора жизни ея и упадокъ. — Прекращеніе отпуска суммы на содержаніе Академіи. VI.—Возвращеніе ей прежняго ея достоянія.—Прекращеніе существованія ея. VII. — Словарь русскаго языка. — Словарь, расположенный въ азбучномъ порядкѣ и русская грамматика. IX.— Періодическія и другія изданія академіи. IX и X.—Соединеніе Россійской Академіи съ Академіею Наукъ.—Россійская Академія преобразована во II Отдѣленіе Академіи Наукъ. XII.—Сношенія Россійской Академіи съ славянскимъ міромъ. XVI.
Ростопчина, графиня. **5.** 7.
Ростопчинъ, графъ. **5.** 272.
Ротшильдъ. 1. 43.
Рубіо, живопис. **5.** 69.

Рудишёльдъ. 4. 308.

Румовскій, акад. VI. IX.

Румянцовъ, графъ Н. II. X. 4. 32. 61. 62. 130. 134. 187. 195. 236. 302. 5. 139. 175. 200. 203.

Русская Правда. 5. 48.

Русская Старина. 1. 7.

Русскій языкъ — выраженіе духа и характера Русскаго народа. — Три періода развитія русскаго слова: религіозный періодъ, развитіе элементаличнаго человѣческаго и развитіе элемента народнаго. 5. 1—111.

Руссо. 4. 151. 159.

Руффо. 4. 130.

Рыбниковъ. Его народныя русскія пѣсни. 5. 10.

Рѣчь Гнѣдича въ Обществѣ любителей россійской словесности. 3. 33—37.

Рюльеръ. 4. 198.

Савва, архіепископъ Тверской. 1. 48. 2. 7. 10. 12. 14. 20. 23—25. 30. 33. 173.

Савонарола, Іеронимъ. 5. 37.

Сакенъ. 4. 98.

Саксонскій домъ. 4. 228.

Саксъ, кавал. 4. 261.

Салтыковъ, графъ. 4. 37. 5. 177.

Самойловъ. 4. 30.

Сарти. 4. 225.

Сборники Святослава. 1. 9.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. XV. 1. 7.

Свистуновъ. 5. 175.

Свят. Кириллъ. 2. 74. 104. 106. 109. 115—119. 123. 138. 126. 138. 139. 141. 143. 166. 167. 187. 5. 21—23.

Свят. Меѳодій. 2. 74. 104. 138. 139. 141. 187. 5. 22. 23.

Святославъ, вел. кн. 2. 67. 5. 47.

Севастьяновъ. 1. 49. 2. 18. 28.

Сегюръ, графъ. 4. 4 8. 99. 104. 132. 336. Дополн. 279. 280.

Седэнъ. 4. 334. 335.

Селлери, маркизъ. 4. 214.

Селимъ, султ. 4. 32. 66. 179. 245. 264.

Семенова, актриса. 3. 19.

Семибашенный замокъ. 4. 123.

Семонвиль. 4. 204.

Сенакъ де-Мельянъ. 4 188. Его сочиненіе: «La comparaison de St. Pierre de Rome avec Catherine II». 4. 189. 190.

Сенъ-Мартенъ. 5. 143. 265.

Сенъ-При. 4. 29. 122. 123. 171. 173. 177. 218. 278. 296.

Сенъ-Симонъ. 1. 41.

Сераіонъ, еписк. 5. 27.

Сербско-русскій словарь. XIV.

Сергій Радонежскій. 5. 70.

Симеонъ, царь. 2. 140. 167. 189.

Сіэсъ, аббатъ. 4. 242. 258.

Сиверсъ, проф. 1. 7.

Силовъ. 5. 183. 184.

Симеонъ Полоцкій. 5. 157.

Симолинъ, послан. 4. 169. 171.

Синклеръ. 4. 271.

Спринъ, Исаакъ. 2. 28.

Скандербегъ (Георгій Кастріотъ). 5. 118.

Скопинъ-Шуйскій, Михаилъ, князь. 5. 89.

Скорина, Францискъ, докт. 1. 51.

Скоропадскій, гетм. 5. 117.

Скорый, фрегатъ. 4. 2.

Славинскій, П., священ. 3. 10.

Славяно-греко-латинская школа. 5. 146.

Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. XIV.

Словарь Россійской Академіи. IX.

Слово Даніила Заточника. 5. 234.

Слово о полку Игоревѣ. 2. 96. 5. 72—75.

Смирновъ, свящ. 4. 270.

Смитъ, Адамъ. Дополн. 277.

Смитъ, Каспаръ. 1. 7. 4. 38.

Смотрицкій. Его славянская грамматика. 5. 145.

Снегиревъ, И. М. Его сочиненіе «О народныхъ русскихъ праздникахъ». 5. 106.

Собесѣдникъ, журналъ импер. Екатерины II. 5. 254.

Соболевскій, А. 2. 99—101.

Собраніе Россійское при Академіи Наукъ. См. *Академія Наукъ.*

Содомъ и Гоморра. 4. 160.

Софія-Августа, принцесса. 4. 250.

Сперанскій, Кузьма. 5. 78.

Сперанскій, М. М. Х. 5. 78.

С.-Петербургская духовная академія. XIX.

С.-Петербургскій университетъ. XIX.

Спренгтпортенъ, послан. **4.** 55.

Срезневскій, Вяч. **2.** 40. 56. 69.

Срезневскій, И. И., академ. Его ученые труды. XV. XIX. **1.** 47. 51. **2.** 7. 9. 11. 37. 86. 95. 140. 178.

Станиславъ, кор. польск. **4.** 228.

Стасовъ, В. В. **2.** 100.

Стединга, послан. **4.** 309. 310.

Стернъ. **5.** 143. 265.

Стефанъ Пермскій. **5.** 28. 63.

«Столѣтіе журнала Собесѣдникъ любителей россійскаго слова», брошюра. XX.

Стороженко, Н. И. XVIII.

Стояновскій, Н. И. III. **1.** 2.

Строгановъ, графъ. **4.** 167.

Строевъ, акад. Его Ключъ къ Исторіи государства Россійскаго, Карамзина. X. XIV.

Суворовъ-Рымникскій, князь А. В. **3.** 7. **4.** 33. 34. 47. 96. 110. 201. 273. 274. 287. 305. 339. **5.** 139. 175. 200. 203. 217.

Судовщиковъ. **5.** 254.

Сумароковъ, А. П. **5.** 136 — 139. 142. 149. 160. Сумароковъ — подражатель иностраннымъ писателямъ, основатель русскаго театра и первый русскій публицистъ.—Трагедія Сумарокова, оды, сатиры, комедіи, притчи и басни. **5.** 174—180. 233. 234. 239. 241. 251.

Сумароковъ, Панкратій. **5.** 257.

Сутерландъ, баронъ. **4.** 65.

Сухомлиновъ, М. И., акад. I. Его рѣчь о значеніи и дѣятельности Россійской Академіи. — Его отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности. IV—XVII. **1.** 1—46. **5.** 147.

Сушковъ, Н. В. **1.** 49.

Сюлли. **4.** 127.

Сюло. **4.** 160. 162.

Тамерланъ. **4.** 170.

Таммъ, шведск. ученый. **1.** 7.

Татариновъ, П. П. **3.** 30. 97.

Таубертъ, акад. **5.** 148.

Текели, генералъ-аншефъ. **4.** 7.

Тепловъ. **5.** 149.

Терезина Марронъ. **4.** 217.

Тихонравовъ, Н. С. **5.** 42.
Толстой, графъ А. К. **1.** 19. **5.** 251.
Толстой, графъ Д. А., през. Императорской академіи наукъ, министръ внутр. дѣлъ. III. **1.** 5.
Толстой, графъ Л. Н. XVI.
Толстой, графъ Ѳ. А. **5.** 233.
Томасиновъ мавзолей. 4. 59.
Тредьяковскій. 5. 130—133. 157. 160. 174. 218.
Троепольская, актр. **5.** 176.
Тугутъ, австр. министръ. **4.** 265. 296. 297.
Тургеневъ, А. И. **5.** 2.
Тургеневъ И. П., директоръ Московск. университ. **5.** 263. 271.
Тургеневъ, И. С. I. XVI. **1.** 12—25. 28—46. **5.** 19.
Тутолминъ, генер.-губернат. **5.** 187.
Тэйлоръ, Исаакъ. **2.** 106. 110. 150. 152. 160—162. 165. 171. 185.
Тюммель, баронъ. **4.** 284.
Уваровъ, графъ С. С. X. XIII. **3.** 11—14.
Ундольскій, В. М. Его «Собраніе славяно-русскихъ лѣтописей». **1.** 49. **2.** 181.
Устряловъ, проф. **5.** 112.
Ушаковъ, адмир. **4.** 50. 99. 179. 182.
Фалькенштейнъ, графъ. Дополн. 279.
Фальконетъ. 4. 198.
Фарамондъ. 4. 126.
Фейербахъ. 1. 31.
Фёлкерзамъ, саксон. послан. **4.** 266.
Фельзенъ. 2. 10. 14. 18.
Фердинандъ, принцъ прусск. **4.** 259.
Ферзенъ, графъ. **4.** 145. 238. 239. 287.
Филаретъ, митроп., академ. XIV.
Филаретъ, патр. **5.** 89.
Филиппъ, митроп. **5.** 39. 70. 71.
Филиппъ Капетъ. 4. 191.
Филиппъ Эгалите. 4. 268.
Филиппъ V. **4.** 191.
Филипсталь. 4. 105.
Филологическія Записки, издаваемыя въ Варшавѣ. **1.** 7.
Филологическія Разысканія, Грота. XV. Третье изданіе ихъ. **1.** 7.
Финдлэтеръ, шотландск. перъ. **4.** 231. 232. 239. 256. 259. 260. 263. 269. 270—273. 278. 279. 285. 290. 301.

Фирсовъ. **2.** 40.

Фихте. **5.** 143.

Фокнеръ. **4.** 67. 179.

Фоксъ. **4.** 56. 179. 183. 184.

Фонвизинъ. VI. **5.** 2. 136—139. 179. 180. — Его «Бригадиръ» и «Недоросль». **5.** 233—253. — Его письмо къ императрицѣ Екатеринѣ II. **5.** 254. 266. Дополн. 280.

Форстенбергъ, графъ. **4.** 106. 108.

Фотій, святит. **5.** 29. 30.

Фохтъ. **1.** 37.

Фра-Беато Анджелико да-Фіезоле, живоп. **5.** 69.

Франклинъ. **4.** 78.

Францискъ I. **4.** 297.

Францъ II, императ. **4.** 247.

Френъ, акад. XIII.

Фридрихъ II. **4.** 166.

Фридрихъ Великій. **4.** 45.

Фридрихъ-Вильгельмъ, кор. прусск. **4.** 46. 47. 53. 55. 57. 69. 72. 85. 103.

Фронсакъ, герц. **4.** 110. 111.

Фурье. **1.** 41.

Фусъ, акад. XIII.

Ханыковъ, адмир. **4.** 37. 39. 47.

Характеристика писателей новаго періода русской словесности. — Раздѣленіе этого періода на три отдѣла: лжеклассическій, романтическій и художественно-національный. **5.** 136—145.

Хемницеръ. **3.** 21. **5.** 136. 179. 233.

Херасковъ. VI. **5.** 137. 139. 175. 228. 263.

Холмскій, Юр. **2.** 87.

Хомутова, Марья. **3.** 89.

Хомяковъ. **5.** 137.

Храповицкій. **4.** 52. 217. **5.** 221. 222.

Христіернъ II, кор. датск. **5.** 38.

Христіернъ III, кор. датск. **5.** 46.

Христина, королева. **4.** 20.

Цамблакъ, Григорій, святит. **5.** 30. 234.

Циклопъ, Пародія Гнѣдича на Ѳеокритову идиллію. **3.** 21.

Циммерманъ. **4.** 103.

Цицiановъ, генер. **4.** 234.

Чатамъ. 4. 64. 260.
Чеботаревъ, Андр. 3. 90.
Челяковскій. XVI.
Черниковъ, Адамъ. 5. 40.
Чернышевъ, графъ. 4. 181.
Чернышевъ, князь Иванъ. 4. 60.
Чингизъ-ханъ. 4. 170.
Чичаговъ, адмир. 4. 37—39. 42. 44. 47. 52.
Четвероевангеліе Галичское 1144 года. 2. 74. 102.
Шаденъ, проф. 5. 143. 236. 262. 266. 272.
Шарлотта, корол. англ. 4. 243.
Шатобріанъ. 5. 2. 153.
Шафарикъ. XVI. 1. 50. 2. 51. 60. 106. 109. 113. 117. 141. 152. 154. 5. 68.
Шахматовъ, А. 2. 95.
Шаховской, князь. 5. 136. 137.
Шахъ-Багамъ. 4. 28.
Шварцъ, профес. 5. 264. 265.
Швейцеръ. 4. 107.
Шверинъ, графъ. 4. 312. 314.
Шевыревъ, акад. XIV. 1. 48. Лекціи о русской литературѣ, читанныя имъ въ Парижѣ въ 1862 году. 5. 1—280.
Шекспиръ. 5. 265.
Шеллингъ. 5. 143.
Шемяка, Дмитрій, князь. 5. 65.
Шериданъ. 4. 221.
Шибановъ, Василій. 5. 51.
Шиллеръ. 1. 22. 23. 25. 32. 5. 142. 170.
Ширинскій-Шихматовъ, князь П. А., акад. XIV. 3. 24.
Шишковъ, предсѣдатель Россійской Академіи. VII. VIII. X. XI. XII. 3. 24. 5. 137.
Школа злословія, комед. Шеридана. 4. 221.
Шлаффъ. 4. 18.
Шлёцеръ. 5. 68.
Шлиттъ. 5. 46.
Шовиньи. 4. 163.
Шомбергъ, графъ. 4. 44. 45. 106. 163. 332.
Шпильманъ, баронъ. 4. 84. 178. 204.
Штакельбергъ, графъ. 4. 34.
Штегельманъ. 4. 241.

Штейнбокъ, графъ. **4.** 310.
Штелинъ, акад. **1.** 6. **5.** 150.
Штиллингъ. **5.** 265.
Шуазёль, герц. **4.** 14. 174. 278. 304.
Шуваловъ, И. И. **4.** 70. 277. **5.** 148. 149. 158. 174.
Шуваловъ, графъ. **4.** 336.
Шульцъ, генер. **4.** 33.
Шумахеръ, акад. **5.** 148.
Шумскій. **5.** 176.
Щербатова, княжна. **4.** 184.
Щербатовъ, князь. **4.** 261.
Щербатовъ, князь, акад. VI. IX.
Щербинина. **4.** 188.
Эденъ. **4.** 81.
Эйлеръ, акад. XII. **5.** 148.
Эйхгофъ. **5.** 4.
Эллiотъ, лордъ. **4.** 243. 260.
Энсли, послан. **4.** 14. 212.
Эренсвердъ, шведск. адмир. **4.** 34.
Эршъ. **2.** 113.
Эстергази, графъ. **4.** 173. 175. 194. 299.
Эсхилъ. **3.** 14.
Юлія, принцес. Кобургская. **4.** 279—282.
Юнгъ, Артуръ. **4.** 272.
Юсуфъ-паша. **4.** 178.
Яворскій, Стефанъ. **5.** 40. 125.
Ягеллонъ, вел. князь литовск. **4.** 240.
Ягичъ, И. В., акад. I. XV. Его избраніе въ академики. XVI.—Его рецензія на изданное архим. Амфилохіемъ четверо-евангеліе 1144 года. Изданіе имъ Мариинскаго четвероевангелія глаголическаго письма конца X или начала XI вѣка.—Имъ окончен первый томъ Памятниковъ древнерусской письменности. Онъ продолжалъ издавать посвященный славянской филологіи журналъ. **1.** 4. 9. 10.—Его отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 г. и оцѣнка трудовъ архим. Амфилохія и профессоровъ Вс. Миллера и Гейтлера. **2.** 7—189.
Языковъ, Д. И. акад. XIII. XIV.
Языковъ, писат. **5.** 84. 136. 137.
Якоби. **5.** 188.
Яковлевъ. Плат. **3.** 29.
Якуфъ, паша. **4.** 32.

Янишъ, агрон. **4.** 271.
Янсонъ, Ю. Э. XIX.
Ярославскій Демидовскій Лицей. XX.
Ярославъ, вел. кн. **5.** 48.
Ѳедоровъ, Иванъ. **1.** 52.
Ѳеодоритъ, **2.** 55.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь. **5.** 63.
Ѳеодосій, основатель Кіевопечерской обители. **5.** 69.
Ѳеокритъ. **3.** 14.
Ѳофилактъ Болгарскій. **2.** 87.